ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 6

Под редакцией доктора юридических наук
В.А. Уткина

Издательство Томского университета
2000

УДК 343
ББК Х628Х629.3Х629.4
П 685

Правовые проблемы укрепления российской государственности:
П685 Сб. статей. Ч. 6 / Под ред. В.А. Уткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. - 326 с.

ISBN 5-7511-1284 -9

В сборник включены статьи преподавателей, научных сотрудников аспирантов Юридического института ТГУ и юридических факультетов других университетов Западной Сибири. Статьи посвящены исследованию реального состояния и актуальным проблемам развития и совершенствования российского законодательства, авторами использована практика деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов, анализируется применение Конституции РФ 1993 г., законодательных и иных нормативных актов, вносятся предложения по повышению эффективности нормативного регулирования в различных отраслях права.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических судебных работников

УДК 343
ББКХ628Х629.3Х629.4

ISBN 5-7511-1284 –9

©Томский государственный университет, 2000

МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ

Н.В. Щедрин

Действующее уголовное право ФРГ предусматривает так называемую дуалистическую систему правовых последствий преступного деяния (die Straftat): **наказание** (die Strafe), а также **меры исправления и безопасности** (Де MaBreée* (die Masregeln der Besserung und Sicherung). Дуализм, или "двухколейность" (die Zweispurigkeit), постоянно подчеркивается исследователями как один из фундаментальных принципов уголовно-правового регулирования.

Клаус Роксин, например, пишет, что название германского уголовного права «Strafrecht» (буквально - "право наказания") некорректно. Современное уголовное право точнее было бы именовать «право наказания, мер исправления и безопасности») (см.:Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. Verlag C.N. Beck. 3 Aufl. Munchen, 1997. S. 3). Сохранение старого названия является ·* данью исторической традиции.

Анализ системы правовых последствий позволяет утверждать, что в современном немецком уголовном праве принцип «двухколейности» постепенно размывается и превращается в принцип «многоколейности». «Колея мер» уже соединяет в себе два вида воздействия: «меры исправления» и «меры безопасности». Уголовное право содержит последствия, которые нельзя отнести ни к «классическому» наказанию, ни к «классическим» мерам безопасности, а именно: дополнительные последствия (Nebenfolgen), санкции, сходные с наказанием (Strafahnliche Sankziontn), и санкции, сходные с мерами (Masregelahnliche Sankzionen). Следует иметь в виду, что в немецкой уголовно-правовой литературе используются термины "Masnahmen" и "Masregeln". Оба традиционно переводятся на русский язык как «меры». Однако понятие "Masnahmen" используется как родовое, которое, кроме мер исправления и безопасности (Masregeln der Besserung und Sicherung), включает в себя иные меры - конфискацию, изъятие и уничтожение (Verfall, Einziehung, Unbrauchbarmachung). Кроме того, введение в уголовное законодательство примирительно-восстановительного реагирования (в УК введен § 46а «Компенсация-преступник-потерпевший, возмещение вреда»)) дает основания полагать, что компенсация- примирение является третьей «колеей» германского уголовного права, (см.: Roxin C. Указ. соч. S. 63).

Меры исправления и безопасности в германской науке уголовного права разработаны достаточно детально, однако, как признают сами немецкие ученые, современная теория уголовного права является преимущественно теорией уголовного наказания. Это объясняется тремя причинами. Во-первых, меры безопасности введены в уголовно-правовую систему позднее наказания. Во- вторых, до сих пор не утихли споры о правомерности использования мер безопасности в качестве второго вида уголовно-правовых последствий. В-третьих, если наказание составляют около 79% от числа применяемых в уголовном праве санкций, то меры - только 21% (см.: Kaiser G. Kriminologie:ein Lehrbuch/3., vollig neubearb. U. Erw Aufll. Heidelberg: Muller Verl, 1996. S 975).

Мерам исправления и безопасности посвящена глава шестая, третьего раздела общей части Уголовного кодекса ФРГ, которая так и называется - «Меры исправления и безопасности».

В 32 параграфах, помещенных в главе, регламентируются перечень мер исправления и безопасности, условия и продолжительность, а также другие вопросы, связанные с их назначением.

Исчерпывающий перечень мер исправления и безопасности дан в § 61. К ним относятся:

1) помещение в психиатрическую больницу;

2) помещение в лечебное заведение для алкоголиков и наркоманов;

3) превентивное заключение;

4) установление надзора;

5) лишение водительских прав;

6) запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью.

В соответствии с Договором об объединении от 31 августа 1990 г., нормы о превентивном заключении не применяются на территории бывшей ГДР. Хотя в немецкой учебной и научной литературе в качестве одного из отличительных признаков мер указано, что меры, в отличие от наказания, ориентированы не на деяние и не на вину, а на опасность личности, § 62 Кодекса закрепляет очень важный «принцип соответствия», согласно которому *"мера исправления и безопасности не может быть назначена, если она не соответствует совершенному лицом или ожидаемому от него деянию, так же как и степени исходящей от него опасности* (текст УК ФРГ цитируется по: Серебренникова А.В. Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. М.: Диалог-МГУ, 1999.262 с.).

ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ИЗМЕНУ

Д.А. Савченко

1. После вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. в правоприменительной практике возник вопрос о возможности распространения его ст. 275, предусматривающей ответственность за государственную измену, на лиц, совершивших соответствующее деяние до 1 января 1997 г. Иными словами, следует ли считать новую уголовно-правовую норму смягчающей наказание либо ее необходимо признать усиливающей наказание по сравнению с той, которая действовала ранее.

На первый взгляд особых сложностей при ответе на этот вопрос возникать не должно. Достаточно лишь сравнить санкцию ст. 275 УК РФ с санкцией соответствующей ей ст. 64 УК РСФСР. Такое сравнение показывает, что новый уголовный закон предусматривает возможность наказания лишь в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, в то время как прежний закон об ответственности за измену Родине указывал на наказание не только в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, но и в виде смертной казни.

Это обстоятельство дало некоторым исследователям основание утверждать, что ст. 275 УК РФ имеет обратную силу и должна применяться к лицам, совершившим измену до 1 января 1997 г. Такая позиция нашла отражение и в судебной практике.

Так, 19 июня 1997 г. Московский городской суд признал виновным в государственной измене в форме шпионажа В.А. Макарова. Суд установил, что В.А. Макаров, находясь в долгосрочной командировке по линии МИД в Боливии в марте – апреле 1976 г., вступил в преступные отношения с представителем ЦРУ США, работавшим под дипломатическим прикрытием, принял предложение о сотрудничестве и получил задание по сбору сведений политического и разведывательного характера, в том числе о принадлежности кого-либо из сотрудников советских загранучреждений в Боливии к разведывательным органам СССР и наличии в отношении них компрометирующих материалов. В период по декабрь 1977 г. на территории Боливии с целью поддержания постоянной связи с ЦРУ Макаров примерно один раз в месяц осуществлял встречи с

представителем ЦРУ на его вилле. Он передал американской разведке собранные по ее заданию совершенно секретные и секретные сведения.

Находясь в долгосрочной командировке в Испании с июля 1988 г. по июнь 1991 г., Макаров в феврале 1989 г. в Мадриде встретился с представителем ЦРУ США, знакомым ему по Боливии, и продолжил преступные отношения с иностранной разведкой. Он провел не менее 12 конспиративных встреч, на которых передал американской разведке совершенно секретные сведения.

Московский городской суд квалифицировал его действия по ст. 275 УК РФ, признав за ней обратную силу, и назначил наказание в виде лишения свободы на срок семь лет (с применением ст. 64 УК РФ).

2. В то же время в судебной практике имели место и иные решения.

Так, 2 июля 1997 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала В.Н. Синцова виновным в измене Родине в форме шпионажа, квалифицировала его преступление по п. «а» ст. 64 УК РСФСР и лишила его свободы на 10 лет с конфискацией имущества.

Суд установил, что с Синцовым, который в январе 1993 г. находился в служебной командировке в Лондоне, 7 января вступили в контакт сотрудники английских спецслужб. Под угрозой сообщения российским компетентным органам компрометирующих его сведений Синцов согласился на сотрудничество с ними. Получив инструктаж, а также специально оснащенный малогабаритный компьютер, дискеты с копиями специальных компьютерных программ, Синцов 12 января возвратился в Москву и приступил к сбору интересующей английскую разведку информации.

В дальнейшем он провел в Сингапуре, Париже, Лондоне и Будапеште 11 конспиративных встреч с сотрудниками английских спецслужб, в ходе которых передал им дискеты и фотопленки со сведениями, в том числе составляющими государственную тайну. За это он получил в качестве вознаграждения в общей сложности 14854 доллара США. После возвращения из служебной командировки в Сингапур, где 11 января 1994 г. Синцов в очередной раз на конспиративной встрече передал интересующую английскую разведку информацию, он был задержан и арестован.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации квалифицировала деяние Синцова по п. «а» ст. 64 УК РСФСР, не посчитав возможным применить к нему новый уголовный закон об ответственности за государственную измену.

Такое решение представляется более правильным. Оно исходит из принципа системности права и учитывает взаимозависимость уголовного и конституционного права России. Ведь хотя формально текст санк-

ции ст. 64 УК РСФСР и упоминал о наказании в виде смертной казни, но фактически с 25 декабря 1993 г. смертная казнь за измену не могла быть назначена в силу ст.ст. 20, 15 и п. 2 разд. 2 Конституции РФ.

С момента вступления в силу этой Конституции смертная казнь стала наказанием, допустимым только за особо тяжкие преступления против жизни. Иными словами, нормативное содержание санкции ст. 64 УК РСФСР изменилось и верхним пределом возможного наказания стало лишение свободы на срок до 15 лет. Именно оно и должно учитываться при решении вопроса о применении соответствующей уголовно-правовой нормы.

В силу этого необходимо сделать вывод о том, что ст. 275 УК РФ усилила наказание за государственную измену до 20 лет лишения свободы, а потому обратной силы иметь не может.

НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С.В. Бунина

В ряде составов Уголовного кодекса РФ психическое насилие является способом совершения преступления. Психическое насилие заключается в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз физической расправой, чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению, к отстаиванию своих прав и интересов. Однако нельзя сводить психическое насилие только к угрозе причинения физического вреда (побоям, телесным повреждениям), так как вред может быть причинен не только организму человека, но и другим интересам личности, которые для него не менее важны (например, честь и достоинство).

Психическое насилие – это всегда воздействие именно на психику человека с целью принудить совершить какие-либо действия, а также прекратить сопротивление (например, при изнасиловании).

Особенности психического насилия как способа совершения таких преступлений, как вымогательство (ст. 163 УК РФ), и изнасилование (ст. 131 УК РФ), и хотелось бы рассмотреть.

При изнасиловании психическое насилие выражается в запугивании потерпевшей, в угрозах физической расправой над потерпевшей, другими людьми. Необходимо отметить, что угроза причинения физического вреда направлена не только в отношении потерпевшей, но и ее детей, близких родственников и людей, чья безопасность важна для потерпевшей (например, друзья). В этом случае угроза выступает как средство преодоления сопротивления. Но кроме этого, угроза может выступать и в качестве отягчающего обстоятельства (п. "в" ч.2 ст. 131 УК РФ), когда виновный угрожает потерпевшей убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Если к потерпевшей применена такая разновидность психического насилия, как угроза распространения сведений, разглашение которых нежелательно для нее, а также угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества, то нельзя вести речь о изнасиловании, следует говорить о понуждении к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). Таким образом, характер психического насилия (угрозы) позволяет разграничить названные составы преступлений.

При вымогательстве (ст. 163 УК РФ) психическое насилие является средством совершения данного преступления, и содержание такого насилия различно: причинение физического вреда, распространение позорящих сведений, уничтожение или повреждение имущества. Угроза при вымогательстве направлена на подавление свободы волеизъявления человека. Характерной особенностью угрозы при вымогательстве является то, что ее осуществление направлено в будущее. Психическое насилие выступает не как средство завладения и удержания имущества (как при грабеже и разбое), а как подкрепление требований имущественного характера.

Угроза насилием заключается в угрозе причинения легкого, средней тяжести, тяжкого вреда здоровью человека.

Угроза уничтожения или повреждения имущества относится только к имуществу, находящемуся в собственности потерпевшего или его близких (родственников, семьи).

Оглашение позорящих сведений, как психическое насилие, может заключаться в сообщении посторонним лицам сведений, разглашение которых для потерпевшего или его близких нежелательно. Позорящими сведениями являются любые сведения, которые воспринимаются потерпевшим как унижающие его честь и достоинство, независимо от того, были ли они ложными или правдивыми. Исключительно от восприятия потерпевшим сведений зависит их оценка как позорящих. Разглашение сведений не просто нежелательно для потерпевшего: он стремится сохранить их в тайне, и данное обстоятельство используется виновным, чтобы принудить его к передаче имущества.

Психическое насилие может играть разную роль в упомянутых деяниях: быть способом совершения преступления, выступать в качестве отягчающих или смягчающих обстоятельств.

ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Т.Г. Черненко

Проблема продолжаемого преступления многие десятилетия привлекала внимание ученых. Особенно интенсивно вопросы продолжаемого преступления разрабатывались немецкими учеными XIX века. Относительно продолжаемого преступления существовали две главные теории: объективная и субъективная. Сторонники первой при определении продолжаемого преступления акцент делали на единстве объективного последствия. Сторонники теории полагали, что для продолжаемого деяния, кроме однородности формы совершения нескольких преступных действий, необходимо установить единство умысла.

В российской уголовно-правовой литературе конца XIX - начала XX века также уделялось значительное внимание вопросам продолжаемого преступления. В. Спасович, например, выделял следующие признаки продолжаемых преступлений:

1) многочисленность действий преступника;

2) каждое отдельно взятое действие должно представлять собой совершенное преступление или, по крайней мере, покушение на него;

3) эти действия должны быть однородными, т. е. все они должны относиться к одному и тому же преступлению и являться нарушением одного и того же уголовного закона;

4) чтобы все преступные действия "могли быть отнесены на счет одного и того же преступного намерения и могли быть рассматриваемы как его осуществление"[1].

Н.С. Таганцев отмечал, что в продолжаемых преступных деяниях с внешней стороны каждый отдельный акт заключает в себе полный состав преступления, в связи с чем объединяющее условие, отделяющее продолжаемое преступление от совокупности, нужно искать в стороне внутренней, в единстве виновности. Основной признак продолжаемого преступления – единство намерения, а прочие признаки имеют второстепенное, дополнительное значение[2].

---

[1] См.: Спасович В. Учебник уголовного права. СПб.,1883. Т.1. Вып.1. С.299.

[2] См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 2.

Споры о сущности продолжаемого преступления существовали и среди ученых советского периода, не закрыт данный вопрос и в настоящее время.

А. А. Герцензон считал, что продолжаемое преступление содержит в себе "ряд деяний, субъект неоднократно воспроизводит состав преступления, причем каждое деяние представляет собой необходимое звено в общем преступном замысле субъекта"[1]. В этом определении на первый план выдвигался субъективный критерий – намерение виновного, его замысел.

А.М. Яковлева следующим образом характеризует продолжаемое преступление: "Единое продолжаемое преступление можно определить как последовательно продолжаемое во времени совершение лицом ряда однородных действий, приведших к наступлению ряда однородных последствий в рамках единой формы вины (умысла или неосторожности)"[2]. В этом определении наряду с объективным критерием наличествует субъективный критерий – единая форма вины.

На единство вины в продолжаемом преступлении обращает внимание и В.П. Малков[3].

С учетом отраженных в юридической литературе позиций выделим признаки продолжаемого преступления.

1. Продолжаемое преступление – это одно преступление, состоящее из нескольких деяний. По этому моменту расхождений среди ученых нет.

2. Деяния, в совокупности составляющие продолжаемое преступление, являются юридически тождественными.

3. Относительно структуры продолжаемого преступления в юридической литературе не сложилось единства мнений. Одна из позиций сводится к тому, что продолжаемое преступление образуют действия, являющиеся преступлениями, если рассматривать их изолированно друг от друга. Другая позиция заключается в том, что продолжаемое преступление могут составлять как деяния, которые могут рассматриваться в качестве самостоятельных законченных преступлений, так и деяния, которые являются административными, дисциплинарными правонарушениями либо проступком, который вообще может не влечь юридической ответственности. Третья позиция сводится к тому, что продолжае-

---

М., 1994. С. 284-285.

[1] Герцензон А.А. Уголовное право. М., 1948. С. 444.

[2] Российское уголовное право. Общая часть/Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 214.

[3] См.: Малков В.П. Повторность преступлений. Казань, 1970. С. 97.

мое преступление состоит из деяний, каждое из которых, взятое изолированно, не образует самостоятельного состава преступления. Данная позиция не представляется убедительной, она необоснованно сужает сферу продолжаемых преступлений и расширяет сферу множественности преступлений. На наш взгляд, продолжаемое преступление может состоять из деяний, которые могут рассматриваться в качестве самостоятельных преступлений, и из деяний, которые являются административно наказуемыми правонарушениями, а также из деяний, которые, если рассматривать их изолированно, вообще могут не влечь юридической ответственности.

Но даже в том случае, когда отдельные эпизоды сами по себе преступны, они не должны получать самостоятельной уголовно-правовой оценки, поскольку являются лишь структурными элементами единого продолжаемого преступления.

4. В качестве признака продолжаемого преступления можно назвать единое место совершения преступления (определенная территория, на которой осуществляется общественно опасное посягательство).

При выявлении признаков продолжаемого преступления возникает вопрос о том, нельзя ли в качестве одного из таких признаков, отграничивающего это преступление от множественности преступлений, признать единство нарушенного субъективного права, иначе говоря – наличие одного и того же пострадавшего. Думается, этот признак не может рассматриваться в качестве обязательного при характеристике продолжаемых преступлений. Возможны ситуации, когда пострадавших несколько, тем не менее совершенное преступление по своей сути остается единым.

Рассмотренные признаки продолжаемого преступления являются внешними, формальными.

5. Но для характеристики продолжаемого преступления очень важны внутренние признаки. В качестве такого признака в юридической литературе называется <u>единый умысел</u>. Словосочетание "единый умысел" в юридической литературе, а также в опубликованной следственной или судебной практике используется для того, чтобы раскрыть психологическую установку лица на совершение нескольких противоправных актов, его целевую направленность. В связи с этим точнее было бы тенденцию к повтору совершения тождественных действий именовать <u>единым намерением</u>. Единство намерения означает стремление к определенной цели. О единстве преступного намерения и о стремлении к определенной цели можно говорить лишь применительно к умышленным продолжаемым преступлениям.

6. Продолжаемое преступление всегда совершается в рамках какой-либо одной формы вины (умысла или неосторожности), иначе это уже будет не единичное преступление, а совокупность таковых.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: продолжаемым является то преступление, которое слагается из двух или нескольких юридически тождественных действий, объединенных местом совершения, каждое из которых, взятое изолированно, может рассматриваться в качестве преступления или проступка, но в целом рассматриваемых как одно преступление благодаря общности преступного результата и единству вины.

Для умышленного продолжаемого преступления характерны единое преступное намерение и общая цель, объединяющая все эпизоды содеянного.

О ПОНЯТИИ НАКАЗАНИЯ В УК РФ 1996 г.

В. Г. Швыдкий

В обстоятельной статье В.К. Дуюнова «Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара?» утверждается: «Принуждение, насилие – не может быть признано сущностью уголовного наказания»[1]. По мнению автора, сущностью наказания является кара, а законодательное определение наказания (ст.43 УК РФ) через принуждение ошибочно.

По нашему мнению, ошибочно определять уголовное наказание и через принуждение, и через кару. Уголовное наказание – сложное социальное явление. Оно характеризуется множеством разнообразных признаков, свойств, поэтому может выступать объектом изучения различных наук. Выявление и определение класса существенных юридических признаков представляет собой юридическое понятие наказания, а в совокупности определений наказания, данных другими науками, описывается целостность наказания как факта действительности.

Уголовное наказание представляет собой общественное отношение, определенное качество (совокупность качеств), определенное свойство (совокупность свойств). Оно включает в свое содержание отношения элементов (сторон, свойств, качеств) как по «вертикали»: объект – субъект, так и по «горизонтали»: объект – объективная сторона, субъект – субъективная сторона.

Соотносятся также субъективная сторона объекта наказания (осужденный) и субъективные признаки субъекта наказания (государство). По сравнению с составом преступления без анализа целей наказания нельзя правильно понять ни содержание состава наказания (юридическая структура наказания), ни его сущности.

Наказание функционирует, его свойства выявляются в определенной системе отношений. Функция характеризует объект с позиций его деятельного, активного начала, поэтому функционального объяснения требуют прежде всего сложные динамические системы, к которым относится и право. В общей теории систем функции

---

[1] Государство и право. 1997. № 11. С.61-68.

выступают в качестве одной из главных характеристик сущности рассматриваемого объекта. Необходимость осуществления тех или иных задач и потребность в средствах их реализации порождают существование самой системы – носителя соответствующих функций. Через них решаются проблемы целеполагания и способов реализации свойств системы, ее целей[1].

Сила, принуждение как таковые исторически выступают как средство воздействия на человека, личность - носителя и творца общественных отношений. Поэтому, в частности, разработка понятия состава наказания дает возможность понять юридические формы функционирования принуждения как следствия совершения преступления – во всем богатстве свойств, отношений, связей этого процесса.

Уголовное наказание как явление, факт действительности – это не вещь, предмет, какая-то агрегация, механическое соединение тех или иного элементов, а функционирование санкций, что невозможно без определенного качества, т.е. соответствующего содержанию взаимодействия субъекта наказания и объекта наказывания, их сторон. Понятно, что в таком случае, определяя сущность наказания, мы не можем иметь в виду только одну сторону наказания – объективную, т.е. принуждение. Необходим анализ субъективной стороны субъекта наказания, т.е. целей государства, которые оно ставит перед наказанием, и субъективной стороны объекта наказания, которая, по нашему мнению, имеет как физическое, психическое содержание (переживание тягот, лишений, ограничений), так и социальное, юридическое – осознание осужденным своей вины за совершенное преступление, причиненное зло личности, обществу, государству.

Принуждение, по определению, есть лишение блага, тягота, страдание, боль. Однако как не всякое насилие, принуждение со стороны государства, применяемое к лицу, совершившему преступление, по отношению к данному лицу, можно определить как наказание. Почему? Потому что переживание тягот, лишений осужденными само по себе не выражает такое качество (субъективную сторону наказания) как осознание вины за совершенное преступление, причиненное зло, т.е. принуждение не осознается осужденным как непосредственный, органический результат преступления. Следовательно, не осознается как наказание справедливая реакция

---

[1] Лубенченко К.Д., Матюхин А.А. О функциональном подходе к исследованию социалистического права // Методологические и теоретические проблемы юридической науки. М., 1986. С.5.

государства на причиненный преступлением вред личности обществу, государству. В то же время наказание функционирует объективно, достигает некоторых, установленных уголовным законом целей, но осужденный, который не осознает своей вины, выступает в данном случае средством в руках государства для достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, общего предупреждения преступлений. Принуждение со стороны государства, не воспринимаемое осужденным как наказание, может восприниматься им только как репрессия. В этой связи получает во многом необходимое обоснование функция цели исправления как основы гуманизации уголовного наказания, соответствующей деятельности персонала исправительных учреждений РФ.

ЯВКА С ПОВИННОЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

А.Г. Антонов

Согласно ч.1 ст.75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный вред или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.

Как мы видим, из всего перечня условий, выдвигаемых ч.1 ст. 75 УК РФ, в явке с повинной более всего должно выражаться позитивное отношение виновного к социальным ценностям (раскаяние в субъективном смысле).

В литературе под явкой с повинной обычно понимают добровольную передачу себя органам правосудия лицом, совершившим преступление. Однако по данному вопросу существуют и иные мнения. Одни авторы полагают, что явка с повинной состоит в добровольной передаче себя органам правосудия лицом, совершившим преступление, с последующим правдивым сообщением о совершенном преступлении (Л. Л. Кругликов, Н.Ф. Кузнецова, В. Михайлов).

Большинство ученых именно так определяют явку с повинной, но при этом упускают такой обязательный ее признак, как "правдивость" показаний виновного (В.С. Савельева, А.И. Рарог, А.В. Наумов). Это является довольно серьезным упущением, поскольку на практике может сложиться ситуация, когда преступник, намереваясь избежать ответственности, сознательно сообщает о совершении менее опасного преступления (Б.А. Куринов, Н.Ф. Кузнецова). Нельзя исключать гипотетическую ситуацию, когда по определенным мотивам с "повинной" может явиться невиновный. Наконец, может иметь место заблуждение: заявление о действиях, не содержащих состава преступления, либо о преступлении, которого не было. Из приведенных примеров видно, что наличие такого признака явки с повинной, как «правдивость», играет немаловажную роль в применении на практике данного обстоятельства в каче-

стве смягчающего или как условия освобождения от уголовной ответственности по ч.1 ст. 75 УК РФ.

Наиболее полное определение явки с повинной, на наш взгляд, дал Р.А. Сабитов, выделив три ее признака: передача себя преступником правоохранительным органам; непосредственное, личное обращение лица в правоохранительные органы с сообщением о преступлении; обращение добровольное при наличии у лица сознания возможности скрыться от следствия и суда. Кроме того, сообщенные при явке с повинной сведения должны быть правдивыми.

Если виновный не имеет физической возможности явиться, то следует учесть как явку с повинной его сообщение с использованием средств телекоммуникации или через третьих лиц. В сообщении должны содержаться сведения о совершенном преступлении и личности заявителя (Р.А. Сабитов). С этим мнением следует согласиться, так как цель института явки с повинной в данном случае достигнута – работа следствия значительно облегчается.

Ряд ученых считают, что явка с повинной не будет иметь места, если правоохранительным органам уже известен преступник (В.С. Савельева, А.В. Наумов) либо сам факт совершения преступления (А.И. Рарог), а также если лицо в связи с совершением преступления находилось в розыске (Т.Ю. Погосян, В.С. Савельева). На наш взгляд, данная позиция неверна, так как исследуемое обстоятельство должно трактоваться в законе единообразно. То есть если действия виновного учитываются как явка с повинной при смягчении наказания, то и тождественные действия виновного при разрешении вопроса об освобождении его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должны быть учтены.

Следует учитывать явку с повинной и в том случае, если о факте совершения преступления известно правоохранительным органам, но преступник неизвестен либо известен, но имел возможность скрыться от следствия, так как при явке с повинной в данном случае виновный значительно облегчает работу правоохранительных органов. Явка с повинной также должна учитываться даже в случае, если установлено местонахождение виновного и у него нет возможности скрыться, но этот факт ему неизвестен.

В литературе специально не освещен вопрос о том, в какой именно орган обращение преступника может считаться явкой с повинной. В подавляющем большинстве случаев преступник не разбирается в вопросах подследственности. Логичным будет признать явкой с повинной его обращение в любой государственный орган. Если же окажется, что его

обращение было не по адресу, то этот орган обязан передать преступника в надлежащий правоохранительный орган. Последний, в свою очередь, должен оформить протокол явки с повинной.

Р.А. Сабитов считает, что при явке с повинной лицо должно сообщить о действительно совершенном преступлении, назвать все обстоятельства, подлежащие доказыванию, и всех соучастников. В данном случае явка с повинной поглощает другое требование ч.1 ст. 75 УК РФ (или другие смягчающее обстоятельство) – способствование раскрытию преступления. Из этого следует, что при явке с повинной виновное лицо может и не называть все обстоятельства, подлежащие доказыванию, и всех участников. Если же эти действия им будут совершены, то их следует учесть как «способствование раскрытию преступления».

На практике может возникнуть следующая ситуация: виновный явился с повинной, но при этом не раскаивается, т. е. считает, что поступил правильно. На наш взгляд, явку с повинной в указанном случае также следует учесть, так как цель института явки с повинной достигнута – виновный облегчил работу следствия. Конкретные мотивы явки с повинной могут быть различными: раскаяние, сострадание, страх, желание смягчить ответственность. Явиться с повинной можно на любой стадии производства по уголовному делу, а также до его возбуждения.

Исходя из вышеизложенного, явке с повинной можно дать следующее определение. Явка с повинной – это добровольная передача себя виновным государственным органам при наличии у него возможности скрыться от уголовного преследования, сопровождаемая правдивым сообщением об обстоятельствах совершенного преступления.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д.В. Карелин

Анализ российского уголовного законодательства за период с 1918 по 1996 г. позволяет сделать вывод о том, что уголовная репрессия никогда не была основным инструментом в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Основная роль в решении этого вопроса отводилась предупредительным, воспитательным, некарательным мерам правового воздействия, содержание которых главным образом составляют элементы убеждения и воспитания.

В то же время Уголовный кодекс РФ 1996 г. по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством вносит существенные изменения в регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних. В частности, значительное внимание уделено нормам, регламентирующим особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ). Данные меры были известны и прежнему УК РСФСР 1960 г. Однако более чем за тридцать лет его законодательного существования произошли существенные изменения во всех сферах жизнедеятельности российского общества – в экономической, политической, нравственной, социальной и пр. Поэтому правомерно возникает вопрос, что же влияет на позицию законодателя в области предупреждения преступности несовершеннолетних в том числе и на выбор используемого в этих целях правового инструментария.

Очевидно, что действенность, эффективность нормы права, в частности уголовно-правовой, во многом зависит от того, является ли она социально обусловленной. Постановка проблемы социальной обусловленности норм уголовного права не является новой для отечественной уголовно-правовой науки. Указанной проблематике были посвящены исследования таких авторов, как Г.А. Злобин, П.С. Тоболкин, С.Г. Келина, Н.Ф., В.М. Коган, Н.Ф. Кузнецова, П.А. Фефелов, В.Д. Филимонов и др.

В то же время следует подчеркнуть, что проводимые ранее исследования были посвящены либо обусловленности норм уголовного права вообще, либо обусловленности норм Особенной части Уголовного ко-

декса. Редко в них шла речь о криминологических основах видов наказаний (пенализации, депенализации). Обусловленности же институтов Общей части Уголовного кодекса, в частности рассматриваемого нами института, уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания.

Одни авторы полагают, что наряду с социальной обусловленностью следует различать и криминологическую обусловленность норм уголовного права (А.В. Шеслер, Л.М. Прозументов). Другие авторы считают, что криминологическая обусловленность - это разновидность социальной обусловленности (В.Д. Филимонов). Это положение вытекает из того, что преступность – это явление не только правовое, но и социальное, которое имеет свои специфические характеристики, причины и условия, собственные закономерности развития и механизмы влияния на социальные условия.

В самой краткой характеристике проблема социальной обусловленности уголовно-правовых норм заключается в раскрытии экономических, политических, психологических, нравственных и иных факторов, вызывающих необходимость существования норм уголовного права и прогнозирования их развития.

При рассмотрении вопроса обусловленности того или иного явления в принципе возможны два подхода. При первом подходе обусловленность может быть рассмотрена с точки зрения функционального назначения того или иного явления, правового института. Функциональное же назначение предопределяется целями. Применительно к нашей проблематике данный подход предполагает рассмотрение целей ПМВВ. Анализ целей ПМВВ выходит за рамки настоящей работы.

Сущность второго подхода заключается в раскрытии явлений, процессов, которые генетически предопределяют существование того или иного института. Иными словами, речь должна идти об определении детерминант исследуемых принудительных мер, что позволит ответить на вопрос, почему они существуют. Таким образом, говоря о социальной обусловленности ПМВВ с генетических позиций, мы должны определить, что делает необходимым и возможным их существование.

Необходимость данных мер предопределяется такими обстоятельствами, как существование преступности, в том числе преступности несовершеннолетних; специфика причин и условий преступности несовершеннолетних; специфические (социально-психологические) особенности субъекта – несовершеннолетнего правонарушителя; условия формирования личности несовершеннолетнего; потребность в особом обращении с несовершеннолетними правонарушителями; потребность в «разгрузке» системы уголовной ответственности.

Возможность существования данных мер предопределяется способностью контролировать реализацию этих мер (наличием правовых оснований, субъектов и процедуры их применения), а также существованием позитивных свойств лиц, являющихся объектом воздействия данных мер.

Социальная обусловленность - это отражение не только закономерностей, но и тенденций развития общества. В связи с этим правомерен, на наш взгляд, вопрос: являются ли принудительные меры воспитательного воздействия атавизмом, следствием инерционности уголовного закона, правосознания либо это инструмент системы «ювенальной юстиции», «зародыш» системы мер, альтернативных уголовной ответственности несовершеннолетних.

Проблема социальной обусловленности ПМВВ тесно связана с принципами их реализации. К сожалению, вопрос о специальных принципах реализации ПМВВ в литературе самостоятельно не освещался. Во всяком случае, требуется тщательный научный анализ распространенности в данной сфере таких специальных принципов уголовного права, как неотвратимость уголовной ответственности и экономия репрессии.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИМЕЧАНИЯМИ К СТ. 291 И СТ.204 УК РФ

Е.М. Захцер

Общий порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрен ч.1 ст.75 УК РФ. В ч.2 ст.75 УК РФ указывается на возможность такого освобождения в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

В настоящее время в Особенной части УК РФ содержится 13 статей, примечания к которым регламентируют условия освобождения от уголовной ответственности в особых случаях деятельного раскаяния, в число которых входят два преступления – дача взятки (ст.291 УК РФ) и коммерческий подкуп (чч. 1, 2 ст. 204 УК РФ). Практика применения данных норм показывает, что есть немало трудностей в уяснении смысла и содержания терминов, указанных в примечаниях к этим статьям, неясностей в оценке действий взяткодателей и лиц, совершивших коммерческий подкуп, точном установлении условий для освобождения их от уголовной ответственности.

1. Примечания к ст.ст.291, 204 УК РФ устанавливают два условия освобождения от уголовной ответственности за эти преступления – если в отношении лица имело место вымогательство или это лицо добровольно сообщило о даче взятки (коммерческом подкупе) органу, имеющему право возбудить уголовное дело. Для освобождения от уголовной ответственности конкретного лица достаточно одного из этих условий, хотя возможно одновременное наличие того и другого.

Новое толкование перечисленных в законе оснований освобождения от уголовной ответственности дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6 от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (пп.22-25 постановления):

а) сообщение о даче взятки или коммерческом подкупе может быть письменным или устным;

б) оно признается независимым от мотивов, которыми руководствовался заявитель;

в) не может признаваться добровольным сообщение, сделанное в связи с тем, что о даче взятки или коммерческом подкупе стало известно органам власти.

Последнее уточнение особенно актуально, так как встречаются случаи, когда подобное сообщение появляется на свет в результате «работы» правоохранительных органов с таким лицом и соответствующего «нажима» на него в целях разоблачения субъектов получения взятки или коммерческого подкупа (когда заявитель нужен следствию как свидетель).

2. Рассматриваемое новое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г., как это было ранее, указывает, что освобождение от уголовной ответственности по мотивам добровольного сообщения о совершении данного преступления не означает отсутствия в действиях этих лиц состава преступления. Поэтому они не могут признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа. Однако существенная новизна заключается в том, что при этом впервые называют два случая, когда эти ценности не могут быть обращены в доход государства и подлежат возвращению их владельцам:

а) когда в отношении лица были заявлены требования о даче взятки или подкупе, это лицо до передачи ценностей добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбудить уголовное дело, и передача ценностей проходила под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования.

б) если в отношении лица имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа и оно вынуждено было для предотвращения вредных последствий передать вымогавшему данные ценности.

3. Ряд вопросов возникает при реализации оперативно-розыскных мероприятий в связи с проверкой заявлений о требовании взятки (коммерческого подкупа), когда заявителю приходится под контролем правоохранительных органов передавать ценности для изобличения взяткополучателя (или субъекта коммерческого подкупа).

Прежде всего, ч.2 ст.30 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Преступления, предусмотренные чч. 3,4 ст.204 УК РФ, к этим категориям вообще не относятся. Следовательно, если заявление о коммерческом подкупе в этих случаях будет сделано на стадии приготовления, речь идет о действиях «управленца» коммерческой или иной организации, которые в данный момент уголовно не наказуемы. Передача предмета подкупа под контролем правоохранительных органов в этом случае будет означать, что они «своими руками» доведут действия этого лица до оконченного преступления. Суть этой ситуации не меняют же-

лание изобличить данное лицо и ссылки на трудность иным образом доказать его неправомерные действия.

Альтернативой в этом случае являются профилактическая работа по недопущению преступления и возможная постановка вопроса об увольнении этого лица с занимаемой должности, когда он будет лишен возможности совершить такое преступление.

Кроме того, если заявление сделано на стадии покушения на получение взятки (или коммерческого подкупа), то в соответствии с ч.3 ст. 204 УК РФ к виновному можно применить наказание, не превышающее 3/4 максимального срока или размера наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Вольно или невольно, но и в этом случае при проведении оперативных мероприятия по передаче этим лицам предметов взятки (коммерческого подкупа) заявителем под контролем правоохранительных органов происходит «доведение» покушения до оконченного преступления, а значит, и реальное увеличение возможного уголовного наказания при возможности пресечения действий виновного на стадии неоконченного преступления.

4. Нельзя не видеть возможности использовать нормы, содержащиеся в примечаниях к ст.ст.204 и 291 УК РФ для оговора невиновного лица, когда ложное заявление о даче взятки (коммерческом подкупе) может быть сделано для дискредитации должностного лица, устранения добросовестного и неподкупного работника в интересах криминальных структур, по политическим соображениям и т.п. Не случайно в новом УК РФ появилась ст.304 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. Это обстоятельство требует обязательной проверки таких заявлений и под таким «углом зрения».

5. Сопоставление текста ст.75 УК РФ и примечания к ст.204 УК РФ ставит еще один важный вопрос. В ч.1 ст.75 УК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести. В соответствии с ч.2 ст.75 УК такое освобождение в случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ, возможно только относительно лиц, «совершивших преступления иной категории». В точном смысле закона это означает, что ч.2 ст.75 не распространяется на преступления небольшой тяжести. Однако санкция ч.1 ст.204 УК РФ в качестве максимального наказания предусматривает лишение свободы на срок до 2 лет, т.е. это преступление относится к категории небольшой тяжести. Между тем примечание к ст. 204 УК РФ распространяется на деяния, предусмотренные ч.1 этой статьи, и не исключает его приме-

нения и в случае неоднократности действий виновного. Кроме того, в соответствии с ч.1 ст.75 УК РФ решение об освобождении от уголовной ответственности может иметь место как возможное, а примечание к ст. 204 УК РФ предусматривает обязательное освобождение при наличии условий, указанных в нем. Указания на то, что ст.204 УК РФ является нормой специальной, а ст.75 УК РФ – нормой общей, не снимает противоречия между ними, которое должно быть устранено законодательным путем.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА ИСПЫТАНИЯ ПРИ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

Н.В. Ольховик

Режим реализации условного осуждения, понимаемый нами как правопорядок его исполнения, по своей сути является процессом проверки оказанного осужденному доверия, нашедшего выражение в приговоре суда. Он не регламентирует всего образа жизни условно осужденного и сводится к требованию соблюдать установленные для него специфические обязанности, выполнение которых будет являться свидетельством успешного завершения испытания и в конечном счете – достижения целей уголовной ответственности. Для достижения этих целей законодатель предусмотрел целый ряд предписаний, которые в своей совокупности представляют определенный набор средств, призванных обеспечить режим испытания и «запустить» специальный обеспечительный механизм воспитательно-предупредительного воздействия на осужденных условно. В связи с тем, что данный механизм включает в себя не только систему различных по своему содержанию и целевому назначению правовых средств, которые можно рассматривать в качестве его структурных элементов, но и порядок функционирования этой системы[1], по своей отраслевой принадлежности средства обеспечения режима испытания при условном осуждении можно подразделить на: а) ***уголовно-правовые*** и б) ***уголовно-исполнительные***.

В свою очередь, ***уголовно-правовые*** средства обеспечения можно классифицировать на общие и специальные.

Общие уголовно-правовые средства обеспечения режима испытания заключаются в угрозе отмены условного осуждения (ч.3-5 ст. 74 УК РФ) и угрозе продления испытательного срока (ч. 2 ст. 74 УК РФ). К числу общих средств обеспечения их можно отнести потому, что они выполняют обеспечительную функцию при условии, когда иные средства (*специальные*) оказались не в состоянии обеспечить решение задачи исправления осужденного в течение испытательного срока. К *специальным* средствам прежде всего можно отнести те из них, которые непосредственно направлены на

---

[1] На наш взгляд, последнее обстоятельство не учитывается А.Н. Кондаловым, который впервые в научный оборот ввел термин «механизмы обеспечения условного осуждения». См.: Механизмы обеспечения условного осуждения // Государство и право. 1999. №7.

обеспечение воспитательно-предупредительного процесса: возложение судом на условно осужденного обязанностей (ч.5 ст.73 УК РФ), полное или частичное дополнение ранее установленных для условно осужденного обязанностей.

На наш взгляд, в механизм обеспечения режима испытания можно включить также средства, которые опосредованно оказывают воздействие на обеспечение воспитательно-предупредительного процесса, поскольку они стимулируют поведение испытуемых в ожидаемом со стороны государства направлении и допускают ослабление режима испытания вплоть до отмены условного осуждения по истечении не менее половины испытательного срока (ч.1 ст. 74 УК РФ); полной или частичной отмены ранее установленных для условно осужденного обязанностей в соответствии с ч.7 ст. 73 УК РФ.

В число ***уголовно-исполнительных средств*** обеспечения режима испытания можно включить осуществление контроля за условно осужденными, порядок и формы которого устанавливаются уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными нормативными актами. Контроль - организационно-обеспечительное средство, отсутствие которого не в состоянии образовать работающий механизм обеспечения режима испытания при условном осуждении, так как только контроль за осужденными обладает способностью привести в «движение» весь комплекс правовых средств, которые являются структурными элементами механизма обеспечения режима воспитания и позволяют ему функционировать. Взыскания, которые могут применяться к условно осужденным в течение испытательного срока, также можно отнести к числу уголовно-исполнительных средств обеспечения режима испытания. Предупреждение об отмене условного осуждения, которое вправе вынести уголовно-исполнительная инспекция условно осужденному, нарушающему режим испытания, как вид взыскания имеет двойственную природу: как средство психологического воздействия до совершения им предусмотренного законом правонарушения и как санкция за правонарушение. Это средство специальное, так как если после наложения взыскания осужденный вновь допускает подобные нарушения, то это вызывает к жизни общие средства обеспечения - отмену условного осуждения. В качестве средства обеспечительного характера считаем возможным рассматривать проведение воспитательной работы с условно осужденными, хотя возможности для его использования у сотрудников уголовно-исполнительной инспекции довольно ограничены. В этой связи возрастает роль как отдельных лиц, участие которых в профилактической работе не является основной обязанностью, так и общественных объединений.

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

В.А. Уткин

Известно, что еще в 1990 г. в Концепции реформы уголовно-исполнительной системы, утвержденной МВД СССР, предусматривалось введение нового вида уголовного наказания – ограничения свободы на основе реорганизации и слияния спецкомендатур и колоний-поселений в «воспитательно-трудовые учреждения» (учреждения открытого типа) с раздельным содержанием в них лиц, осужденных к ограничению свободы по приговору суда, и осужденных, которым лишение свободы заменено ограничением свободы. Понятно, что эти вопросы прежде всего должны были быть решены в уголовном законодательстве, поэтому первые проекты УК РФ предусматривали ограничение свободы вместо существующих в то время условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду и отбывания наказания в колониях-поселениях.

Однако впоследствии на фоне кризисного «перестроечного» и «постперестроечного» развития страны отпала социально-экономическая основа условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду, и в 1993 г. эта мера была отменена. Резко сузились возможности привлечения осужденных к труду в колониях-поселениях. Тем не менее интересы «дальнейшей гуманизации» в совокупности с недостаточной согласованностью уголовной и уголовно-исполнительной политики привели к тому, что в новом УК РФ 1996 г. наряду с таким видом лишения свободы, как колония-поселение, появилось наказание в виде ограничения свободы». Его основания назначения и порядок исполнения на девять десятых воспроизводили условное осуждение (освобождение) с обязательным привлечением к труду. Правда, в силу явной нежизнеспособности этой меры сразу же введение ее в действие было отсрочено до принятия специального федерального закона РФ «по мере создания необходимых условий для исполнения... но не позднее 2001 года». Аналогичное решение было воспроизведено впоследствии и в Федеральном законе 1997 г. о порядке введения в действие Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Ныне совершенно ясно, что «необходимых условий» для введения ограничения свободы в том виде, в каком оно нормативно закреплено в

УК и УИК, как не было, так и нет. В связи с этим сложилось несколько подходов к решению этого вопроса. Первый подход – традиционно-бюрократический: перенесение даты соответствующих федеральных законов на более поздний срок (например, на 2010 г.) или вообще исключение конкретной даты из текста этих законов. В этом случае ограничение свободы должно вводиться в действие федеральным законом «по мере создания необходимых условий» для его исполнения. Что в российской практике традиционно будет примерно означать то же самое, что и заключение в лагерь в первые годы советской власти «до победы мировой революцию».

Другой путь, о котором все чаще говорят руководящие работники ГУИН МЮ РФ, - это реорганизация существующих колоний-поселений в предусмотренные УИК РФ «исправительные центры». Последнее предполагает исключение колоний-поселений из видов лишения свободы с сохранением их «двухканального» наполнения: по приговору суда и путем перевода осужденных из охраняемых колоний, но уже в порядке замены наказания более мягким.

В 1999 г. в уголовно-исполнительной системе России функционировало 154 исправительных колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности и переведенных из охраняемых колоний в порядке меры поощрения. Основную часть (32 тыс. из 35 тыс.) отбывающих наказание в колониях-поселениях составляли последние.

В целом в колониях-поселениях отбывает лишение свободы примерно 5% всех осужденных. Поэтому формальное преобразование этих учреждений в «исправительные центры» возможно, но само по себе не окажет заметного влияния на статистику лишения свободы в стране. Об этом же свидетельствуют данные об осужденных. Так, в 1999 г. среди всех лиц, отбывающих лишение свободы, осужденные на срок до трех лет включительно составляли всего немногим более 4 %. Однако на срок от трех до пяти лет включительно были осуждены уже свыше 33% осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Если одновременно с реорганизацией колоний-поселений в исправительные центры расширить предусмотренные ч.2 ст.53 УК РФ критерии назначения ограничения свободы (например, осуждение впервые на срок до пяти лет), то в условиях давления на судебные органы возможен резкий скачок числа осужденных к данному виду наказания. К этому действующая система колоний-поселений явно не готова. Речь идет прежде всего об обеспечении трудовой занятости осужденных в кризисных социально-экономических условиях. Не случайно перевод в колонию-поселение в качестве меры поощрения в силу ч.3 ст.78 УИК РФ возможен лишь с письменного согласия самого осужденного.

Если же основания назначения ограничения свободы оставлять без изменений, то его введение в действие фактически окажется сугубо «косметической» акцией, не дающей в результате ничего, кроме многочисленных организационных неурядиц между разными звеньями уголовно-исполнительной системы.

В этой связи можно было бы обсудить два возможных выхода из сложившейся ситуации: исключение ограничения свободы из видов уголовных наказаний (с исключением соответствующих норм из УК и УИК РФ) или перестройка его содержания по так называемому «польскому» типу. Второе предполагает отбывание данного наказания по месту жительства с возложением на осужденного ряда обязанностей или запретов (вплоть до домашнего ареста). При этом важно не допустить конкуренции данной меры с условным осуждением, подходя к ней как к «промежуточной» между реальным и условным лишением свободы.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Л.Ю. Бортник

Вопросами реализации имущественных прав осужденных к лишению свободы в рамках проблемы правового статуса осужденных к этому виду наказания занимались такие ученые, как А.А. Беляев, Н.А. Стручков, А.Л. Ременсон и др. Однако и сегодня, несмотря на принятие новых ГК, УК, УИК, порядок реализации имущественных прав осужденных в действующем законодательстве урегулирован недостаточно полно.

Общеизвестно, что большинство прав, которых осужденный не лишен как гражданин, он вынужден (в силу физической изоляции вытекающей их факта осуждения его к лишению свободы) реализовывать в особом порядке, т. е. не лично, а пользуясь услугами представителя (адвоката, родственника, иных доверенных лиц). Такое положение существенно сужает возможность реализации и защиты осужденными своих имущественных прав.

Нельзя не учитывать и того факта, что услуги представителя в большинстве случаев являются весьма дорогостоящими и соответственно доступны далеко не всем осужденным. В результате этого они ставятся в неравное положение по сравнению с другими гражданами, находящимися на свободе. В этой связи немаловажным является и то обстоятельство, что нынешнее состояние дел в экономике страны в целом и в УИС в частности не позволяет обеспечить работой всех желающих осужденных, отбывающих лишение свободы. Хотя функция обеспечения трудовой занятости возложена на администрацию исправительных учреждений (ст. 103 УИК РФ), отсутствие работы для осужденных приводит к отсутствию средств на их лицевых счетах (а у многих нет иных источников поступления). В итоге складывается ситуация, когда то или иное право у осужденного есть (например, на распоряжение имуществом вне ИУ, вступление в право наследования), но фактически реализовывать он его не может. Хотя еще в теории исправительно-трудового права отмечалась недопустимость[1] такого положения, и что ограниче-

[1] Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. М., 1977. С. 225.

ния в реализации каких-либо прав должны быть установлены на законодательном уровне[1]. Ранее это ограничение относили к «вытекающим из режима отбывания лишения свободы». Теперь такого вида ограничений правового статуса осужденных нет, ст. 10 УИК определяет: «...при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации». Отсюда возникает необходимость разрешения данной проблемы.

Однако сегодня даже имея возможность выезда за пределы исправительных учреждений (например, на период краткосрочного отпуска), осужденные лишены возможности личными действиями реализовывать свои имущественные права, поскольку на период выезда паспорт им не выдается. На наш взгляд, для разрешения данной ситуации целесообразно рассмотреть возможность наделения сотрудников ИУ соответствующими полномочиями для представительства осужденных в случаях, указанных в законе (или при отсутствии у них родственников и средств на лицевых счетах), либо о привлечении адвокатов, иных представителей за счет уголовно-исполнительной системы или государства. Учитывая, что второй вариант требует финансовых затрат, предпочтительным, видимо, будет первый вариант, но для его реализации необходимо внесение изменений в действующее гражданско-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, в частности, изложить п. 5 ст. 44 ГПК РСФСР в следующей редакции: «уполномоченные организации, которым законом, уставом, или положением предоставлено право защищать права и интересы других лиц, в том числе, представителям администрации УИН для защиты прав и законных интересов осужденных». Ст. 14, п. 20, закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» изложить в следующем виде: «обращаться в суд за защитой своих законных прав и интересов, а также прав и законных интересов осужденных к лишению свободы».

---

[1] Ременсон А.Л. Некоторые вопросы правового положения осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 31.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ОППН В ОТНОШЕНИИ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

К.Н. Тараленко

Проведенное нами исследование осуществления индивидуальной профилактической работы (ИПР) в отношении условно осужденных несовершеннолетних отделениями по предупреждению правонарушений несовершеннолетних отделов внутренних дел (ОППН) Заельцовского и Советского районов г. Новосибирска позволило выявить ряд проблем.

1. Индивидуальная профилактическая работа ОППН в отношении условно осужденных на практике сводится только к осуществлению контроля за их поведением, хотя, в соответствии с законодательством, такой функции у них нет, так как контроль за поведением условно осужденных является функцией уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) (ст. 187 УИК РФ).

ИПР в отношении условно осужденных несовершеннолетних состоит в контроле за исполнением ими обязанностей, возлагаемых судами в связи с условным осуждением. Именно по ходатайствам ОППН суды возлагают на условно осужденных те или иные обязанности, которые формулируются сотрудниками ОППН и имеют цель облегчение осуществления контроля за несовершеннолетними.

Чаще всего возлагаемые на условно осужденных обязанности можно разделить (по функциональному признаку) на две группы:

В первую группу входят обязанности, направленные на обеспечение контроля за поведением несовершеннолетнего:

- со стороны ОППН: 1) периодически являться в ОППН для регистрации (обычно один раз в неделю); 2) не менять без уведомления ОППН места жительства;
- со стороны семьи, школы и других социальных институтов: 1) не менять места работы или учебы (конечно, если такие имеются); 2) ограничение по времени пребывания вне дома (как правило, в ночное время);

Во вторую группу входят обязанности, направленные на нейтрализацию факторов, детерминирующих противоправное поведение и корректировку нравственно-психологических качеств подростка: 1) пройти обследование или лечение у нарколога; 2) не посещать определенные

места (ночные клубы, дискотеки, бары и т.п.); 3) поступить на учебу или трудоустроиться; 4) загладить причиненный вред.

Основная масса обязанностей направлена на обеспечение контроля за осужденным (более 80% всех обязанностей). Криминологически обоснованные обязанности, направленные на нейтрализацию общественной опасности указанной группы лиц, применяются крайне редко. Таким образом, работа ОППН в отношении условно осужденных несовершеннолетних является работой по осуществлению контроля за их поведением, т.е. ОППН фактически осуществляет деятельность УИИ – органа, исполняющего наказание, не связанное с лишением свободы.

2. Отсутствует непрерывность процесса исправления в отношении части осужденных несовершеннолетних. Так, по данным исследования, ежегодно ОППН снимает со своего учета и прекращает ИПР в отношении 35-40% условно осужденных в связи с достижением ими 18-летнего возраста. Осуществление дальнейшего контроля за их поведением берет на себя уголовно-исполнительная инспекция. А так как эти органы имеют разную ведомственную принадлежность (ОППН – МВД РФ, УИИ – Минюст РФ), то отсутствует и преемственность в осуществлении контроля за условно осужденными и процесса их исправления.

Такое положение является неприемлемым, так как, во-первых, отсутствует существенная разница между 18- и 19-летними возрастами ввиду того, что физические, психологические и социальные характеристики этих возрастов одинаковы, т.е. различий в физическом и психическом развитии лиц этих возрастов нет, лица в возрасте от 17 до 21 года играют одинаковые социальные роли в обществе. Во-вторых, за время нахождения несовершеннолетнего на учете в ОППН инспектор по делам несовершеннолетних нарабатывает и устанавливает с подростком определенную связь, опробует разные подходы к нему и, как правило, находит индивидуальный подход, позволяющий оказывать на несовершеннолетнего эффективное положительное воздействие. Все это отнимает у инспектора определенные силы и время. С «переводом» несовершеннолетнего из ОППН в УИИ указанные связь и положительное воздействие прекращаются для установления нового контакта и подхода к молодому человеку. Это не может не влечь снижения эффективности процесса исправления. Поэтому считаем прерывание деятельности инспекторов ОППН и самого процесса исправления с достижением осужденным 18 лет нецелесообразным.

Кроме того, по причине перехода части условно осужденных по достижении ими 18 лет под контроль УИИ невозможно дать объективную оценку деятельности ОППН.

Так, эффективность индивидуальной профилактической работы ОППН в отношении условно осужденных несовершеннолетних рассчитывается по показателям: а) доля совершивших новые преступления в период нахождения на учете в ОППН (по данным исследования, это около 12% от всех несовершеннолетних, снимаемых с учета); б) доля тех, кому вследствие неисполнения обязанностей, возложенных судом в связи с условным осуждением, и совершения иных противоправных действий условное осуждение было заменено судом на реальное отбывание назначенного наказания (около 7% всех несовершеннолетних, снимаемых с учета). В число снимаемых с учета включаются указанные ранее 35-40% условно осужденных, в отношении которых осуществление индивидуальной профилактической деятельности было прекращено с достижением ими 18 лет. По нашему мнению, при расчете эффективности деятельности ОППН эту долю (35-40%) учитывать нельзя.

Примечателен тот факт, что в УИК РФ в отношении несовершеннолетних, реально отбывающих наказание в виде лишения свободы, предусмотрен порядок оставления осужденных в воспитательных колониях по достижении ими 18 лет до достижения 21 года (ст. 139 УИК РФ). Хотя контингент воспитательных колоний является гораздо более общественно опасным, чем контингент условно осужденных несовершеннолетних, тем не менее закон не предусматривает оставления последних в отделениях, осуществляющих контроль за поведением условно осужденных несовершеннолетних, по достижении ими 18 лет.

3. Сложилась ситуация, когда в 1998 г. исполнение всех видов наказания, в том числе и контроль за поведением условно осужденных, было передано в ведение Министерства юстиции РФ, но исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних и осуществление контроля за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания несовершеннолетними фактически осталось в ведении МВД РФ. РОВД на практике является органом, который осуществляет и профилактику совершения правонарушений, и пресечение преступной деятельности, и расследование преступлений, и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении несовершеннолетних. Такое сосредоточение функций в ведении одного государственного органа приводит к тому, что у работников милиции складывается к несовершеннолетнему, порой до совершения им преступления, предвзятое отношение как к «законченному» преступнику.

Представляется, что такое положение также недопустимо. Кроме того, оно противоречит общепризнанным международным принципам. Так, Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности

среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г. предусматривают учет официальными органами общих интересов несовершеннолетнего, беспристрастность и справедливость их подхода к несовершеннолетним (ст. 5, п. «с»), а также предостерегают от определения несовершеннолетнего как «нарушителя», «начинающего правонарушителя» и т.п. (ст. 5, п. «f»), что на практике не является редкостью. Это может влечь негативные личностные изменения у подростка, связанные с его стигматизацией (т.е. «клеймением»), которые выражаются в развитии асоциальных установок, стереотипов нежелательного поведения, криминальной мотивации.

Обобщая изложенное, можно поставить вопрос о нецелесообразности существования такого субъекта, как ОППН, в том виде, в каком он реально существует.

В связи с этим считаем необходимым внесение в ряд нормативных актов следующих изменений.

1. В УИК РФ включить положения, касающиеся возможности оставления в отделениях, осуществляющих контроль за поведением условно осужденных несовершеннолетних, лиц, достигших 18 лет, до достижения ими 21 года. Подобные положения, на наш взгляд, следует включить и в соответствующие главы УИК РФ об исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, а также об осуществлении контроля за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания.

2. Изъять из ведения ОППН функцию осуществления индивидуальной профилактической работы с условно осужденными несовершеннолетними (равно как и с условно-досрочно освобожденными от отбывания нарушения и с осужденными к видам наказания, не связанного с лишением свободы). Создать в УИИ отделения, занимающиеся контролем за поведением осужденных несовершеннолетних указанного контингента. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в Закон РФ от 21.05.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и в Положение об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 г.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ

Ю.Н. Порохов

Смертная казнь – одно из древнейших наказаний. Она применялась еще до того, как возникло уголовное право в современном смысле этого слова. «Лишение жизни как вид общественной расправы с преступниками встречалось несравненно ранее», - писал один из виднейших российских ученых Н.С.Таганцев[1]. Несмотря на то, что о смертной казни написано немало, в теоретической разработке этой проблемы еще имеются белые пятна.

Согласно ст.59 УК РФ смертная казнь - это исключительная мера наказания, ее исключительность заключается в том, что она является самым суровым из всех видов уголовных наказаний и назначается за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, которые, как правило, могут вызвать общественный резонанс. Это мера государственного принуждения, сущность которого – кара. По определению профессора Н.А. Стручкова, кара выступает как комплекс установленных законом правоограничений, конкретно выражающихся при применении того или иного наказания[2]. В смертной казни кара проявляется в максимальной степени. У осужденного отнимается самое дорогое, что есть у человека, – жизнь.

Возникает вопрос, связанный с целями наказания, - хочет ли общество просто лишить человека жизни, обезопасить себя и своих граждан от новых преступлений либо хочет воздать ему за содеянное, отомстить за причиненное зло, т.е. восстановить социальную справедливость. Это, естественно, относится и к смертной казни. Одним из признаков смертной казни является то, что, как и всякое наказание, она является государственной мерой принуждения, применяется независимо и, как правило, вопреки желанию осужденного. Если виновный, раскаявшись, сам принимает решение уйти из жизни (такие случаи иногда бывают, хотя и достаточно редко) - налицо самоубийство, а не наказание.

---

[1] Таганцев Н. С. Смертная казнь: Проблемы реализации норм уголовного законодательства на современном этапе: Сборник статей. СПб., 1993. С. 57.

[2] Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Общей части. М., 1984. С. 22-23.

В связи со сказанным возникает вопрос о правовой регламентации права осужденного на помилование. Как известно, все дела о назначении осужденным наказания в виде смертной казни после завершения предусмотренной законом процедуры обжалования направляются в Комиссию по вопросам помилования при Президенте России. Конституция Российской Федерации в ст.20 предусматривает, что «каждый имеет право на жизнь». Однако ни один из наших законов не провозглашает обязанности жить. Я полагаю, что каждый человек вправе самостоятельно решать - хочет ли он продолжать жить или нет. Это с одной стороны. С другой стороны, встречаются случаи, когда осужденный к смертной казни осознает тяжесть содеянного, соглашается со справедливостью вынесенного в отношении него приговора и приходит к выводу, что он не достоин жить среди людей. В настоящее время в России наблюдается широкое применение института помилования осужденных к смертной казни, в этом случае наказание теряет одно из главных свойств, присущих ему, - не достигает одной из основных целей наказания (а для смертной казни – основной цели) – общепревентивное воздействие. Описан случай, когда преступник, захвативший заложников - трех сотрудниц следственного изолятора в Екатеринбурге, прямо сказал: «А почему бы не попробовать убежать, да еще с деньгами. Все равно смертную казнь не применяют, даже если суд осудит, то всех милуют». Следующее негативное последствие массового помилования – нарушение стабильности приговора по делам об особо тяжких преступлениях. Это обстоятельство подрывает и эффективность наказания.

В настоящее время все настойчивее высказываются мнения об отмене смертной казни как вида уголовного наказания. Но в то же время свыше 80% граждан России относятся к отмене смертной казни отрицательно[1]. Они считают, что смертную казнь в настоящее время отменять нельзя в связи с тем, что наблюдается ухудшение криминогенной обстановки, в частности отмечен рост умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, различных актов терроризма с тяжкими последствиями (Волгодонск, Москва и ряд других городов и населенных пунктов). Однако государство, применяя смертную казнь, тем самым предотвращает наиболее существенный вред, чем причиняемый убийце. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в среднем при нескольких десятках тысяч умышленных убийств в нашей стране приговаривается в год к исключительной мере наказания около сотни винов-

---

[1] Бойков А. О смертной казни//Законность. 1999. № 8. С. 36-38.

ных, иногда чуть более. Делается это судами выборочно, с учетом исключительных обстоятельств.

Так, исходя из данных работы коллегии по уголовным делам Томского областного суда видно, что смертная казнь назначалась: в 1996 г. одному лицу, что составляет 1,15% от всех осужденных, в 1997 и 1998 гг. двум лицам (1,33 и 1,47% соответственно). К исключительной мере наказания осуждены: И.С. Литомин и В.П. Гречухин, которые в период 1992-1994 гг. совершили ряд особо тяжких преступлений, в том числе в составе банды, и по три умышленных убийства при отягчающих обстоятельствах. В 1999 г. шести лицам было назначено пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни.

Хотелось бы отметить, что отмена смертной казни как вида уголовного наказания - очень серьезная проблема, волнующая наше общество, но, ориентируясь на Конституцию РФ и решение Конституционного Суда РФ, по всей видимости, будет отменена.

ОТНОШЕНИЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Т.В. Шепель

Важность специального правового регулирования отношений в области охраны психического здоровья граждан обусловлена современными требованиями психиатрической науки, особенно в условиях роста психической заболеваемости в мире. О росте психических болезней в России свидетельствуют данные Министерства здравоохранения РФ, опубликованные в специальном докладе уполномоченного по правам человека от 16 июня 1999 г., согласно которым за последнее десятилетие в России число инвалидов вследствие психических расстройств возросло более чем на треть и составляет около 700 тысяч человек. В 1998 г. в медицинских учреждениях на диспансерном наблюдении состояло около 4 миллионов граждан.

Отношения охраны психического здоровья граждан многоплановы и находятся в сфере воздействия различных отраслей права, в том числе и гражданского. Степень гражданско-правового регулирования зависит от влияния психического расстройства на способность понимать значение своих действий или руководить ими. В соответствии с данным критерием отношения с участием психически больных можно разделить на три основные группы. Первую группу составляют отношения, в которых психическое расстройство субъектов не влияет на осознанность их действий и, соответственно, на объем и реализацию гражданских прав и обязанностей. У психически больных появляются лишь дополнительные возможности получения психиатрической помощи. Субъектами второго вида отношений выступают недееспособные вследствие психического расстройства. С одной стороны, недееспособность приводит к исключению из их числа тех, которые требуют личного участия (добровольное представительство, правовая ответственность и т.д.). С другой стороны, недееспособные наделяются новыми возможностями, в частности быть субъектом отношений опеки. Кроме того, гражданское право учитывает влияние недееспособности на заключение и совершение сделок, возмещение вреда, наследование. Существует еще одна группа отношений с участием лиц, психическое расстройство которых не приводит к недееспособности, но существенно влияет на возникновение и динамику гражданских правоотношений. Нередко оно служит

основанием ограничения правомочий субъекта при совершении сделок, в том числе госпитализации, возмещении причиненного вреда, и наоборот, способствует установлению дополнительных правомочий, например на представительство, патронаж.

Среди отношений по охране психического здоровья особое место занимает оказание психиатрической помощи между психиатрическим учреждением и гражданином. Причем ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» 1992 г. осуществление любого вида психиатрического вмешательства ставит в зависимость от согласия гражданина или его законного представителя. Вместе с тем специфика психического заболевания в том и состоит, что оно нередко приводит к неспособности сознательно выражать свое согласие. Именно этим обусловлено указание законодателя на исключения из общего правила о добровольности психиатрической помощи. В юридической литературе отношения по оказанию психиатрической помощи независимо от оснований их возникновения относят к предмету гражданского права (Л.Я. Иванова, М. Н. Малеина). Вместе с тем вызывает сомнения гражданско-правовая принадлежность норм о любом виде недобровольного психиатрического вмешательства. Прежде всего, нормы о принудительных мерах медицинского характера традиционно относят к институту уголовного права.

К правовой природе других видов недобровольной помощи, на мой взгляд, следует подходить дифференцированно, в зависимости от того, может ли психическое расстройство служить основанием недееспособности. Гражданин может быть признан недееспособным, но опека над ним не установлена или имеются условия недееспособности, однако отсутствует судебное решение. В любом случае он нуждается в опеке. При оказании ему психиатрической помощи само психиатрическое учреждение выполняет функции опекуна. Это подтверждает и п. 4 ст. 35 ГК РФ, где сказано, что опекунами граждан, нуждающихся в опеке и помещенных в соответствующие учреждения, являются эти учреждения. Принимая коллегиальное или единоличное решение о недобровольном оказании психиатрической помощи, учреждение тем самым выражает свое согласие на это как опекун. По этим соображениям вряд ли правомерно называть такую психиатрическую помощь недобровольной. В других случаях недобровольная госпитализация и лечение производятся без чьего-либо согласия, по постановлению судьи, который реализует при этом особую государственную функцию охраны здоровья граждан и является институтом административного права.

НЕПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ.СТ. 107, 113 УК РФ

Ю.Г. Скрипачева

В преступлениях, предусмотренных ст.ст. 107, 113 УК РФ, виктимологический аспект получает развернутую уголовно-правовую регламентацию. Сильное душевное волнение виновного должно быть вызвано «насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическими противоправными или аморальными действиями потерпевшего». В связи с этим возникает вопрос об оправданности столь широкого перечня обстоятельств, служащих частичным извинением лицу, посягающему на объекты, подлежащие приоритетной уголовно-правовой охране, т. е. на жизнь и здоровье человека.

Новым, по сравнению с со ст.ст. 104, 110 УК РСФСР 1960 г., стало упоминание действий потерпевшего в форме издевательства. Толковый словарь русского языка под ред. Ожегова определяет издевательство как «злую насмешку, оскорбление, а также оскорбительный поступок, поведение по отношению к кому-либо или чему-либо», т. е. издевательство представляет собой разновидность тяжкого оскорбления, которое традиционно применительно к рассматриваемым статьям трактуется крайне широко.

Очевидно, что законодатель, формулируя диспозиции рассматриваемых норм, говоря о противоправном поведении потерпевшего, имел в виду не только уголовную, но и иную противоправность: физиологический аффект может быть вызван нарушением гражданского, трудового, семейного, жилищного, административного права. На наш взгляд, действия (бездействие) потерпевшего при этом должны быть достаточно неправомерны и хотя бы отчасти соотносимы с преступлением, поводом к совершению которого они послужили. Ориентиром здесь может служить указание ст.ст. 104, 110 УК РСФСР 1960 г. на возможность наступления или наступление тяжких последствий для виновного или его близких в результате действий потерпевшего, которое по непонятной причине отсутствует в ст.ст. 107, 113 УК РФ.

Еще более спорной новеллой является указание на аморальное поведение потерпевшего как повод для возникновения оправданного аффекта.

В настоящее время, когда в России наблюдается идеологический плюрализм, значительные трудности вызывает оценка аморальности поведения потерпевшего. В самом общем виде мораль можно определить как нормативную область этических ценностей. Мораль, в отличие от права, понятие релятивное – ее содержание меняется с течением времени и неодинаково у разных народов и слоев населения, что находит свое выражение в принципе «множества моралей». Разумеется, нельзя отрицать существование общечеловеческих моральных норм, осуждающих убийство, насилие, хищения, обман, клевету, поощряющих заботу родителей о детях и детей о родителях и т.п., однако все они именно в силу своей особой значимости находят свое выражение в правовых нормах. Право, по образному выражению Вл. Соловьева, - «это минимум морали».

На практике оценка аморальности поведения потерпевшего будет в неоправданно высокой степени зависеть от нравственно-этических ценностных установок правоприменителя. В том случае, если потерпевший, виновный и правоприменитель относятся к различным социальным группам, их представления о морали могут существенно различаться между собой – открытым остается вопрос о применимости тех или иных моральных норм.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что законодательная регламентация форм отрицательного поведения потерпевшего нуждается в совершенствовании: аморальное поведение потерпевшего не должно служить обстоятельством, привилегирующим ответственность виновного при совершении последним аффектированного убийства или причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью – его следует рассматривать лишь как смягчающее наказание обстоятельство в силу п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

СООТНОШЕНИЕ УГОНА И ДРУГИХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Э.А. Литовская

Необходимым этапом процесса квалификации является не только сопоставление фактических обстоятельств содеянного с юридическими признаками, закрепленными в уголовно-правовой норме, установление их тождественности, но и разграничение данного состава преступления с другими, смежными с ним составами, такими как кража, грабеж, разбой, хулиганство, самоуправство, угон воздушного судна. Остановимся лишь на некоторых из них.

По объективным признакам угон совпадает с хищением транспортного средства. Так, началом того и другого деяния является незаконное изъятие транспортного средства из правомерного владения. Оба преступления причиняют материальный вред (практически во всех случаях значительный). Исходя из признаков угона, определенных в ст.166 УК РФ неправомерное завладение транспортным средством следует отличать от кражи по субъективной стороне. Отличие между ними проводится в зависимости от того, имеются или отсутствуют признаки безвозмездного изъятия и корыстной цели. При хищении субъект всегда преследует корыстную цель, т.е. стремится к получению незаконной материальной выгоды и не желает возвратить имущество владельцу. В случае угона завладение осуществляется лишь на определенное время и субъект не намеревается навсегда обратить транспортное средство в свою пользу. В ст. 166 УК РФ подчеркнуто, что угон совершается без цели хищения. Следовательно, отсутствие корыстной цели и намерений завладеть транспортным средством навсегда является обязательным условием для квалификации угона. Мотивами угона могут служить: месть, желание добраться до определенного места, доставить груз и др. О хищении же можно судить, когда виновный изменил внешний вид транспортного средства, номер государственной регистрации и т.д., а также при изъятии отдельных частей, деталей и т.п. Вот почему важно установить, какими стремлениями руководствовался субъект при приготовлении к преступлению и непосредственно при самом завладении. Если завладение осуществляется с целью последующего изъятия транспортного средства или его отдельных частей, деталей из правомерного

владения, то преступление с самого начала считается корыстным, а содеянное образует хищение имущества.

Интересным представляется вопрос о квалификации неправомерного завладения транспортным средством в условиях неочевидности, если угнанное транспортное средство не обнаружено. В сложившейся правоприменительной практике вопрос разрешается следующим образом: если в течение 10 дней угнанное транспортное средство не обнаруживается, преступление переквалифицируется на ст.158 УК. Такое решение принимается правоохранительными органами во всех случаях, если транспортное средство не обнаружено. На чем основывается такое решение, неизвестно, так как никакими нормативными актами этот вопрос не урегулирован. Однако вопрос переквалификации угона на хищение в случаях необнаружения предмета угона нуждается в дальнейшем осмыслении и решении на законодательном уровне.

Особый интерес представляет отграничение неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения от хулиганства. Ранее, когда в Уголовном кодексе не было выделено в самостоятельный состав такое деяние, как угон, действия, направленные на неправомерное завладение транспортным средством, квалифицировались как хулиганство. Безусловно, хулиганские побуждения могут представлять мотивацию угона, так же как и угон может быть совершен с целью совершения хулиганских действий. В литературе имеются различные точки зрения по этому поводу. Так, одни ученые полагают, что если угон совершен из хулиганских побуждений при условиях, предусмотренных ст. 166 УК РФ, такие действия в дополнительной, квалификации по ст.213 УК РФ не нуждаются. Если же угон транспортных средств сопряжен с совершением хулиганства, то в действиях виновного имеется реальная совокупность и деяние квалифицируется по ст. 166 и ст.213 УК РФ.

Другие ученые утверждают, что в любых случаях, если действия виновного при угоне транспортного средства содержат признаки хулиганства, они должны быть квалифицированы по статье, предусматривающей ответственность за хулиганство. Однако, более правильной, исходя из смысла уголовного законодательства, представляется первая точка зрения. Хулиганский мотив, как сугубо психологический фактор, побуждающий лицо действовать в определенном направлении, не всегда приводит к совершению хулиганства, состав которого предполагает конкретные по содержанию и форме выражения общественно опасные действия. Поэтому совершения каких-то действий из хулиганских побуждений еще недостаточно для квалификации содеянного только по ст. 213 УК РФ. Следовательно, не всякий угон, совершенный из хулиганских побуждений, следует расценивать как хулиганство.

Правильное уяснение всех необходимых признаков угона транспортных средств по действующему уголовному законодательству, а также четкое отграничение состава угона от смежных преступлений - необходимое условие единого толкования закона и единообразного применения его на практике.

БАНДИТИЗМ И РАЗБОЙ, СОВЕРШЕННЫЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ

И. П. Воронина

Разбой и бандитизм относятся к категории наиболее тяжких и опасных преступлений. Разбой посягает сразу на два объекта, охраняемых уголовным законом, - собственность и личность. Бандитизм посягает на общественную безопасность.

Несмотря на то, что разбой и бандитизм посягают на различные объекты, при квалификации возникают трудности с разграничением составов данных преступлений. Значительное их число возникает при разграничении бандитизма и разбоя, совершенного с применением оружия организованной группой:

◊ Бандой, по законодательной формулировке, является *устойчивая* организованная группа. Организованная группа, как форма соучастия, также характеризуется признаком *устойчивости*.

◊ Под разбоем понимается *нападение*, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Банда также создается для совершения *нападений*, под которыми понимаются действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создание угрозы немедленного применения такого насилия.

◊ Целью разбойных нападений является *завладение чужим имуществом*. Целью бандитских нападений также чаще всего является *завладение чужим имуществом*.

В некоторых случаях разграничение составов разбоя, совершенного с применением оружия организованной группой, и бандитизма можно провести по признаку вооруженности. Вооруженность является конструктивным признаком бандитизма. Причем при совершении данного деяния может быть использовано только оружие, под которым понимаются предметы и устройства, специально предназначенные для поражения живой цели, для ношения и хранения которых необходимо наличие специального разрешения, т.е. данные предметы не должны иметь иного назначения. При разбое же может применяться не только оружие в прямом смысле, но и предметы, используемые в качестве оружия, т. е. любые предметы, которыми может быть причинен тяжкий вред здоро-

вью человека, вплоть до лишения его жизни (топоры, кухонные ножи, металлические пруты и т. п.). Таким образом, если при совершении преступления использовалось не оружие в прямом смысле, а иные предметы, то содеянное следует квалифицировать как разбой.

Как разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, можно квалифицировать содеянное только в том случае, когда оружие или такие предметы *применялись*, т. е. фактически использовались для причинения вреда здоровью потерпевшего или демонстрировались виновным для подкрепления реальности угрозы и увеличения силы ее воздействия для устрашения потерпевших. При бандитизме применение оружия не обязательно. Нападение вооруженной банды будет считаться состоявшимся и в тех случаях, когда имевшееся у членов банды оружие не применялось.

В некоторых случаях отграничение бандитизма от разбоя, совершенного с применением оружия организованной группой, можно провести с учетом мотивов и целей совершения деяния. Разбой является одной из форм хищений, и поэтому мотив должен быть обязательно корыстным, а целью должно являться завладение чужим имуществом. При бандитизме в качестве обязательного элемента не предусматривается наличие конкретных целей совершаемых бандой нападений. Мотивом может выступать не только корысть, но и другие побуждения, например месть. Целью нападения банды может быть совершение убийств, уничтожение или повреждение чужого имущества и т. д.

Однако даже с учетом приведенных выше возможностей нельзя достаточно четко разграничить составы бандитизма и разбоя, совершенного с применением оружия организованной группой, так как для их определения используются одинаковые понятия - «организованная группа», «устойчивость», «нападение». В связи с этим предлагается следующее:

1. Дать четкое определение понятия «нападение» применительно к разбою и применительно к бандитизму.

2. Определить четкие критерии разграничения организованной группы при разбое и банды.

3. Определить признаки сплоченности, отличающие преступное сообщество от организованной группы.

4. Определить, какие виды газового и пневматического оружия образуют признак вооруженности банды.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В.Г. Пилипенко

В связи с ухудшением экологической обстановки в России законодателем установлена объективно назревшая необходимость введения новаций и дополнительных подходов к охране окружающей природной среды, в том числе с помощью совершенствования уголовно-правовых мер ее защиты.

Борьба с экологическими правонарушениями на фоне общего всплеска криминогенной ситуации правоохранительными органами РФ не считается приоритетной. Основные силы и средства брошены на подавление корыстно-насильственной и экономической преступности. До последнего времени не уделялось ей должного внимания и на государственном уровне.

Экологические преступления в России относятся к категории наиболее распространенных. Причем латентность экологических преступлений довольно высокая. Количество возбужденных уголовных дел явно не соответствует числу реально совершаемых преступлений. Кроме того, обращает на себя внимание несоответствие количества привлекаемых к уголовной ответственности за экологические преступления лиц к количеству осужденных: их почти в два раза меньше.

Согласно официальной статистике в 1995 г. по возбужденным за экологические преступления 8066 уголовным делам на 9093 лиц осуждено всего 5100 человек (56%), в 1996 г. зарегистрировано 6441 преступление, из них раскрыто 5185, а осуждено 2724 человека (52%). Аналогичные данные за 1998 г. выглядят следующим образом: зарегистрировано 7721 преступление, раскрыто – 6002, осуждено 3533 человека (58%). Привлеченные же к уголовной ответственности лица несут ответственность, не соответствующую совершенному деянию.

Новый УК РФ значительно расширил количество составов преступлений за нарушение экологического законодательства. Причем впервые в истории развития уголовного законодательства они сконструированы в отдельную главу Особенной части УК.

Преимущество нового УК РФ заключается в том, что законодательно закреплена система экологических преступлений, узаконено само их

название, вызывавшее ранее споры, изменился подход к общественной и правовой оценке этих посягательств.

В то же время нормы об охране окружающей природной среды, как и некоторые другие нормы нового УК РФ, далеки от совершенства. Ряд норм заведомо «мертвые» и вряд ли будут применяться на практике в силу своей неконкретности, сложности разграничения с другими составами экологических преступлений и сходными административными правонарушениями.

Как известно, новый УК РФ установил уголовную ответственность по более 70 противоправным деяниям, до этого не являвшимся таковыми. В начале 1998 г. Информационно-аналитическим управлением МВД РФ проанализирована практика применения 36 новых составов преступлений УК РФ за 1997 г., т.е. за первый год действия нового УК РФ, в том числе и трех составов экологических преступлений. Анализ показал, что в определенных группах новых составов преступлений законодателем недостаточно проработаны диспозиции статей. В этой связи возникают значительные проблемы с получением доказательств и правильной квалификации действий, проходящих по уголовным делам. Так, за 1997 г. возбуждено 182 уголовных дела за уничтожение и повреждение лесов (ст. 261 УК РФ), раскрыто 72 преступления, привлечено к уголовной ответственности 114 человек; за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ) возбуждено 16 уголовных дел, раскрыто – 11, привлечено к уголовной ответственности лишь 3 человека. Подтверждением наличия «мертвых» статей в новом УК РФ может послужить тот факт, что за 1997 г. в РФ не возбуждено ни одного уголовного дела за уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу России.

Изучение практики применения норм нового УК РФ за экологические правонарушения не позволяет сделать однозначного вывода о ее тенденциях, поскольку она еще недостаточно устоялась, а судебная практика рассмотрения уголовных дел по новым составам экологических преступлений только начинает складываться. Трудности в квалификации этих посягательств связаны в основном с бланкетным способом конструирования статей. Тем не менее данные статистики свидетельствуют о том, что и эти нормы нельзя полностью признать «неработающими».

Невысокая эффективность выявления и расследования новых составов экологических преступлений, предусмотренных УК РФ, связана не только с объективными причинами, указанными выше, но и с недостаточной теоретической и практической подготовкой следователей и опе-

ративных работников, отсутствием необходимых методических материалов по расследованию экологических преступлений. У многих из них отсутствует ясность в трактовке новых составов экологических преступлений, что объясняется отсутствием судебной практики.

Важным шагом к радикальному решению проблемы ответственности за экологические правонарушения было бы формирование в структуре федеральных органов исполнительной власти экологической полиции как самостоятельного органа по аналогии с Федеральной службой налоговой полиции РФ. Ряд субъектов уже используют подобный институт.

Эффективная работа экологической полиции возможна при тесной координации со структурными подразделениями Государственного комитета РФ по охране окружающей природной среды, Министерства природных ресурсов РФ и подразделениями территориальных природоохранных органов.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

И.В. Лозинский

В теории уголовного права и криминологии под криминализацией деяний понимается их отнесение к числу преступлений. Криминализация деяний осуществляется в различных сферах общественной жизни. Одной из таких сфер является сфера экономики, т.е. сфера производства, обмена и распределения продукции. Независимо от сферы общественной жизни, криминализация деяний базируется на принципах – научно обоснованных общих правилах и критериях оценки необходимости, целесообразности и допустимости уголовно-правовых нововведений. При этом следует отметить, что понятие криминализации деяний является новым для российской юридической науки, и поэтому в отечественной юридической литературе принципы криминализации деяний отражены неполно.

Тем не менее В.Н. Кудрявцев и Л.М. Прозументов попытались исследовать данные принципы. Проанализировав их работы, можно отметить, что в их представлении система принципов криминализации деяний в сфере экономики должна выглядеть следующим образом.

I. Социально-экономические принципы.

1. Принцип соответствия криминализации деяний наличию в обществе социально-экономических ресурсов. Криминализация любого общественно опасного деяния потребует дополнительных материальных расходов государства. При этом отсутствие средств на ее реализацию в практической деятельности органов уголовной юстиции может негативно сказаться на организации борьбы с преступностью.

2. Принцип учета соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяний – криминализация допустима только тогда, когда есть убеждение, что ее положительные результаты превзойдут неизбежные отрицательные ее последствия, которые особенно наглядно выражаются в исполнении наказания в виде лишения свободы, потому что общество, изолируя преступника, не только несет большие затраты на его содержание, но при этом семья лишается кормильца, а производство – работника. Кроме того, при помещении многих преступников в места лишения свободы у них формируются антиобщественные ценности.

II. Криминологические принципы.

1. Принцип общественной опасности деяния. Он означает, что, во-первых, криминализировано может быть деяние, являющееся общественно опасным, во-вторых, степень его общественной опасности должна быть достаточно высокой. Общественная опасность деяния означает, что деяние причиняет значительный вред указанной группе общественных отношений.

2. Принцип относительной распространенности деяния – деяние подлежит криминализации, если оно представляет собой не единичный факт, а определенный вид человеческой деятельности и может повториться в будущем. Такое деяние должно быть распространенным. Криминализация единичных поступков, отклоняющихся от социальных норм, невозможна, потому что уголовное право обладает регулятивными возможностями воздействия в отношении определенного типа человеческого поведения и содержит в себе правило общего характера, рассчитанное только на неоднократное применение.

3. Принцип уголовно-политического соответствия – криминализация деяний должна соответствовать уголовной политике государства.

4. Принцип возможности воздействия на определенный вид поведения с помощью уголовно-правового запрета. Указанный принцип означает, что борьба с некоторыми видами социально отклоняющегося поведения с помощью уголовного права оказывается невозможной. Криминализация определенного деяния возможна, если уголовно-правовые средства будут подкреплены и другими: социально-экономическими, политическими, идеологическими, организационными. При отсутствии указанного единства криминализация оказывается бессмысленной.

5. Принцип невозможности воздействия на определенный вид общественно опасного поведения не уголовно-правовыми средствами.

6. Принцип обязательного учета возможностей системы уголовной юстиции. Он означает, что существующая в обществе система готова к криминализации конкретного деяния: его регистрации, раскрытию, расследованию и осуждению лица, совершившего это деяние. Указанный принцип означает также, что система способна справиться с дополнительной работой при обязательном соблюдении режима законности.

III. Социально-психологические принципы.

1. Принцип социальной адекватности криминализации деяний – нормы уголовного права, являющиеся результатом криминализации деяний, не должны противоречить общественной психологии.

2. Принцип допустимости криминализации деяний – криминализация деяний является допустимой с точки зрения психологии.

IV. Системно-правовые принципы.

А. Общеправовые системные принципы.

1. Принцип конституционной адекватности - нормы уголовного права, являющиеся результатом криминализации деяний, в соответствии со ст.15 Конституции Российской Федерации не должны ей противоречить.

2. Принцип системно-правовой непротиворечивости криминализации деяний – отнесение какого-либо деяния к числу преступлений не должно противоречить нормам иных отраслей права.

3. Принцип международно-правовой необходимости и допустимости криминализации деяний – криминализация деяний необходима с учетом требований норм уголовного права.

4. Принцип процессуальной осуществимости преследования – в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством правоохранительные органы обязаны своевременно изобличать виновных в совершении преступлений.

Б. Уголовно-правовые принципы.

1. Принцип беспробельности закона и неизбыточности запрета – установление уголовной ответственности за совершение какого-либо деяния имеет своей целью ликвидацию соответствующих пробелов в действующем уголовном законодательстве.

2. Принцип полноты состава – при установлении уголовной ответственности необходимо наличие всех признаков состава преступления.

3. Принцип соразмерности санкции и экономии репрессии – при установлении уголовной ответственности за совершение деяния предусмотренное при этом наказание должно соответствовать характеру и степени его общественной опасности. Экономия репрессии в указанном случае будет означать, что даже при наличии всех оснований для криминализации, при обоснованной целесообразности установления уголовно-правового запрета последний должен содержать в качестве наказания такую его меру, которая ограничена минимальным числом карательных элементов, необходимых и достаточных для достижения поставленных перед уголовным законом целей. Создание при установлении уголовной ответственности «запаса прочности» в виде чрезмерно суровых санкций, не соответствующих характеру и степени общественной опасности деяния и лица, совершившего его, также ведет к излишней расточительности уголовной репрессии и является грубым нарушением ее экономии. Уголовно-правовые нормы, принятые с нарушением экономии репрессии, будут либо социально неоправданны, либо несовершенны. На стадии применения норм принцип экономии репрессии реализуется в выборе правоприменителем таких средств воздействия на

преступника и в таком объеме, которые с наименьшими затратами могут привести к наибольшему эффекту.

Принципы криминализации деяний в сфере экономики имеют большое значение, заключающееся в том, что несоблюдение указанных принципов может привести к двум противоположным, но одинаково нежелательным последствиям: пробельности в уголовной наказуемости деяний или, наоборот, к чрезмерной избыточности криминализации деяний, что одинаково подрывает авторитет и престиж уголовного закона, потому что в случае избыточности криминализации такой закон все чаще перестает применяться на практике. В свою очередь, это будет способствовать распространению мнения о том, что совершаемые преступления в сфере экономики, целью которых является незаконное обогащение, останутся безнаказанными.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Е.В. Алексейчук

Нормы, устанавливающие уголовно-правовую ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, вошли в уголовное законодательство России в результате имплементации международных обязательств. А.С. Гавердовский в монографии «Имплементация норм международного права» формулирует определение имплементации следующим образом: «Имплементация международного права - это целенаправленная организационно-правовая деятельность государств, предпринимаемая индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств»[1].

Как правило, государство свободно в выборе способов имплементации, за исключением случаев, когда способ имплементации указан в международном договоре. По своей организационно-правовой природе имплементация представляет собой сложный и многогранный процесс, происходящий в различных отраслях права. В сфере реализации международных обязательств по обеспечению мира и безопасности человечества одним из способов имплементации является криминализация деяний, представляющих наибольшую угрозу основам существования цивилизации.

В.Н. Кудрявцев в работе "Основания уголовно-правового запрета" определяет криминализацию как "общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и издание уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий

---

[1] Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1982. С. 62.

привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее»[1]

Процесс криминализации деяний, посягающих на приоритет мира и безопасности человечества, протекает в области отношений, регулируемых международным правом. Результат криминализации – это нормы национального права, регламентирующие уголовную ответственность за совершение международных преступлений. Нормы материального уголовного права, направленные на реализацию международных обязательств России по обеспечению мира и безопасности человечества, в широком смысле имеют международное правоприменительное значение.

По мнению А.С. Гавердовского, деятельность механизма имплементации может быть охарактеризована как: а) правотворческая (в сфере правоприменения); б) организационная и оперативно-исполнительная; в) контрольная[2].

Правотворческой деятельностью государства в области имплементации международных обязательств РФ по обеспечению мира и безопасности человечества является закрепление результата криминализации деяний, представляющих угрозу миру и безопасности человечества.

До настоящего времени ни военная доктрина, ни в целом концепция национальной безопасности РФ не выработали средств, обеспечивающих эффективную деятельность организационно-исполнительного и контрольного элементов механизма имплементации. Криминализация деяний, представляющих угрозу миру и безопасности человечества, является одним из основных способов имплементации.

---

[1] Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 17.

[2] Гавердовский А.С. Указ. соч. С. 101.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СТАНДАРТ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

О.В. Ударцева

Проблема экологической безопасности основывается на осознании взаимозависимости человека и природы, на признании необходимости выработки превентивных экологических запретов до загрязнения природных объектов; на понимании обязательности создания социально-экономического механизма при взаимодействии общества и природы, на признании приоритета экологической безопасности при организации любых видов деятельности.

На современном кризисном этапе взаимодействия общества и природы экологическую безопасность необходимо рассматривать как качественно новый вид «лимитированных» благ. Право на экологическую безопасность и ее социально гарантированный минимум является универсальным, должно быть равным для всех граждан и входить в стандарт жизнеобеспечения.

Правовыми основами обеспечения экологической безопасности в РФ являются Конституция РФ, Законы «О безопасности», «Об охране окружающей природной среды», устанавливающие требования к обеспечению экологической безопасности, в том числе ограничения воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую природную среду в отношении видов этих воздействий и видов источников экологической безопасности.

Все нормативно-правовые документы рассматривают понятие «экологической безопасности» относительно источника техногенной или природной угрозы, характеризуют его состояние, а не состояние безопасности защищаемого объекта. Защищаемый объект является как бы следствием состояния техногенной и природной опасности. Юридическим подтверждением экологической безопасности промышленно-производственного объекта, его продукции, выполняемых работ и услуг является наличие «сертификатов экологической безопасности»: положительного заключения Государственной экологической экспертизы о соответствии намечаемой деятельности экологическим требованиям. Экологическая сертификация предусматривает выдачу экологических сертификатов и деклараций безопасности промышленного объекта. В них изложены требования по снижению загрязнения, засорения, исто-

щения природного объекта как следствие антропогенной деятельности, т.е. охраны окружающей природной среды от чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Состояние экологической безопасности относится к источнику техногенной угрозы, а вовсе не к защищаемому объекту (населению, обществу, государству).

По-видимому, под экологической безопасностью личности, общества, государства следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в процессе взаимодействия общества и природы от негативных воздействий со стороны природных объектов (например, стихийных бедствий) или в процессе антропогенной деятельности.

Отсутствие четкости в понятии «экологическая безопасность» вызывает спорные вопросы и об источниках экологической опасности, и о природных объектах, которые могут представлять угрозу жизненно важным интересам личности, населения, территории.

Существование нескольких Концепций экологической безопасности вызывает также разнотолки в понятии экологической безопасности. Ее составляющие - ресурсная и биосферная концепции - содержат противоположные тактические задачи при единой стратегической - обеспечение толерантности экологических систем в целом.

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Р.М. Абызов

Криминологическая типология несовершеннолетних преступников позволяет выделить определенную распространенность среди них различных вариантов личностных деформаций. Критерием такой типологии может служить совокупность моральных и правовых оценок: а) поведения как системы поступков; б) содержательной характеристики сознания личности; в) конкретной социальной среды личности и характера взаимодействия с нею; г) ситуации совершения преступлений.

В основу построения типологии личности несовершеннолетнего преступника был положен характер ее антиобщественной направленности, отражающий особенности мотивационной сферы и степень ее общественной опасности.

Согласно антиобщественной ориентации обследованные несовершеннолетние преступники были типологизированы на корыстных, насильственных и корыстно-насильственных.

В комплексе криминогенных факторов, обусловливающих формирование личности несовершеннолетнего преступника с корыстной ориентацией, представляется возможным выделить обстоятельства, способствующие проявлению у подростка корыстной мотивации.

Наиболее выраженными в модели корыстного типа несовершеннолетнего преступника оказались следующие криминогенные факторы: совершение подростком в прошлом преступлений; преждевременное оставление школы и отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего со стороны семьи, школы, милиции; повышенная внушаемость и подчиненность антиобщественной среде; низкий культурный и образовательный уровень, в том числе социальный статус родителей.

Корыстная деформация личности несовершеннолетнего преступника представляет собой комплекс приобретенных и относительно устойчивых эмоциональных, волевых, нравственных и интеллектуальных свойств личности и черт характера, проявляющихся в корыстно-паразитической направленности.

В сфере нравственности корыстные преступники характеризуются потребительством, паразитизмом, лицемерием, ханжеством, подхалимством; в волевой сфере – пассивностью, бесхарактерностью, трусостью,

конформизмом, угодничеством; в эмоциональной – скрытностью, завистью, демонстративностью, тревожностью.

Изучение личности несовершеннолетних преступников с насильственной ориентацией свидетельствует о том, что они далеко не однородны ни по мотивам совершенных ими деяний, ни по чертам характера, ни по целям, которые ими преследуются. Вместе с тем имеются такие общие черты, как эмоциональная холодность, бесчувственность, агрессивность, неумение контролировать и сдерживать свои поступки и эмоции, социальная отчужденность, нарушение адаптации, дефекты нравственного сознания.

В криминологической модели деформаций личности несовершеннолетнего преступника с насильственной ориентацией наиболее информативными факторами оказались продолжительность употребления спиртного; влияние антиобщественной среды; отсутствие контроля со стороны семьи, школы, милиции.

Тип с «чистым» корыстно-насильственным рецидивом удалось выделить с большим трудом. Из всех преступлений, которые успели совершить в прошлом осужденные за грабеж и разбой подростки, больше половины составили хулиганство и кражи. Изучение характера его деяний свидетельствует о явном превалировании насильственной стороны над корыстной. Признаки, характеризующие личность несовершеннолетних, осужденных за грабежи и разбои, более всего близки к личным признакам рецидивистов-хулиганов.

Тем не менее, сравнивая корыстно-насильственный тип с насильственным и корыстным типами, следует отметить, что общественная опасность первого заметно выше последних. Это подтверждается и степенью выраженности криминогенных факторов, характеризующих данную модель.

Знание типологических особенностей личности несовершеннолетних преступников позволяет прогнозировать их будущее поведение и в соответствии с прогнозом выстраивать индивидуально-профилактическую работу с ними.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ, СОВЕРШИВШЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 106 УК РФ

М. В. Завязочникова

УК РФ 1996 г. предусматривает в качестве самостоятельного состава преступления убийство матерью новорожденного ребенка. В самом названии ст. 106 УК РФ говорится о специальном субъекте преступления - физиологической матери новорожденного, а диспозиция статьи прямо устанавливает время и обстановку, в которой совершается убийство.

Данное преступление относится к виду убийств со смягчающими обстоятельствами. Закон связывает ответственность матери с наличием определенного состояния, в котором она находится, будучи либо еще беременной, либо уже во время или после родов.

Можно выделить две основные ситуации, наличие которых является обязательным признаком объективной стороны состава.

В ряде случаев убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, совершается матерью, имеющей психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Закон впервые говорит об уголовной ответственности лица, которое в момент совершения преступления не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в силу имеющегося психического расстройства (ст. 22 УК РФ). Такое психическое расстройство не является промежуточным между вменяемостью и невменяемостью, а относится к вменяемости, которая определенным образом ограничена. Поэтому у матери могут быть обнаружены психические аномалии, возникшие до беременности или появления ребенка и не связанные с этими обстоятельствами. Это может быть заболевание в виде органического поражения головного мозга, олигофрения легкой и средней степени, психопатия. В таких случаях беременность или рождение ребенка являются толчком для нарушения социальной адаптации матери, ведущего к убийству ребенка. Поэтому психическое расстройство матери будет учитываться судом при назначении наказания и может служить основанием для применения к ней принудительных мер медицинского характера.

Другая ситуация - убийство совершается психически здоровой матерью. Здесь речь можно вести только о существующем состоянии эмоциональной напряженности и, как следствие, аффективной мотивации поведения матери во время убийства ребенка.

Эмоциональная напряженность возникает под влиянием психотравмирующей ситуации - складывающейся обстановки, которая нетипична для данной женщины. Поведение мужа, родственников, их отношение к рождению ребенка, материальные условия, социальное положение семьи влияют на сознание будущей матери и, следовательно, на ее поступки. Однако одна и та же ситуация на каждого человека влияет поразному. Поэтому решающее значение приобретают личность преступницы, ее социальная и психологическая характеристика, морально-этические качества, так как под их воздействием формируется сознание женщины. К примеру, требование мужа избавиться от ребенка будет глубоко травмирующим фактором для женщины, желающей родить и воспитывать ребенка, а для женщины, страдающей алкоголизмом, ведущей аморальный образ жизни, подобная позиция супруга может даже подкрепить собственное решение - совершить преступление.

Появление эмоциональной напряженности возможно задолго до родов. Сам факт беременности всегда оказывает влияние на психику матери, особенно если она нежелательна, наступила в результате изнасилования. И если в период беременности на женщину будут влиять внешние негативные факторы (неудачные попытки сделать аборт), ее личностные особенности (застенчивость, зависимость), то к моменту родов может сложиться психотравмирующая ситуация, которая и повлияет на принятие женщиной решения причинить смерть родившемуся ребенку. О глубине эмоционального срыва, ограничивающего реальную оценку поведения, могут свидетельствовать нелепые попытки скрыть труп ребенка (например, под ванной, выбросив его в окно).

Поведение находящейся в состоянии эмоциональной напряженности матери определяется во многом аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА КРАЖ С ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ
(по материалам г. Новосибирска)

В.М. Бессонов, Г.Н. Доронин, Е.М. Куницина

Изучение краж с проникновением в жилище (далее - квартирных краж) и определение мер их предупреждения традиционно затрагивает виктимологический аспект данной проблемы. Проведенный нами анкетный опрос 400 лиц, осужденных к лишению свободы за данный вид преступления, позволил конкретизировать «форму бытия» некоторых виктимологических факторов, благоприятствующих совершению квартирных краж в условиях города Новосибирска. Полученные данные могут быть использованы правоохранительными органами и общественностью при осуществлении противодействия этому виду криминальной деятельности.

Прежде всего нас интересовал вопрос о том, насколько распространено на практике предварительное изучение предполагаемого объекта посягательства, помогающее впоследствии уверенно ориентироваться на месте совершения преступления, выбрать наиболее оптимальные способы преодоления препятствий, транспортировки похищенного, маскировки и уничтожения следов и т.п.

Оказалось, что такая предварительная деятельность является достаточно распространенной. Она вполне отчетливо осознается таковой 24,5% опрошенных. Если учесть, что примерно такое же количество изученных лиц уклонились от ответа на поставленные вопросы, то можно предположить, что данный показатель является еще более весомым, достигающим 50%.

Проведенное исследование позволило также определить предпочтения квартирных воров в видах (содержании) предварительной преступной деятельности. Наиболее распространенными являются первоначальное ознакомление с местом совершения кражи (28,5%); разработка способов маскировки, уничтожения следов совершения преступления (23,5%);определение средств транспортировки похищенного (21,5%).

Оценивая полученные данные под интересующим нас углом зрения, со всей определенностью можно сказать, что виктимологические факторы жилища в большинстве случаев заранее подвергаются весьма пристальному изучению лицами, замышляющими совершение квартирных краж. Причем объектом внимания являются как само жилище, так и та

пространственная среда, которая его окружает. Поиск способов противодействия этой предварительной криминальной деятельности является одним из направлений борьбы с квартирными кражами.

Значительный практический интерес представляет характеристика конкретных виктимологических факторов жилища, которые учитываются квартирными ворами при формировании у них преступных намерений. Исследование показало, что при определении будущего объекта посягательства берется во внимание характер (вид) микрорайона города, где располагается жилище. При этом, во-первых, предпочтение отдается отдаленным городским районам старой застройки по сравнению с центральной частью города. Во-вторых, криминальные интересы в большей степени простираются на районы новостроек, чем на уже сложившиеся жилые комплексы. В-третьих, при выборе линии преступного поведения учитывается также наличие транспортных коммуникаций, облегчающих перемещение похищенного и экстренный сбыт украденного имущества (близость к рынкам, местам стихийного скопления людей, вокзалам и т.п.). В-четвертых, статистически достоверно интерес для опрашиваемых представляют микрорайоны частного сектора, а также элитное жилье «новых русских».

Эти и другие сведения, характеризующие территориальные предпочтения при совершении квартирных краж, нуждаются в специальном анализе с точки зрения возможности их использования в профилактической работе.

В процессе исследования нас также интересовал вопрос о конкретных признаках жилища, которые принимаются во внимание похитителями при осуществлении подготовительных действий к квартирной краже. Главными «привлекающими» факторами по вполне понятным причинам оказались обстоятельства, свидетельствующие о возможности получения достаточно ощутимой имущественной выгоды. Причем уровень «наполненности» квартиры предметами предполагаемой кражи определяется по признакам внутреннего интерьера, обстановки жилища, просматриваемым из окна, особенностям образа жизни хозяев, демонстрирующим материальный достаток (например, использование мобильного телефона во время выгула домашних животных и т.п.), наличие добротных, бросающихся в глаза металлических дверей, защитных решеток окон и т.п. Легкая доступность (незащищенность) жилища как таковая привлекает внимание лишь 14,5% опрошенных лиц.

Проведенный опрос показал также, что мотивирующими факторами квартирных краж являются не только определенные признаки жилища, но и характерные черты поведения его хозяев. К ним относятся внешняя (откровенная) демонстрация богатства (материального достатка) -

55,2%, и разговоры о нем с посторонними людьми (1,5%), занятие коммерческой деятельностью (4,7%), частое оставление жилища без присмотра на время различных отъездов, командировок и т.п. (13,2%), халатность хозяев в отношении своего имущества (отсутствие элементарных средств безопасности жилища, злоупотребление спиртными напитками с участием посторонних людей и т.п.) - 4,2%.

В заключение отметим, что борьба с квартирными кражами с использованием результатов виктимологических исследований может иметь дополнительный положительный эффект, а население, проживающее в районах городской застройки, объективно будет, видимо, проявлять все больший интерес к поиску адекватных форм индивидуальной и коллективной самозащиты от возможных преступных посягательств.

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.В.Григорьев

Личность «корыстно-насильственного преступника» заслуживает пристального внимания и изучения, поскольку в ней, по нашему мнению, заложено нечто такое, что детерминирует органическую совокупность «корыстного насилия».

В целях выяснения некоторых психологических аспектов личности корыстно-насильственного преступника было произведено обследование осужденных учреждения ЯУ-114/4 – ИК строгого режима в г.Томске. Все опрашиваемые осужденные соответствовали следующим критериям: а) пол – мужской; б) образование – не ниже неполного среднего; в) возраст – от 22 до 45 лет; г) ранее судимые; д) осужденные за совершение разбоев, грабежей с применением насилия, квалифицированных вымогательств. Исследование состояло в проведении интервью и прохождении испытуемым батареи тестов: Акцент 2-90, Supos, тест Розенцвейга, тест Леопольда Сонди. Всего было обследовано 25 осужденных.

Для сравнения результатов ту же батарею тестов прошла контрольная группа в 25 человек – служащих различных государственных и муниципальных учреждений (образование – не ниже среднего).

Теоретическими гипотезами исследования были следующие положения: у корыстно-насильственного преступника (КНП) основным мотивом служит причинение жертве насилия, проявление жестокости. Насилие, жестокость КНП можно рассматривать как утверждение своего «я», самоидентификацию в мире, осознаваемом как враждебный, что является компенсацией в состоянии перманентных фрустраций. Следовательно, должен существовать психологический механизм «включения» неадекватной агрессии у КНП, отличающей его на уровне психохарактеристик (в том числе глубинного уровня) от правопослушного человека.

В тесте Леопольза Сонди у группы КНП средние показатели выглядели следующим образом: класс влечений S:h+!, S+-; P:e+-, hy+-; Sch:k-!; p+; c:d-!, m+. Контрольная группа: S:h+-, S+- P:e-_, hy+-; Sch:k+, p-; C:d+-, m0. Показатели – влечение приблизительно рассматриваются так: агрессия (h), садизм (s), эпилепсия (e), истерия (hy), пароксизмальный вектор

(p), кататоническая шизофрения (k), паранойя (p), депрессия (d), маниакал (m).

В тесте Акцент 2-90 значения по шкалам интерпретируются: 10-14 баллов – норма, 14-18 – выраженность в характере, свыше 18 – акцентуация. Средние баллы группы КНП выглядят: гипертимность 15,5; застревание 13,5; эмотивность 12; педантизм 13,2; тревожность 10,7; циклотимность 17,5; демонтративность 12,2; возбудимость 17,7; дистимия 11,5; экзальтированность 16; интроверсия 12,5. При этом несколько очень низких показателей циклотимности, возбудимости и экзальтированности в сочетании с пиками по шкалам интроверсии и демонстративности дали занижение при подсчете средних первых трех; пики же вторых дивергенты, а потому рассматриваются «зеркально». У 70% опрошенных КНП гипертимность 18 и выше баллов; циклотимность у 30% выше 20 баллов и лишь у 20% ниже 18; 65% обследованных имеют экзальтированность не менее 18 баллов при норме 12. Возбудимость у половины КНП достигает максимума – 24 балла.

В контрольной группе нет показателей за нормой, а циклотимность – 9, возбудимость – 10 и экзальтированность – 9,5 балла.

В тесте Supos, раскрывающем самооценку, показатели КНП на шкале психического спокойствия в 2 раза ниже, чем у контрольной группы. Шкалы чувства силы и энергии и готовности к деятельности в обеих группах имеют приблизительно равные значения. Показатель на шкале импульсивной реактивности у группы КНП снова в 2 раза ниже.

Согласно тесту Розенцвейга четверти обследованных КНП присущ аккомодативный стиль конфликтного поведения, остальные обследованные ближе к ассимилятивному стилю поведения в конфликте. Контрольная группа в целом предпочла выраженный ассимилятивный стиль с рационализированным приспособлением к ситуации фрустрации.

Половина изученных КПН получила характеристику – «неумение конструктивно делегировать ответственность», 70% КНП – «чувство вины не характерно», 100% КНП – «наиболее актуально удовлетворение фрустрированной потребности», каковые оказались не свойственны для контрольной группы.

Выводы, сделанные после комплексного анализа результатов всей батареи, в общем, по нашему мнению, подтверждают указанные выше гипотезы.

КНП в местах лишения свободы несколько подавлен, удручен, напряжен от невозможности реализовать потенции своей психики. Под этим «тонким слоем корреляции» КНП с ИУ кроется его основная характеристика. КНП – это акцентированная, нервная личность аффективного склада; с большим запасом внутренней агрессии, слабым контро-

лем и высокой лабильностью. Он неконформен к обществу, эгоцентричен и возбудим.

Все вышеназванное – не полностью врожденные свойства, но в массе своей – «фундамент» психики КНП, «заложенный самой природой». Это и есть, по большей части, генезис и механизм, приводящий к совершению преступлений корыстно-насильственной направленности.

О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО АСПЕКТА ПРАВООБЕСПЕЧЕНИЯ, РЕАЛИЗУЕМОГО ОРГАНАМИ МИЛИЦИИ

С.А.Капитонов

Правообеспечение в данном случае рассматривается как деятельность уполномоченных на то органов, организованная определенным образом и направленная на то, чтобы любое социально значимое поведение людей в максимальной степени соответствовало существующим нормативным ориентирам.

Спецификой правообеспечения, осуществляемого милицией, является то, что основные, контролируемые его ориентиры, зафиксированные в нормах уголовного права, содержат описания того, какое конкретно поведение людей наиболее нежелательно для общества.

Этим и обусловлена попытка поиска средств разрешения упоминаемой проблемы в сфере социального управления. При этом напомним, что управление в кибернетическом смысле понимается прежде всего как перевод некой системы из одного состояния в другое. В социальном же смысле под управлением понимается прежде всего организация общественно значимого поведения людей. Следует подчеркнуть, что социальные системы выражаются в первую очередь посредством взаимоотношений между людьми.

Следование буквальному кибернетическому смыслу понятия «управление» в социальной сфере, хотя и с оговорками на ее специфику, привело к тому, что признаки системы стали отыскиваться в общностях людей любого уровня и любого направления. В результате этого желаемым состоянием для общества, а соответственно целью для милиции стало такое состояние правопорядка, при котором к минимуму были бы сведены административные правонарушения и уголовные преступления. Неопределенность того, что же признавать минимумом правонарушений и преступлений, допустимых в нашем обществе, породила ситуацию, когда субъективность оценки показателей милиции служит основанием для принятия дисциплинарных мер к руководителям служб и подразделений в тех случаях, когда характеристики правопорядка не устраивают общество.

Вполне понятно, почему милиция отвечает на это «оптимизацией» показателей собственной деятельности, начиная от «облагораживания» статистической отчетности и заканчивая необоснованными прекраще-

ниями уголовных дел, отказами в их возбуждении или откровенным укрывательством преступлений от учета.

Выход из создавшегося положения нужно искать на теоретическом уровне. Для начала следует вспомнить о том, что любую систему, в том числе и социальную, образует не чье-либо субъективное волеизъявление, а объективно обусловленное взаимодействие ее элементов. Для ее создания недостаточно одного лишь волеизъявления. Социальная система способна существовать лишь там и тогда, где и когда объективно существующие связи элементов способны породить качественное своеобразное целое.

Поэтому есть смысл при отыскании таких связей обратить внимание на объективно существующие зависимости между конкретными условиями и определяемыми ими моделями социально значимого поведения людей. Именно эти связи и образуют социальные управляемые системы. В их изучении и последующем применении заключается смысл организационного (реально обеспечивающего возможность целенаправленного управляющего воздействия) аспекта правообеспечения. Предлагаемое раскрытие смысла организационного аспекта правообеспечения откроет новые перспективы целенаправленной организации поведения людей в процессе реализации правообеспечения как основной функции милиции.

Такая постановка проблемы позволит продвинуться в решении задачи адекватной оценки объективно обусловленных возможностей милиции. В более отдаленной перспективе, на основе оценки результатов деятельности органов внутренних дел, можно будет говорить о совершенствовании нормативной основы их деятельности.

К ВОПРОСУ ОБ УСВОЕНИИ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ СЛУШАТЕЛЯМИ ЭКСТЕРНАТА ТОМСКОГО ФИЛИАЛА РИПЭ МИНЮСТА РФ

Т. К. Денисенко

Деятельность правоохранительных органов, от которых зависит, как практически будут защищены интересы граждан, напрямую связана с актуальными вопросами подготовки юридических кадров.

Решить проблему подготовки грамотных квалифицированных кадров призвана такая форма обучения как подготовка специалистов на шестимесячных курсах по программе среднеюридических учебных заведений (экстернат).

Начиная с 1995 г. в Томском филиале ныне Рязанского института права и экономики Минюста России подготовлено по программе экстерната около 200 сотрудников УВД Томской области. Подготовка в режиме экстерната получила признание и у руководства УВД, и у самих сотрудников.

Сегодняшнее уменьшение финансирования потребовало внести изменения в режим обучения слушателей экстерната. Поскольку отвлечение сотрудников правоохранительных органов на стационарное шестимесячное обучение стало проблематичным, в 1998 г. было выработано совместное решение, согласно которому слушатели экстерната обучаются два рабочих дня в неделю (пятница, суббота) без уменьшения объема должностных обязанностей, а часть тем из программы обучения была вынесена на самостоятельное изучение. В 1999 г. начата апробация обучения (в основном для сотрудников уголовно-исполнительной системы) 2 недели через одну (2 недели – обучение в филиале, неделя – служба в подразделении).

Предложенный график обучения потребовал увеличения продолжительности учебного дня до 8 часов за счет часов самоподготовки, которые никаким другим временем не компенсируются. Слушатели экстерната поставлены в довольно жесткие условия, так как при выполнении объема работы, согласно занимаемой должности, никакого времени для подготовки к занятиям, а тем более для самостоятельного изучения некоторых разделов учебной программы не выделяется. Отсюда постоянное чувство раздвоенности: с одной стороны, необходимость выполнять работу, выйти на суточное дежурство, работать в режиме усиленного варианта несения службы, предусматривающего 12-часовой рабочий

день, с другой – подготовиться к ответам на семинарских занятиях, зачетах и экзаменах.

В соответствии с образовательным стандартом среднеюридического образования по специальности 0203 в программе обучения предусмотрены различные правовые дисциплины (уголовное и уголовно-исполнительное право, гражданское право и гражданский процесс, уголовный процесс, трудовое и экологическое право и др.). Все эти дисциплины по-разному усваиваются нашими слушателями, о чем свидетельствует их умение использовать полученные знания в смежных дисциплинах либо соотносить содержание одной применительно к другой.

Как правило, успешнее и на достаточно хорошем уровне усваиваются те дисциплины, знание которых непосредственно используется в практической деятельности и имеется соответствующий опыт. Так, сотрудники криминальной милиции и милиции общественной безопасности свободно оперируют категориями уголовного права и уголовного процесса, административного права и административной деятельности, подтверждая свои знания непосредственным практическим опытом. Работники же уголовно-исполнительной системы успешнее усваивают уголовное, уголовно-исполнительное, конституционное право, другие же дисциплины вызывают определенный интерес лишь в части, имеющей профессиональную направленность. Об этом говорят они сами, об этом же свидетельствуют их успеваемость по названным дисциплинам, их ответы на семинарских занятиях, зачетах, экзаменах. Обучающиеся не всегда способны перенести знания одной дисциплины на аналогичные вопросы другой (например, после сдачи зачета по административному праву полученные знания не нашли воплощения при изучении экологического права).

Слушатели, обучающиеся в условиях экстерната, достаточно хорошо мотивированы на получение юридического образования, они готовы обучаться, выполнять все требования, предъявляемые учебным процессом, но не всегда это возможно.

Слушатели, обучающиеся в квазистационарных условиях (2 недели через одну) все-таки находятся в более выгодном положении, так как имеют *некоторую* возможность погрузиться в учебную деятельность, чем слушатели, присутствующие на занятиях 2 раза в неделю. Сотрудники порой просто не имеют ни времени, ни возможности подготовиться к занятиям, изучить необходимую литературу, поскольку отсутствуют необходимые учебники (либо имеются в незначительном количестве или даже в одном экземпляре). Актуальным в обучении можно считать и такой момент, что слушатели фактически лишены возможности пользоваться библиотечным фондом как библиотек филиала, так и библио-

тек города, поскольку режим работы библиотек филиала не предусматривает работы в выходные дни, а библиотеки города в воскресенье работают неполный день.

Думается, что стационарное обучение позволит получить образование на более качественном уровне, больше способствовать успешному усвоению правовых дисциплин. Полученные знания, приобретенные умения и навыки позволят грамотно применять их в служебной деятельности.

УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

А.Ф. Любарский

Реформирование нормативной основы борьбы с преступностью, нашедшей свое практическое воплощение в Уголовном кодексе РФ (введен в действие с 1 января 1997 г.) и Уголовно-исполнительном кодексе РФ (введен в действие с 1 июля 1997 г.), обусловливает необходимость осмысления отдельных их положений.

«Принятием этих фундаментальных законов, как справедливо отмечал профессор И.В. Шмаров, завершился важный этап реформы уголовного наказания, которая затронула все его основные институты: понятие и цели наказания, его систему и виды, назначение, исполнение и освобождение от отбывания наказания. Многие сохранившиеся институты уголовного и уголовно-исполнительного законодательства получили новое правовое содержание и оформление»[1].

Таким образом, возникает необходимость решения целого ряда объективно возникающих проблем, новых по своей сути. К числу таковых прежде всего следует отнести такие понятия, как «условия исполнения и отбывания наказаний».

Следует отметить, что хотя данные термины и взаимосвязаны, но различны по своему содержанию. Это вызвано тем, что «условия исполнения» обращены к учреждениям и органам, призванным реализовать определенный вид уголовного наказания в цивилизованной обстановке, совместимой с человеческим достоинством и нормами, принятыми в обществе. При этом смысловое содержание понятия «условия исполнения» нами рассматривается «как обстановка, в которой происходит что-нибудь»[2]. В то же время термин «условия отбывания» обращен к осужденным, которые в соответствии с предписанием уголовно-исполнительного законодательства могут использовать определенную совокупность социально-правовых благ для удовлетворения своих индивидуальных потребностей в процессе отбывания ими уголовных на-

---

[1] Уголовно-исполнительное право: Учебник /Под ред. проф. И.В. Шмарова. М.: Изд-во БЕК, 1998. С. XIII.

[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 729.

казаний. В данном случае термин «условия отбывания» следует рассматривать как «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит»[1].

При этом «условия исполнения» не зависят от поведения осужденного а «условия отбывания» имеют непосредственное отношение к поведению лиц, отбывающих уголовные наказания, что, как правило, ведет к изменению объема социально-правовых благ, которыми может пользоваться тот или иной осужденный. В качестве благ в данном случае выступают вещи и явления окружающего мира, обладающие для человека положительной ценностью.

Благо (индивидуальное и общее), как подчеркивает В.С. Нерсесянц, «включает в себя различные интересы, притязания, воли различных субъектов (физических и юридических лиц) лишь в той мере, в какой они соответствуют общей правовой норме, отвечают единым критериям правовых запретов и дозволений, возможны и допустимы в рамках общего правопорядка»[2].

Наиболее детально совокупность социально-правовых благ урегулирована в УИК РФ в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В частности, нормы, содержащиеся в ст.ст. 87-102, устанавливают общее условие отбывания наказания в виде лишения свободы, которое затем конкретизируется в ст.ст. 120, 124 и др. Такая дифференциация условий исполнения (отбывания) наказаний относится к элементам прогрессивной системы. В свою очередь, «условия исполнения» с содержательной стороны нашли свое выражение в «Общих требованиях к оборудованию исправительных учреждений» и направлены на решение коммунально-бытовых, медико-санитарных и других вопросов, которые способствовали бы тому, чтобы эти блага максимально были реализованы осужденными. В этом, в частности, как раз и проявляется взаимосвязь «условий исполнения» и «условий отбывания». Кроме того, следует заметить, что условия отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях в первоначальном их назначении зависят от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также личности самого осужденного. Два первых признака закрепляются в уголовном законодательстве, и в соответствии с ними суды определяют вид исправительного учреждения и его режим. Поведение осужденного в процессе реализации уголовного наказания влияет на условия отбывания. Они могут улучшаться или ухудшаться как в рамках конкретного вида исправительного учреждения, так и путем перевода из одного учреждения в другое, и наоборот.

---

[1] Там же. С. 729.

[2] См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 1997. С. 68-76.

Поэтому «условия отбывания» выступают своеобразным стимулом надлежащего поведения осужденных. Следовательно, «условия отбывания» уже понятия «условия исполнения».

Не претендуя на исчерпывающее освещение всех аспектов рассматриваемого понятия, применяемого в действующем уголовно-исполнительном законодательстве, мы попытались осмыслить лишь некоторые отдельные стороны условий исполнения и отбывания наказания как правовой комплексной категории в условиях создания новой правовой системы.

Именно уяснение смыслового содержания вышеобозначенных понятий позволит устранить неоднозначность их понимания, что в конечном итоге будет способствовать укреплению законности при исполнении ряда мер государственного принуждения, улучшению деятельности органов государства, исполняющих различные меры уголовного наказания в современных условиях.

Кроме того, как нам представляется, законодательное закрепление содержательной стороны данной правовой категории в большей степени должно отвечать принципу индивидуализации исполнения наказаний. Данный подход соответствует требованиям ст. 65 Европейских тюремных правил, согласно которым должны быть предприняты все усилия для того, чтобы «обеспечить условия жизни (в местах лишения свободы), совместимые с человеческим достоинством и нормами принятыми в обществе».

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

С.С. Уткина

Составная часть реформы уголовно-исполнительной системы – реорганизация органов, исполняющих наказания и иные уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1999 г. с передачей уголовно-исполнительных инспекций из ведения МВД РФ в систему Министерства юстиции.

В настоящее время уголовно-исполнительные инспекции реализуют большую часть не связанных с лишением свободы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, назначаемых судами. Общее число осужденных, ежегодно проходящих по учетам инспекций (более 1 млн. чел.), примерно равно числу лиц, находящихся в заключении. Однако проблемам уголовно-исполнительных инспекций в науке и на практике уделяется гораздо меньше внимания, нежели системе пенитенциарных учреждений, а существующая Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы до 2005 г. лишь фрагментарно упоминает об уголовно-исполнительных инспекциях. И это не случайно, поскольку в последнее время указанные вопросы, в отличие от проблем лишения свободы, не подвергались специальному научному анализу.

Одной из возможных предпосылок такого анализа служит изучение международного опыта, отраженного в международных документах о деятельности системы уголовной юстиции.

Среди международных документов, непосредственно касающихся мер, альтернативных лишению свободы, выделяются документы общемирового и регионального характера. Среди первых ведущая роль принадлежит принятым в 1990 г. Стандартным минимальным правилам ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийские правила»). Устанавливая свод основных принципов для содействия более широкому использованию альтернативных мер, Токийские правила не определяют конкретное место соответствующего исполнительного органа в системе уголовной юстиции. Указано лишь, что «если какая-либо не связанная с тюремным заключением мера предусматривает надзор, то он осуществляется компетентным органом в соответствии с конкретными условиями, предусмотренными законом» (ст.10.2).

Ссылки на «компетентный орган» содержатся также в ст.ст. 12.1, 12.4, 13.4, 13.6 Токийских правил. Кроме того, Правила используют термин «службы, которым поручено применение не связанных с тюремным заключением мер» (ст. 22.1). Эти службы включаются в «систему органов уголовного правосудия» (там же).

В отличие от тюремной системы, организация такой службы в разных странах различна, что определяется неодинаковым механизмом государственного управления, разным соотношением между центральной и местной властью, государственными институтами и государственными формированиями, неодинаковым взаимодействием государственных институтов с гражданским обществом. Этим и вызвана неопределенность и широта терминологии «Токийских правил». Вместе с тем в упомянутых Правилах довольно четко отражены такие принципы организации рассматриваемых органов, как профессионализм их персонала и поощрение участия общественности в их деятельности.

Документом регионального характера, посвященным альтернативным лишению свободы уголовно-правовым мерам, являются Европейские правила по применению общественных санкций и мер взыскания. Они приняты Комитетом министров стран - членов Совета Европы в 1992 г. и имеют рекомендательный характер.

Учитывая разнообразную европейскую практику, упомянутые Правила также не определяют детально статус органов, исполняющих меры, не связанные с лишением свободы. Чаще всего в них упоминается об «исполнительном органе» (ст. ст. 29, 42,45, 50, 57 и др.). В соответствии с приложенным к Правилам глоссарием (словарь терминологии) «орган, исполняющий решение, – это орган, или органы, обладающий правом принимать решение, который несет основную ответственность за исполнение общественных санкций и мер наказания. Во многих странах органом, исполняющим решения, является служба условного осуждения». Как видно, этим понятием охватывается не только орган, непосредственно реализующий надзор или иные формы контроля за осужденным, но и орган, имеющий право выносить решение об отмене или замене альтернативных мер.

Немаловажным является и то обстоятельство, что, в отличие от Токийских правил, Европейские правила содержат гораздо более подробные рекомендации относительно методов работы исполнительных органов, участия в их деятельности общественности, частных лиц, о кадрах и подборе персонала служб, исполняющих наказание без изоляции от общества.

Последний вопрос признается настолько значимым, что ему посвящается специальный региональный международный документ. Это

Принципы набора, отбора, обучения, условий работы и мобильности персонала, исполняющего наказания и меры взыскания. Они утверждены Комитетом министров стран - членов Совета Европы в 1997 г. Изучение данного документа приводит к выводу, что многие его положения России как члену Совета Европы еще предстоит реализовать в ходе реформирования уголовно-исполнительной системы.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В СТРОГИХ УСЛОВИЯХ В ИК ОБЩЕГО РЕЖИМА

В.В. Разбирин

Одним из направлений по совершенствованию деятельности пенитенциарных учреждений является развитие системы ступенчатого изменения условий отбывания наказания в пределах одной исправительной колонии.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ впервые определил содержание условий отбывания наказания осужденными к лишению свободы, порядок перевода из одних условий в другие, специфические права и правила пользования ими. Однако анализ практической деятельности свидетельствует о том, что уголовно-исполнительным кодексом РФ и ведомственными нормативными актами в недостаточной степени отрегулирован вопрос о порядке отбывания наказания осужденными в строгих условиях. Ряд положений, регулирующих данный вопрос, требует дополнений, изменений и уточнений.

Изменение условий отбывания наказания в пределах одной исправительной колонии обеспечивает реализацию принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и по существу является частью прогрессивной системы отбывания наказания.

В пределах одной исправительной колонии осужденные могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания. В этом выражается уголовно-исполнительная дифференциация отбывания наказания, которая, прежде всего, оказывает воздействие на правовой статус осужденных. Иными словами, условия содержания и правовое положение осужденных изменяются в зависимости от поведения осужденных в период отбывания наказания.

После вступления в действие нового уголовно-исполнительного законодательства существенно изменилась дисциплинарная практика, применяемая к осужденным.

Это обусловлено тем, что в перечень злостных нарушений включены лишь те, которые совершаются осужденными крайне редко, в связи с чем уровень злостных нарушений не отражает истинной оперативной обстановки в подразделениях, а численность осужденных, переведенных за допущенное нарушение порядка отбывания наказания в ПКТ, резко сократилась.

В связи с этим заметим, что ст. 116 УИК РФ не относит к злостным нарушениям режима употребление спиртных напитков и других одурманивающих веществ; изготовление, хранение или передачу предметов, не разрешенных к использованию в исправительных учреждениях; участие в азартных играх, уклонение от принудительного или обязательного лечения.

Употребление спиртных напитков и других одурманивающих веществ осужденными целесообразно отнести к злостным нарушениям режима по той причине, что данное правонарушение в местах лишения свободы является общественно опасным. В таком состоянии осужденные не контролируют своего поведения, нарушают установленный порядок отбывания наказания, вступают в конфликты с другими осужденными и представителями администрации, подстрекают осужденных к противодействию законным требованиям администрации, совершают тяжкие преступления. Анализ практики применения специальных средств в исправительных учреждениях (ПР-73, наручников и др.) показывает, что в 50% случаев они использовались при задержании осужденных, находившихся в алкогольном либо одурманенном состоянии, ввиду неподчинения их представителям администрации.

Игра в карты в исправительных учреждениях должна быть признана злостным нарушением режима по причине негативных последствий для играющих в карты, а также потому, что картежная игра лежит в основе формирования незаконных денежных касс осужденных - " общаков", которые используются осужденными в преступных целях. Мотивом совершения данного проступка являются, как правило, корысть, желание выиграть деньги или получить другие блага. Осужденные проигрывают большие суммы денег, материальные ценности. Для получения денег с целью расчета от родственников осужденные вовлекают в запрещенные связи представителей администрации либо используют другие запрещенные каналы доставки денег. Они в большинстве случаев не в состоянии рассчитаться "за картежный долг", на этой почве возникают конфликты между ними, которые, как правило, заканчиваются совершением преступлений. Анализ категорий осужденных, переведенных в безопасное место, показывает, что свыше 60 % занимались игрой в карты и " имеют долги".

"Изготовление, пронос и хранение запрещенных предметов" должно быть признано также злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания. Перечень запрещенных предметов должен быть исчерпывающим. К числу запрещенных предметов необходимо отнести все виды огнестрельного и холодного оружия; взрывчатые и отравляющие вещества; все виды алкогольных напитков; наркотические вещества.

По результатам изучения практики применения мер дисциплинарной ответственности к осужденным можно сделать вывод о целесообразности изменения редакции статьи 116 УИК РФ. При этом необходимо изменить перечень нарушений, признаваемых злостными; предоставить право администрации колонии решать вопросы, связанные с переводом осужденных в строгие условия отбывания наказания с учетом их поведения.

В настоящее время, согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства, осужденный, признанный злостным нарушителем режима, в обязательном порядке должен быть переведен в строгие условия отбывания наказания либо в обычные, если он содержался в облегченных условиях отбывания наказания. На практике это приводит к тому, что применение отдельных мер взыскания приходится связывать с наличием мест на строгих условиях отбывания наказания.

Как правило, в строгие условия должны переводиться осужденные отрицательной направленности, пропагандирующие идеи преступного мира и строго их придерживающиеся, вступающие в противодействия законным требованиям администрации, притесняющие осужденных, вставших на путь исправления, отрицательно влияющие на окружающих и осложняющие оперативную обстановку в подразделении, а сегодня мы обязаны изменить условия отбывания наказания всем лицам, признанным злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

Применение норм законодательства, регулирующих порядок признания осужденных злостными нарушителями и порядок перевода осужденных из одних условий отбывания наказания в другие, на практике показало, что эти нормы не обеспечивают соблюдения принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Предлагается новая редакция ч. 3 ст. 116 УИК РФ:

"Осужденный, совершивший указанный в частях первой и второй настоящей статьи нарушения, ***может быть признан злостным нарушителем*** установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему взыскания в письменной форме, предусмотренного частью 1 ст. 115 УИК РФ";

Анализ практики применения ч. 5 ст. 120 УИК РФ в исправительных колониях общего режима, а именно установление минимального срока - 6 месяцев - содержания в СУС, показывает то, что данная норма не соответствует принципам уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, нецелесообразна с педагогической точки зрения, сужает сферу правоприменительной деятельности администрации. Полагаем, что срок, на который может быть переведен осужденный

в строгие условия отбывания наказания, должна определять администрация исправительного учреждения. Кроме того, этот срок может быть сокращен по решению комиссии администрации исправительного учреждения. Условием сокращения срока может служить то, что, находясь в строгих условиях отбывания наказания, осужденный не допускал нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Материалы, характеризующие осужденного, рассматриваются на заседании комиссии учреждения по представлению начальника отряда.

При положительном решении комиссии начальник учреждения или лицо, его замещающее, выносит постановление о переводе осужденного из строгих в обычные условия содержания.

Осужденный, признанный в установленном порядке злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, считается таковым до того периода, когда наложенное на него взыскание будет снято или погашено.

В случае наложения на осужденного, признанного злостным нарушителем, установленного, дисциплинарного взыскания, в том числе и не являющегося злостным, он может быть повторно переведен в строгие условия отбывания наказания.

Внесение изменений в вышеуказанные нормы законодательства расширит полномочия администрации исправительной колонии и будет способствовать эффективному применению мер исправительного воздействия.

Важное значение в условиях экономического кризиса и недостаточного финансирования уголовно-исполнительной системы имеет вопрос об оборудовании запираемых помещений. В связи со значительным сокращением количества осужденных, отбывающих дисциплинарные взыскания в виде водворения в ШИЗО и перевода в ПКТ, запираемое помещение может быть расположено в жилой зоне ИК на территории ШИЗО/ ПКТ, что обеспечивает изоляцию злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания от основной массы осужденных и постоянный надзор за ними.

В запираемых помещениях создаются все необходимые условия в соответствии с нормами, определенными уголовно-исполнительным законодательством и общими требования по оборудованию ИК (приказ МВД РФ № 290 -93 г.).

Проанализировав нормативные акты, регулирующие порядок отбывания наказания в строгих условиях, можно сделать вывод, что норма жилой площади запираемых помещений в расчете на одного осужденного должна быть определена законодательно и составлять не менее четырёх квадратных метров.

Кроме того, считаем, что в современных условиях в связи с имеющимися проблемами в материально-бытовом обеспечении осужденных, в трудоустройстве, а также из-за отсутствия в ч. 4 пункта "а" ст. 121 УИК РФ данных об установленной к расходованию суммы, необходимо внести изменения. Полагаем, что должно быть разрешено ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средств, имеющихся на лицевых счетах, в размере 30% минимального размера оплаты труда.

Как было мною отмечено выше, в уголовно-исполнительном кодексе РФ и подзаконных нормативных актах не нашли достаточного отражения вопросы, касающиеся регулирования исполнения наказания в строгих условиях отбывания наказания. Совершенствование деятельности исправительных колоний общего режима - это совершенствование нормативной базы, регулирующей порядок и условия исполнения и отбывания наказания в исправительных колониях, в том числе и норм, касающихся признания осужденного злостным нарушителем, перевода и отбывания наказания в строгих условиях.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ-ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИК ОБЩЕГО РЕЖИМА

Л.И. Разбирина

Резкое обострение криминальной ситуации в стране обусловило неблагоприятные тенденции в динамике и структуре женской преступности. Одним из показателей этой тенденции является увеличение количества женщин, совершивших преступления и отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Доля осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, составляет 5,2% от общего числа осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях Минюста Российской Федерации. За пять лет количество осужденных женщин возросло более чем в два раза.

Одним из условий достижения целей наказания в отношении осужденных женщин выступает научная классификация и дифференциация осужденных к лишению свободы. Дифференциация исполнения наказания является фундаментом его индивидуализации. Иными словами, индивидуализация без дифференциации невозможна. Для проведения научно обоснованной уголовно-исполнительной дифференциации осужденных-женщин необходимо знание особенностей их социально-правовой характеристики. Проведенные исследования по изучению социально-правовой характеристики осужденных-женщин, содержащихся в исправительных колониях общего режима, отразили изменения в этой характеристике, происшедшие за последние десять лет.

Так, средний возраст осужденных женщин выше среднего возраста осужденных мужчин, что свидетельствует о большей криминогенной активности мужчин в молодом возрасте, чем женщин. В то же время возраст женщин в исправительных колониях общего режима различен, в зависимости от количества у них судимостей. Доля впервые осужденных к лишению свободы до 40-летнего возраста составляет 72,4 %, а среди ранее судимых женщин наиболее криминогенная группа осужденных старше 40 лет - 52,9 %.

Одно из отличий социально-демографической характеристики осужденных женщин состоит в том, что у них более неблагополучное положение относительно сохранения семьи. Так, если распад семьи у осужденных мужчин составил 7,8 %, то у женщин - 23,5%. Достаточно высока доля женщин, не имевших постоянного места жительства. Если

в 1989 г. таковых было 16,5 %, то в 1999 г. - 17,1%, что значительно больше, чем среди мужчин.

Проведенный анализ свидетельствуют о достаточно высоком образовательном уровне осужденных женщин, как впервые осужденных, так и неоднократно судимых. Несмотря на тенденцию снижения образовательного уровня осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях России, у женщин он остался выше, чем у мужчин.

Важным показателем социально-демографической характеристики женщин является род занятий к моменту осуждения или ареста. Незанятость трудом в совокупности с иными обстоятельствами является серьезным криминогенным фактором. За последние пять лет доля осужденных женщин, до осуждения не работавших и не обучавшихся, возросла с 53,0 до 82,0%. Этот показатель на 1 января 1999 г. у осужденных мужчин в исправительных колониях общего режима значительно ниже, чем у женщин, и равен 59,6%.

За прошедшее время между проведением специальной переписи 1989 г. и 1999 г. не произошло существенных изменений в структуре "женской преступности". Доминируют по-прежнему две группы преступлений — это преступления против собственности и преступления против жизни и здоровья. Самым распространенным преступлением, за совершение которого отбывают наказание осужденные женщины, является кража (43,2%).

Анализ материалов исследования показал, что доля женщин, осужденных за убийство, значительно больше, чем среди осужденных мужчин. Так, доля мужчин, осужденных за убийство и отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, составляет 12,4%. Среди женщин доля осужденных за убийство равняется 16,6 %.

Обращает на себя внимание доля осужденных женщин за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. За пять лет она возросла с 3,1, до 4,2% и больше аналогичного показателя у мужчин (3,4%). Проводимые в разные периоды криминологические исследования, посвященные проблеме женской преступности, неизменно подчеркивали отличие ее количественных и качественных показателей от преступности мужской.

Значительно изменилось за пять лет соотношение впервые судимых и рецидивисток. Увеличение числа впервые осужденных можно объяснить прежде всего социально-экономическими условиями, складывающимися в обществе, а также изменением уголовного законодательства.

С вводом в действие нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ существенным образом изменилось соотношение осужденных-женщин, отбывающих наказание в исправительных колони-

ях разного вида. По статистическим данным, на 1 августа 1999 г. из 41427 осужденных-женщин лишь 1853 отбывали наказание в колониях строгого режима. В исправительных колониях общего режима увеличилось количество осужденных женщин со сроком до пяти лет лишения свободы. Их доля составила 75,1 %, тогда как пять лет назад она равнялась 71,9%.

Анализ статистических данных показывает существенное отличие распределения осужденных по сроку назначенного наказания: осужденные женщины со сроком наказания до пяти лет лишения свободы составляют 75,1 %, что выше средних показателей по Российской Федерации на 10% и на 10,2%, чем у осужденных мужчин, содержащихся в исправительных колониях общего режима. Количество же осужденных женщин со сроком наказания свыше десяти лет - 1,6 %, т.е. в три раза ниже доли всех осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях Российской Федерации.

Новое уголовное законодательство предоставило всем категориям осужденных возможность условно-досрочного освобождения, тогда как, по данным переписи 1989 г., почти половина (43,9%) осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, такой возможности не имела, а на отбывающих наказание в колониях строгого режима действие закона об условно-досрочном освобождении не распространялось вообще.

Например, если в 1994 г. из исправительных учреждений общего режима условно-досрочно освобождено 13,6% от общего числа освободившихся, то в 1999 г. освобождено условно-досрочно или заменено лишение свободы более мягким наказанием 28,7%, т. е. число освободившихся из исправительных колоний в 1999 г. в сравнении с 1994 г. увеличилось вдвое.

Наглядным подтверждением того, что социальная запущенность есть одна из причин женской преступности, является то, что средний показатель находящихся на принудительном лечении от алкоголизма, наркомании среди женщин равен 14,7% и значительно выше, чем у мужчин.

Знание социально-правовой характеристики позволяет судить, за совершение каких преступлений наиболее часто женщины осуждаются к лишению свободы, каковы размеры наказания, определяемого судами исходя из характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного, учитывать особенности возраста, образовательного уровня, рода занятий до осуждения, трудоспособности, наличия постоянного места жительства до осуждения для более эффективного проведения воспитательной работы, в том числе индивидуальной. Это, в свою очередь, является основой для осуществления исполнения наказания.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В.В. Ценева

Воспитательное воздействие на осужденных – одно из направлений деятельности исправительных учреждений. Изучение данного института уголовно-исправительного права интересно тем, что он менее остальных (например режима, труда и т.д.) может «уложиться» в рамки правовых норм. Не случайно в УИК РФ регулированию воспитательного воздействия посвящено всего несколько статей.

Воспитательная работа в местах лишения свободы, как и всякая воспитательная работа, живой, творческий процесс и, естественно, должна основываться не только на нормах уголовно-исполнительного права, устанавливающих общие условия ее проведения, но и научных данных педагогики и психологии, дающих в руки воспитателей особые методы уголовно-исполнительного воздействия: метод сочетания убеждения и принуждения, методы эволюции, индивидуальной работы.

Серьезным с воспитательной точки зрения является вопрос об организации свободного времени осужденных. Но все же воспитательная работа в исправительных учреждениях подчинена прежде всего цели исправления осужденных. Воспитательная работа способна закрепить результаты воспитательного воздействия других средств исправления осужденных: режима, труда, общеобразовательного и профессионально-технического обучения.

Всякая деятельность, в том числе и воспитательная, начинается с выяснения целей и оценки условий, в которых она должна развертываться. Статья 7 ИТК РСФСР 1970 г. относила политико-воспитательную работу, общеобразовательную и профессиональную подготовку к основным средствам исправления и перевоспитания осужденных. Цели воспитания осужденных на данном этапе - воспитание их в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и правил социалистического общежития, бережного отношения к социалистической собственности, на повышение созидательного и культурного уровня, на развитие полезной инициативы осужденных.

Основными формами политико-воспитательной работы являлись трудовое соревнование, разъяснение советского законодательства, агитационная и пропагандистская работа, культурно-массовая и физкуль-

турно-спортивная работа, индивидуальная работа, проводимая на основе изучения личности каждого осужденного, с учетом совершенного им преступления, возраста, образования, профессии и других особенностей осужденных.

В начале 90-х гг. стремление освободиться от идеологической направленности привело к пересмотру форм воспитательного воздействия на осужденных в местах лишения свободы.

Статья 23 Закона РФ от 21.07.93г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», определяющая задачи уголовно-исполнительной системы, не называет цели воспитательной работы.

Статья 109 действующего УИК РФ устанавливает, что воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение образовательного и культурного уровня.

«Воспитательную работу среди осужденных можно представить в качестве определенного процесса, в котором участвуют все работники исправительного учреждения и актив осужденных. Однако надо отметить, что на его содержание влияют различные акции отдельных осужденных и их группы с отрицательной направленностью. Взятая в качестве процесса, она есть исключительно сложное со своей субъективной и объективной стороны явление. Множество направлений, форм, методов, участвующих при этом субъектов, разнообразие объектов воспитания, воздействие злостных преступников и «перепады» общественного мнения среди осужденных - все это придает ей неповторимый колорит», - считает Ф.Р. Сундуров.

Статья 109 УИК РФ устанавливает, что воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений. Действительно, то, что подходит для одного человека, не всегда приемлемо для другого. Необходимо найти подход к каждому осужденному, что представляет определенную сложность.

Вопрос воспитательного воздействия нашел свое отражение в юридической литературе. Особенно важной является проблема дифференцированного подхода к воспитанию каждого осужденного.

Н. А. Стручков писал: «Воспитательную работу с осужденными необходимо проводить, руководствуясь тем, насколько велика степень общественной опасности их личности, иными словами, как в ней отразились особенности личности преступника. В то же время в воспита-

тельном процессе важно учитывать отношение осужденного к отбываемому наказанию.

Дифференцированный, а затем и индивидуальный подход к воспитанию каждого осужденного предполагает комплексное решение задач исправления и перевоспитания. Именно в результате комплексного воздействия можно добиться исправления или перевоспитания осужденного, что будет характеризоваться достижением нужного уровня нравственного и правового сознания как наиболее общего показателя ресоциализации личности».

Ф. Р. Сундуров высказывает свою точку зрения: «... в процессе дифференциации идейно-воспитательной работы надо знать и учитывать перспективы и идеалы осужденных. На характер идеала определенным образом влияет личностная установка осужденного, проявляющаяся в социально одобряемых идеалах...

Дифференциация средств и методов политико-воспитательной работы, кроме того, должна осуществляться на основе социально-психологических особенностей личности, в частности ее ценностных ориентаций, отношения к исправительно-трудовым мероприятиям и др. Такой подход позволяет более конкретно, целенаправленно, а следовательно, и более эффективно оказывать на осужденных необходимое воспитательное воздействие».

Вопрос дифференциации методов, средств воспитательной работы нашел свое закрепление и в нормах уголовно-исполнительного кодекса – ч. 2 ст. 110 гласит, что воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания, условия содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов.

В настоящее время воспитательное воздействие проводится в следующих формах:

1. *Нравственное воспитание*. Такое воспитание является важным элементом исправления осужденных. Ведь в основе антиобщественного образа жизни преступника как раз и лежат безнравственные поступки. Поэтому в процессе нравственного воспитания осужденных должны формироваться соответствующие потребности, мотивы, ценностные ориентации. Важной задачей нравственного воспитания является его увязывание с организацией и проведением труда, обучения, деятельностью самодеятельных организаций осужденных, общения с работниками исправительных учреждений и представителями так называемой «общественности».

«Нравственное воспитание, будучи стержнем воспитательного процесса, выступает в двух ипостасях: 1) как нацеленное непосредственно

на развитие морального потенциала личности, на формирование ее воли, чувств, эмоций; 2) как составная часть всех иных направлений воспитания», - считают авторы Комментария к УИК РФ (под ред. А.И. Зубкова).

По данной линии работы в исправительных колониях Кемеровской области проводятся следующие мероприятия:

- Лекции. Темы лекций различны. Готовят их и читают преподаватели школы рабочей молодежи, преподаватели и мастера ПТУ, начальники отрядов, приглашаются представители общественности.
- Беседы на различные темы.
- Демонстрация художественных фильмов на патриотические темы.
- Выпуск стенных и радиогазет. Параллельно проводятся смотры-конкурсы этих газет.
- Организуется написание осужденными заметок в газету «Надежда».
- В выходные дни проводится прослушивание музыкальных композиций на различные темы.
- Проведение различных праздников: Дня знаний, Дня Победы, Дня открытых дверей и др.

Кроме перечисленного, в целях нравственного воспитания осужденных все чаще наблюдается помощь православной церкви: в колониях строятся церкви, проводятся уроки духовного воспитания.

2. *Правовое воспитание.* Значение такого воспитания не менее велико, чем, например, нравственного воспитания. Получая правовые знания, осужденные имеют возможность, еще находясь в местах лишения свободы, как-то решить вопросы, связанные, например, с правом на жилую площадь, правами в отношении детей, имущества и др.

Правовое воспитание необходимо во всякое время, а в настоящее и более того, поскольку законодательство меняется очень часто.

Средства правового воспитания осужденных разнообразны: лекции, доклады на правовые темы, юридические консультации, вечера вопросов и ответов, групповые и индивидуальные беседы, наглядная агитация. Особое внимание уделяется правовому воспитанию тех осужденных, которые готовятся к освобождению.

3. *Трудовое воспитание.* Высокий уровень организации труда осужденных предполагает и ритмичность производства, и контроль за работой осужденных, и квалифицированное руководство, и личный пример представителей администрации. Я думаю, что к трудовому воспитанию можно нести организацию труда в целом. Как точно отмечает Ф. Р. Сундуров,

«самые богатые воспитательные возможности имеет тот труд, которым удовлетворен работающий не только в силу каких-то частных факторов, а в силу того, что сам трудовой процесс приносит удовлетворение и радость, поскольку он осознается как нечто полезное обществу».

Проблема трудового воспитания состоит еще и в том, что часть осужденных к лишению свободы до осуждения вообще не работала, т.е. у них нет ни желания трудиться, ни каких-либо специальностей. Задача администрации состоит поэтому в том, чтобы воспитать в таких осужденных потребность трудиться, желание приобрести какие-либо специальности.

4. *Физическое воспитание осужденных.* Физкультурно-спортивная работа в исправительных учреждениях осуществляется в форме утренних физических зарядок и производственной гимнастики, организации работы спортивных секций, проведения соревнований по различным видам спорта. Цель физкультурно-спортивной работы - укрепление здоровья осужденных, разумное использование свободного времени, воспитание дисциплинированности, перевод энергии осужденных в позитивное русло. Все физкультурно-спортивные мероприятия проводятся только в пределах исправительной колонии.

В этом направлении в исправительных колониях Кемеровской области проводятся такие мероприятия, как спортивные праздники, т.е. соревнования по различным видам спорта, причем не только среди самих осужденных, но и с привлечением спортсменов-профессионалов, общеотрядная физическая подготовка, постоянно работают спортивные секции.

Кроме вышеперечисленных форм воспитательного воздействия, выделяется также и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению. В этом отношении исправительным учреждениям дается некоторая свобода выбора каких-либо мер воспитания осужденных, естественно, в определенных рамках.

Выделение такого критерия, видимо, предполагает индивидуальные мероприятия, например помощь в установлении социальных связей осужденного, что в конечном счете способствует его воспитанию. Однако, по нашему мнению, практической необходимости в выделении такого критерия нет, так как при осуществлении воспитательного воздействия в исправительных колониях не выделяются отдельно мероприятия, относящиеся к той или иной форме воспитания.

Авторы Комментария к УИК РФ (под ред. А.И. Зубкова) считают, что к иному воспитанию осужденных относится эстетическое, экономическое, религиозное, атеистическое воспитание. Выделение двух по-

следних не обоснованно, поскольку эти направления включаются, по нашему мнению, в нравственное воспитание осужденных.

Анализ всего вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что установление форм, методов принципов воспитательного воздействия на осужденных является лишь предпосылкой, необходимой для исправления осужденных. Конечный же результат зависит в основном от того, желает ли сам осужденный пересмотреть свои взгляды, начать жить по-другому, а это невозможно установить ни в одном правовом акте, учебном или практическом пособии.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

А.П. Детков

Понятие «личность преступника» обычно употребляется в двух аспектах. Во-первых, как родовое понятие, характеризующее определенную категорию людей. Во-вторых, как понятие, характеризующее личность конкретного человека, совершившего преступление.

Выделение понятия «личность преступника» в первом смысле вызывается тем, что для преступников типичны некоторые черты, характеризующие личность. «Основным уголовно-правовым критерием характера и степени общественной опасности личности преступника является совершенное им преступное деяние»[1]. В зависимости от тех или иных обстоятельств дела оценка общественной опасности совершенного преступления и личности виновного конкретизируется в приговоре суда. В этом плане назначенное судом наказание представляет собой официальную оценку общественной опасности личности виновного. Соответственно, вынесенный судом приговор может быть дополнительным критерием выделения отдельных категорий преступников в зависимости от назначенного им наказания.

В данном случае мы ставим своей целью выявление особенностей личности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, которые присущи только данной категории и выделяют их среди прочих осужденных, а также могут быть использованы в практике исполнения такого вида уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы.

В числе признаков личности преступника обычно выделяют социально-биологические (или социально-демографические, уголовно-правовые, психологические). С точки зрения задач исполнения наказания немаловажной чертой, характеризующей личность, является и отношение самого осужденного к наказанию в процессе его отбывания.

Средний возраст лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, сравнительно высок (35-36 лет). Как видно, он превышает средний возраст лиц, отбывающих лишение свободы в мужских колониях строгого

---

[1] См.: Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970.

режима (29 лет), равен среднему возрасту осужденных в колониях строгого, особого режима и тюрьмах (35-36 лет).

Исследования показывают, что 80% осужденных свое первое преступление совершили будучи несовершеннолетними. 24% отбывающих пожизненное заключение на момент осуждения были женаты и лишь только 5% (в течение 3-4 лет) сохранили социальные связи. В силу длительности срока наказания, «призрачной» перспективы освобождения через 5-7 лет социальные связи прекратятся. Образовательный уровень достаточно низок, лишь 40% осужденных имеют среднее образование. Отбывающим пожизненное лишение свободы свойственна высокая степень общественной опасности и социально-педагогической запущенности. Все они осуждены за посягательства на жизнь (как правило, умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах в совокупности с другими преступлениями).

Практически во всех случаях совершенные ими изнасилования, кражи, разбойные нападения завершались убийствами, причем нередко с особой жестокостью, с проявлением актов каннибализма.

Практически все пожизненно осужденные (95%) ранее судимы, из них 70% - два и более раза. В момент совершения преступления около 82% были в состоянии опьянения. Более половины совершили убийство двух и более лиц. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

Маслич А.В., 1971 г. рождения, уроженец Ташкентской области, русский, образование 9 классов, холост, не работавший, ранее судим неоднократно:

1) в 1989 г. по ст.146, ч.2, пп. «а», «б», УК РСФСР к 3 годам лишения свободы;

2) в 1992 г. по ст.ст. 206, 144, 99 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы;

3) в 1993 г. по ст. 103 УК РСФСР наказание не отбыл. Находясь в ПКТ (помещение камерного типа) по предварительному сговору задушил сокамерника, вырезал легкое, печень, сердце, левую часть ягодицы, сварил внутренности в бачке и съел. Находясь после этого в СИЗО (следственный изолятор), вновь совершил убийство сокамерника. По заключению судебно-психиатрической экспертизы признан вменяемым, психически здоров, алкоголизирован с детства, обучался по вспомогательной школе, воспитывался одной матерью.

В ходе судебного разбирательства вину в содеянном признал частично. Приговором суда ему была определена исключительная мера наказания – расстрел. Указом Президента Российской Федерации от 17.06.99 г. эта мера была заменена пожизненным лишением свободы.

Осужденный Рубцов С., 1974 г. рождения, уроженец г. Барнаула, русский, образование среднее, работал стрелком вневедомственной охраны, ранее не судим, женат. В течение 1996 г. совершил убийство четырех женщин. Свои жертвы, как правило, расчленял, закапывал. В последнем эпизоде свою жертву изнасиловал, задушил, вырезал внутренности (легкое, сердце), сварил и съел. Остатки фрагментов трупа сжег.

По заключению судебно-медицинской экпертизхы признан вменяемым; психически здоровым, алкоголизирован с 15 лет, употреблял наркотики. В ходе судебного разбирательства вину в содеянном признал частично. Приговором суда ему была определена исключительная мера наказания – расстрел. Указом Президента Российской Федерации от 6.06.99 г. помилован, эта мера уголовного наказания была заменена пожизненным лишением свободы.

Изложенные выше социологические данные и приведенные факты говорят о том, что рассматриваемая категория осужденных в целом имеет высокую общественную опасность и склонна к совершению тяжких преступлений против личности.

Профессор Ю. Антонян, проводивший социально-психологические исследования данной категории преступников, справедливо отмечает «среди личностных особенностей некрофильских убийств каннибалов особое внимание привлекает их практически полная психологическая и социальная отчужденность»[1]. Исследования показывают, что у большинства осужденных отмечается высокий порог агрессивности, отчужденности от внешнего мира, озлобленности. У некоторой части формируется замысел на побег, захват заложников, неповиновение законным требованиям.

---

[1] См.: Антонян Ю.М. Убийства ради убийства. М., 1998.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЕЛАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ПУТЯХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т.Н. Коголь

Право осужденных на свободу совести как на уровне нормативно-правового регулирования, так и на уровне практической реализации насчитывает уже около десяти лет. За это время отношения между осужденными, религиозными организациями и администрацией мест лишения свободы принимают все более устойчивый, стабильный характер.

Вместе с тем свобода совести, являясь сложной правовой категорией, включает целый ряд структурных элементов, реализация каждого из которых в исправительных учреждениях сопряжена с определенными трудностями и проблемами. Остановимся на некоторых из них.

Так, право исповедовать любую религию включает право основания нового исповедания, направления, толка. Соответственно встает вопрос о возможности реализации данного права осужденными. При положительном решении этого вопросы естественным образом должны быть решены проблемы, связанные как с безопасностью (в случае если вновь созданное религиозное направление служит прикрытием узкогрупповых интересов осужденных), так и с последующей возможной регистрацией религиозного направления, чего требует законодатель.

Следующая проблема связана с правом совершения религиозных обрядов, прежде всего в свете проноса на территорию исправительного учреждения предметов культа, представляющих большие материальные ценности, могущие быть использованными как холодное оружие, жидкости, содержащие алкоголь, допущение открытого, постоянно горящего огня в помещениях для молитв и т.д. В данный момент обозначенная проблема решается явочным порядком администрацией исправительных учреждений на свой страх и риск.

Не менее значимым остается и вопрос о праве пропаганды религии. Могут ли осужденные использовать все доступные им средства, в том числе и те, которыми располагает исправительное учреждение (например, радиосвязь, и т.д.) для распространения своих религиозных убеждений.

Актуальной остается и проблема реализации права вести атеистическую пропаганду. Ст. 14 УИК закрепляет только право распространения

религиозных убеждений, что противоречит ст. 28 Конституции РФ. Однако последовательное проведение в жизнь конституционных положений ставит вопрос о том, должна ли администрация исправительных учреждений создавать необходимые материально-технические, организационные условия для пропаганды неконфессиональных убеждений.

Таким образом, далеко не полный анализ реализации осужденными права на свободу совести свидетельствует о том, что четкий механизм правового организационного обеспечения данного права пока еще не сложился.

В этом отношении, с одной стороны, необходима глубокая теоретическая проработка такого сложного интегрального правового института, каким является свобода совести с точки зрения объема и пределов реализации каждого ее структурного элемента в местах лишения свободы, с другой - четкое определение степени юридического обеспечения права на свободу совести осужденных на уровне федерального законодательства, ведомственного нормотворчества, внесение соответствующих дополнений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Правила внутреннего распорядка (утверждены приказом № 330 МВД России от 30.05.1997 г.), в которых данный вопрос вообще обойден.

ОБЖАЛОВАНИЕ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ДЕЙСТВИЙ АДМИНИСТРАЦИИ ИК В ПРОКУРАТУРУ

Д.В. Демидов

Деятельность прокурора по обеспечению права на обращение с жалобами и заявлениями существенно расширяет пределы прокурорского надзора в отношении лиц, лишенных свободы. Прокурорский надзор выступает здесь как дополнительная гарантия охраны прав осужденных, поскольку они ограничены в возможности предпринимать доступные всем гражданам меры для защиты своих прав и законных интересов. Кроме того, задачи надзора по обеспечению права лиц, лишенных свободы, на обращение с жалобами и заявлениями имеют особо выраженный предупредительный характер. Полномочия прокурора в этой сфере деятельности подкреплены реальными мерами, обеспечивающими реализацию указанных функций.

Во-первых, следует отметить, что согласно ст.5 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» не допускается воздействие к какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствовать в какой-либо форме его деятельности. В своей деятельности прокурор руководствуется лишь нормами законодательства. Попытки воздействия на прокурора влекут за собой установленную законодательством ответственность, в том числе и уголовную.

Во-вторых, требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению (ст.6 Закона РФ). Более того, это правило детализируется применительно к надзору за местами лишения свободы в ст.34 указанного Закона РФ. Согласно положениям данной нормы постановления и требования прокурора относительно исполнения установленных законом порядка и условий содержания осужденных подлежат обязательному исполнению администрацией мест лишения свободы.

В-третьих, до рассмотрения протеста действие опротестованного акта администрацией учреждения приостанавливается (ст.33 Закона РФ). Это правило существенно отличает возможности прокурорского

надзора от других форм контроля за деятельностью учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Применительно к обращениям осужденных это означает, что если прокурор признает действия или решения администрации несоответствующими закону, то осужденный не обязан претерпевать определенные лишения или ограничения прав и свобод до окончательного разрешения вопроса о соответствии законодательству действий или решений администрации мест лишения свободы. Кроме того, как уже отмечалось выше, в ряде случаев прокурор немедленно своим постановлением отменяет дисциплинарные взыскания (освобождение из штрафного изолятора, помещения камерного типа, карцера, одиночной камеры).

В качестве еще одного аргумента в пользу обращения в прокуратуру можно отметить обязанность дать мотивированный ответ на жалобу или иное обращение вне зависимости от результата рассмотрения. Это дает возможность осужденному самому убедиться в аргументированности ответа. При этом обращение в прокуратуру не лишает возможности осужденного обращаться в иные инстанции, а также может быть обжаловано и само решение органов прокуратуры.

Также следует отметить тот факт, что если прокурором будет установлено нарушение прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, то прокурор может предъявить и поддержать иск в суде или арбитражном суде в интересах пострадавших (ст.27 Закона РФ).

Нельзя к несомненным достоинствам обращений в органы прокуратуры отнести тот факт, что прокуратура является независимым единым централизованным органом, не связанным ведомственными интересами с органами и учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы.

Вместе с тем, несмотря на указанные достоинства обращения в прокуратуру, имеются и определенные недостатки, затрудняющие возможность реализации осужденными своего права на обращения.

Анализ рассмотрения и разрешения жалоб и заявлений Управлением исполнения наказаний Томской области за период с 1991-го по 1999 г. позволил выявить около 20 обращений осужденных, непосредственно адресованных в органы прокуратуры, однако переадресованных затем в УИН Томской области для рассмотрения. Причем во всех этих случаях речь шла о применении насилия и жестоком обращении со стороны сотрудников учреждений, исполняющих уголовные наказания, по отношению к осужденным.

Такое положение дел возможно в связи с тем, что действующее законодательство устанавливает лишь в общих чертах предмет и объект

надзора. На наш взгляд, применительно к данному виду обращений (в особенности осужденных к лишению свободы) закон и иные нормативные акты должны содержать четкий перечень обстоятельств, изложенных в обращении, при которых допускается пересылка жалоб, заявлений и предложений в другие инстанции.

ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (ст. 200 УК РФ): ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

И.А. Никитина

Рынок является необходимым, органическим элементом экономики на различных этапах эволюции любого общества. Все важнейшие функции рынка реализуются в результате связей его участников, в которых каждый действует, руководствуясь своими интересами, своей выгодой.

В случаях совершения обмана потребителей ответственность за содеянное при наличии небольшого размера (т.е. на сумму, не превышающую 1/10 часть минимального размера оплаты труда) наступает в административном порядке (ст.150[3] Кодекса об административных правонарушениях, а в случаях причинения значительного или крупного размера – в уголовном порядке (ст.200 УК РФ).

Непосредственным объектом данного состава преступления являются отношения, складывающиеся в сфере потребительского рынка, регулирующие деятельность экономических субъектов, реализующих свои экономические потребности в этой сфере и защищающие права и интересы потребителей.

Предмет преступления не определен в диспозиции уголовно-правовой нормы. По мнению ученых-юристов, он зависит от способа осуществления обмана потребителей. Одни считали, что любые товары, которые поступают в розничную торговлю[1], другие, что это товары розничной торговли и деньги[2].

Особенностью товара, являющегося предметом уголовно-наказуемого обмана потребителей, является то, что это материальные предметы купли-продажи, предназначенные для личного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью. Однако если имеет место оптовое приобретение товара юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем для его

---

[1] Таций В.Я. Ответственность за хозяйственные преступления: Объект и система. Харьков: Вища школа. 1984. С.145.

[2] Сташис В.В. Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства: Научно-практический комментарий действующего уголовного законодательства УССР. Харьков: Вища школа, 1973. С.106.

дальнейшей перепродажи и получения от этого имущественной прибыли, то такой товар также следует признавать предметом данного преступления, тем более что оптовая закупка товара часто производится в розничном торговом предприятии. Так, например, один и тот же товар (пирожное) может быть приобретен для семейного торжества, а может – для продажи из частной торговой точки. Почему же в случаях обмана продавцом лица, приобретающего пирожное, в одном случае квалифицировать действия по ст. 200 УК РФ, а в другом – по ст.159 УК РФ как мошенничество?

Представляется, что и само понятие «потребитель» должно в этой связи претерпеть законодательные изменения и распространяться как на физических лиц, использующих, приобретающих, заказывающих либо имеющих намерение приобрести или заказать товар для личных, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, так и на юридических лиц, осуществляющих указанные действия в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

Действующее гражданское законодательство четко разграничивает розничную торговлю и оптовую (договор поставки). Согласно ст. 492 ГК РФ «по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью». Оптовая же торговля, именуемая в гражданском законодательстве договором поставки, в соответствии со ст.506 ГК РФ определяется «по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием». Несмотря на названное различие, при том и при другом виде торговой деятельности имеется в виду «продавец» и «покупатель». Термин же «потребитель» охватывает граждан, имеющих намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных (бытовых нужд), не связанных с извлечением прибыли. Следовательно, понятие «потребитель» основано на гражданско-правовом определении розничной торговли. Оптовая торговля, при наличии в ней аналогичных нарушений, остается вне рамок уголовно-правового регулирования. Следует согласиться с мнением Погосян Т.Ю. о том, что в данном случае следовало бы исходить из экономического

содержания торговой деятельности в целом.[1] Поэтому, независимо от того, что при розничной торговле приобретенный товар используется самим покупателем или заказчиком, а при оптовой – приобретается для использования его впоследствии другими, обман лица, приобретающего товар как в розничной, так и в оптовой торговли, должен расцениваться как обман потребителей, а не хищение.

[1] Погосян Т.Ю. Преступления в сфере торговли. Екатеринбург, 1999. С.53.

ЕЩЕ РАЗ О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ю.К. Якимович

1. В структуре уголовного процесса множество заимствованных и взаимообусловленных элементов, но главными из них являются система стадий и система производств. По стадиям структура уголовного процесса «закрепляется по вертикали», а производства образуют горизонтальную «решетку» процесса. Именно производства и стадии образуют «скелет» уголовного процесса, на который затем наслаиваются другие элементы уголовного судопроизводства. Чтобы иметь представление, скажем, о конкретном уголовном деле, необходимо хотя бы знать, к какому виду производств оно относится и на какой стадии в данный момент находится.

2. Все уголовно-процессуальные *производства* (именно производства, а не уголовные дела) следует подразделять на основные, занимающие в самом деле главное место в уголовном процессе. Собственно, ради них и существует уголовный процесс. Именно и только для этих производств закреплены в ст. 2 УПК РСФСР задачи. Именно к ним в полной мере относятся принципы, гарантии и другие основные положения уголовного процесса. Безусловно, речь идет о производствах по уголовным делам. В свою очередь, по признаку «сложность процессуальной формы» все основные производства подразделяются на обычные производства с более сложными процессуальными формами и упрощенные производства.

3. Однако в уголовном процессе, кроме производств по уголовным делам (основных), имеются и иные производства, которые являются вполне самостоятельными, полистадийными и вместе с тем никакого отношения к уголовным делам не имеют. В их рамках не решаются вопросы виновности и наказания. Они направлены на достижение совершенно иных целей, решение других задач. В принципе, они уголовному процессу не нужны. Их «навязали» уголовному процессу. Не исключено, что завтра законодатель изменит свою позицию и эти производства перейдут из уголовного процесса в административный или уголовно-исполнительный процесс. Но пока они регламентируются уголовно-процессуальным законом, а потому относятся к уголовно-процессуальным производствам. Более того, в последние годы появ-

ляются новые виды подобных им производств, например производство в суде по жалобе на арест и аналогичные ему производства по направлению лиц, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности в специальные, воспитательные учреждения.

Поэтому, используя критерий «направленность производства», я и выделяю в уголовном процессе, наряду с производствами по уголовным делам (основными), еще и *дополнительные* и *особые* производства.

4. В рамках дополнительных производств происходит применение норм уголовно-правового характера. Однако они не имеют никакого отношения к вопросам уголовной ответственности и наказанию. При условно-досрочном освобождении суд исследует вопросы виновности или невиновности, справедливости наказания, законности приговора.

Производство по условно-досрочному освобождению – это не часть стадии исполнения приговора (М.К. Свиридов) и не одна (наряду с другими) из стадий исполнения приговора (В. Д. Адаменко), а *самостоятельное полистадийное* (т.е. само проходящее ряд стадий) производство. В этом производстве имеет место и досудебная деятельность, а в суде оно проходит последовательно те же судебные стадии (назначение дела к слушанию, судебное разбирательство, кассация, надзор), что и производство по уголовному делу (основное производство). Производство по условно-досрочному освобождению и аналогичные им я отношу к *дополнительным* производствам.

5. И наконец, в уголовном процессе имеются *особые* производства, в рамках которых происходит применение норм не уголовно-правового характера. К их числу относятся: производство по применению принудительных мер медицинского характера; производство по рассмотрению в суде жалобы на арест и аналогичные ему производство по направлению в специальные воспитательные учреждения лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ до достижения ими возраста привлечения к уголовной ответственности. Эти производства также самостоятельны и полистадийны. Так, по жалобе на арест судья решает вопрос о назначении дела к слушанию, затем дело слушается в судебном заседании, постановление судьи может быть пересмотрено в кассационном и надзорном порядке.

Разрешение указанных выше вопросов необходимо именно в рамках уголовного, а не какого-то иного (административного, гражданского, конституционного и т.д.) процесса. Это обусловлено, во-первых, тем, что разрешаются очень важные вопросы, по важности аналогичные тем, что разрешаются в производствах по уголовным делам. Во-вторых, при разрешении этих вопросов требуется именно уголовно-процессуальная процедура, характеризующаяся строгостью и одновременно оператив-

ностью. Наличие в уголовном процессе, наряду с производствами і уголовным делам (основными), еще и дополнительных и особых прои водств ставит перед наукой уголовного процесса многие проблемы, к торые необходимы разрешать. К их числу следует отнести в перву очередь такие, как особенности реализации в дополнительных и особь производствах принципов уголовного процесса и уголовн процессуальных гарантий, специфика субъектов и их процессуально положения (в законе практически оно не определено даже для лица, отношении которого ведется производство по применению принуд тельных мер медицинского характера), сама процедура рассмотрен этих дел в суде первой инстанции и т.д.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СФЕРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Д.А. Ракунов

Анализ научной и учебной литературы по широкому кругу вопросов процессуальной теории показал, что большинством ученых-процессуалистов не делается различий между уголовно-процессуальной деятельностью и деятельностью в сфере уголовного судопроизводства, а понятия «уголовный процесс» и «сфера уголовного процесса» (судопроизводства) рассматриваются как равнозначные.

Поскольку, по нашему мнению, оба указанных понятия отражают различные по своему содержанию формы социально значимой деятельности, направленные на обеспечение режима законности и укрепления правопорядка, возникает необходимость решить вопрос о соотношении указанных понятий в науке уголовного процесса.

При определении понятия «уголовный процесс» при всем разнообразии подходов большинство ученых сходятся в том, что уголовный процесс - это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность и возникающие при этом правоотношения государственных органов, их должностных лиц и лиц, называемых участниками процесса, направленная на решение задач уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная деятельность есть не что иное, как совокупность действий, совершаемых субъектами уголовного судопроизводства. Особенностью, отличающей ее от других видов социально значимой деятельности, является детальная регламентация в процессуальном законе оснований и порядка ее осуществления, наличие особой процессуальной формы. Иными словами, всякая деятельность, будучи урегулирована нормами уголовно-процессуального права, является уголовно-процессуальной деятельностью. Помимо деятельности, урегулированной или регламентированной нормами уголовно-процессуального права, при производстве по делу возможна деятельность по поводу совершенного преступления, не регламентированная, но *предусмотренная* нормами УПК РСФСР. Такая деятельность, не будучи уголовно-процессуальной, будет деятельностью в сфере уголовного процесса, поскольку она осуществляется в ходе производства по уголовному делу в силу прямого указания уголовно-процессуального закона на возможность ее проведения и (или) использования ее результатов для целей

правосудия. Например, в ст. 127, ч.4, УПК РСФСР предусмотрено право следователя требовать от органов дознания содействия при производстве отдельных следственных действий; в ст.51, ч.2 , УПК РСФСР предусмотрено право защитника представлять доказательства. Деятельность оперативного работника и защитника по розыску доказательств будет непроцессуальной деятельностью в сфере уголовного процесса.

Коль скоро цели и задачи уголовного процесса достигаются не иначе как посредством действий соответствующих органов и лиц, указанных в законе, возникает вопрос: деятельность каких субъектов образует содержательную сторону уголовного судопроизводства, или иначе: кто является субъектом уголовно-процессуальной деятельности (участником уголовного процесса)?

Все большее число сторонников находит позиция, согласно которой участником процесса может быть признан любой субъект уголовно-процессуального права. Только наличие у какого-либо лица, участвующего в производстве по делу, комплекса прав и обязанностей (правового статуса) в уголовном процессе делает его полноправным субъектом уголовного судопроизводства. В связи с этим термин «участник процесса» равнозначен понятию «субъект процессуальных отношений», поскольку нельзя иметь процессуальные права и обязанности, не участвуя в процессе.

Отождествление понятий «субъект процессуальных отношений» и «участник процесса» правомерно только в том случае, когда сторонами конкретного уголовно-процессуального правоотношения являются лица, обладающие в уголовном процессе комплексом соответствующих прав и обязанностей, имеющие соответствующий правовой статус. Содержанием такого правоотношения будет обоюдная реализация сторонами предусмотренных уголовно-процессуальным законом корреспондирующих друг другу прав и обязанностей. Таковы, например, правоотношения между обвиняемым и следователем. Однако в процессуальные отношения в связи с производством по уголовному делу могут вступать не только участники уголовного процесса (субъекты уголовно-процессуальной деятельности), но и иные субъекты, не имеющие определенного правового статуса в уголовном процессе. Это очевидцы и иные лица, дающие объяснения в стадии возбуждения уголовного дела, пострадавшие не заявители, ревизор, аудитор, оперативный работник, оказывающий помощь следователю при производстве следственного действия, и т.д.

В правоотношениях такого рода одной из его сторон будет субъект уголовного процесса, а другой стороной - субъект уголовно-процессуального правоотношения, поскольку первый реализует в отно-

шении него свои права и обязанности при производстве по уголовному делу. Предметом такого правоотношения будет определенное поведение или действие соответствующего субъекта (например, выдача должностным лицом следователю каких-либо документов) в связи с производством по уголовному делу. Такая деятельность, не будучи уголовно-процессуальной, т.е. не регламентированной процессуальным законом, будет деятельностью в сфере уголовного процесса. поскольку способствует выполнению государственными органами своих функций, а субъект этой деятельности будет субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, но не субъектом уголовного процесса.

Таким образом, при производстве по уголовным делам, по нашему мнению, необходимо различать уголовно-процессуальную деятельность и деятельность в сфере уголовного процесса на основе возникающих в ходе нее правоотношений по поводу совершенного преступления. Любая социально значимая деятельность, предусмотренная законом, будет деятельностью в сфере уголовного процесса в случае, если она проводится по поводу совершенного преступления, и постольку, поскольку реализуется через правоотношения с субъектами уголовного процесса и способствует решению задач, закрепленных ст. 2 УПК РСФСР.

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

С.Л. Лонь

Необходимость теоретического исследования категории "уголовный процесс" предполагает изначально четко определить содержание этого понятия и границы его использования.

Уголовный процесс – это направление деятельности, функция государства, может быть часть функции "борьба с преступностью", внутренней политики государства; это отрасль государственного управления; это отношения внутри государства по защите общества, государства, граждан, людей от общественно опасных, преступных посягательств.

Уголовный процесс – слой общественных отношений существующих в государстве, в основе которых лежат случайно-постоянные явления, а именно случайное отдельное преступление и постоянное общественное явление «преступность».

Уголовный процесс – постоянное, стабильное явление в государстве и обществе. Что же оно в себя вбирает?

Понятие уголовного процесса может рассматриваться в различных аспектах: как социальное явление; как научная категория [1]; как область знания; как сфера практической деятельности; как регулируемая и урегулированная правом совокупность общественных отношений; как объект государственного управления; как направление правотворческой деятельности по созданию законодательства, толкованию и разъяснению его норм; как часть исторического опыта, совокупность исторических фактов, опыт практической деятельности; как отдельные конкретные явления – производство по уголовному делу, уголовно-процессуальное действие и т.д.

Для начала оттолкнемся от самого широкого, какое только возможно, содержания понятия уголовного процесса. Такой подход в научном исследовании возможен, логичен и обоснован – метод обобщения.

Научная категория "уголовный процесс" охватывает *в этой сфере* накопленные исторические знания; практический опыт; современное

---

[1] Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С.13.

состояние научной теории; действующее законодательство; деятельность государственных органов по возбуждению, расследованию и разрешению уголовных дел; возникающие при этом общественные отношения, а также деятельность государственных органов и должностных лиц по надзору, контролю за вышеназванной деятельностью; обобщение и анализ данных для дачи рекомендаций в работе, разъяснения, толкования положений закона или внесения предложений об изменении или дополнении законодательства.

Не является ли это попыткой, впрячь в одну телегу коня и трепетную лань? Думаю, что нет.

В теории права неоднократно предпринимались попытки найти или выделить систематизирующие понятия: правовая система[1], "механизм действия права", механизм правового регулирования и др.[2]

Комплексный подход позволяет с разных сторон взглянуть на явления и проанализировать полученные результаты.

Уголовный процесс как социально-правовое явление, часть правовой системы государства. Причем явление сквозное, проявляющееся по всей системе, в определенной части аналогичное правовой системе по своей структуре, но специфичное, более конкретное по своему содержанию.

Уголовный процесс является частью вопросов политического руководства, частью сферы государственного управления, областью правового регулирования.

Такой специфический подход к исследованию уголовного процесса реальный и правильный. Проведение такого исследования дает ответы на многие теоретические вопросы, возникающие на границе соотношения теории права и отраслевых наук, продвинет вперед теорию науки уголовного процесса, разъяснит для практики происходящие в государ-

---

[1]Правовая система социализма: В 2 кн./ Отв. ред А.М. Васильев. Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М.: Юрид. лит., 1986; Кн 2. Функционирование и развитие. М.: Юрид. лит., 1987.

[2] О вопросах "механизма действия права", механизма правового регулирования в свое время писали Н.Г.Александров, С.С.Алексеев, В.М.Горшенев и ряд других авторов. Отметим лишь некоторые работы: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961; Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972; Теория юридического процесса /Под ред.В.М.Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985.

стве процессы не контролируемые и не управляемые государственными органами.

Таким образом, *научная категория уголовного процесса становится широким, систематизирующим, комплексным, динамическим понятием в науке уголовного процесса.*

Что мы имеем в настоящий момент в уголовно-процессуальной науке относительно понятия уголовного процесса?

Здесь можно выделить несколько исходных позиций:

1) формирование научного понятия в теории уголовного процесса, даваемого наукой;

2) определение понятия для изучения в учебном процессе;

3) выделение понятия или основных его черт для сравнения и разграничения со смежными понятиями науки уголовного процесса;

4) выведение специфических признаков понятия, элементов, раскрывающих его систему, состав и структуру.

Научный подход к исследованию категории уголовного процесса также очень важен.

При этом просматриваются следующие варианты взглядов на уголовный процесс (рис. 1):

1) с точки зрения общей теории права (или философии права), сверху на явление в целом, на уголовный процесс в широком смысле;

2) с точки зрения однородных явлений, одноуровневых категорий (по горизонтали);

3) с точки зрения явления, его общей характеристики, содержания, системы и т.д., т. е. как бы сверху вглубь, внутрь явления;

4) с точки зрения отдельных элементов, признаков, деталей явления, т.е. снизу вверх.

Рис. 1

Постановка вопроса о широком понимании научной категории уголовного процесса назрела в науке. Попытки включить в это понятие несколько разноплановые явления и охватить их единой категорией были уже сделаны в литературе (В.Г. Даев)[1].

---

[1] В своей работе «Взаимосвязь уголовного права и процесса» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1982) В.Г. Даев предпринимает попытку выйти за рамки устоявшегося

Рамки научного познания предмета определяются имеющимися знаниями о нем.

Предмет науки применительно к какому-либо виду практической деятельности может представлять совокупность разноплановых явлений, но имеющих единый смысловой стержень, или объединяться единой целевой направленностью. В исследованиях уголовно-процессуальной науки это понятие уголовный процесс как совокупность определенных общественных отношений, складывающихся в государстве и целенаправленных на исследование проблем, изучение условий и работу государственных органов с преступлениями.

Такой научный подход избран для того, чтобы охватить весь накопившийся в теории, практике и законотворчестве материал, связанный с работой государства по преступлениям и дающий возможность представить накопившиеся знания об уголовном процессе в целом в систематизированном виде.

Для решения этой задачи не случайно выбрана научная категория "уголовный процесс", так как этим понятием обозначается и соответствующая наука, и учебная юридическая дисциплина, и практика уголовно-процессуальной деятельности, и совокупность возникающих общественных отношений при работе с преступлениями.

Сказанное позволяет представить научную категорию "уголовный процесс" в широком смысле. Положения о содержании понятия "уголовный процесс в широком смысле" можно систематизировать следующим образом, выделив узловые моменты.

1. Разработки и достижения науки уголовного процесса и смежных наук по специальности 12.00.09 (теория оперативно-розыскной деятельности, уголовный процесс и криминалистика).

2. Учебные наработки и опыт преподавания по учебной специальности "Юриспруденция", различным внутривузовским специализациям: уголовно-правовая, следственная, прокурорская, судебная; и учебным дисциплинам "Уголовный процесс", "Прокурорский надзор", "Теория оперативно-розыскной деятельности", "Правоохранительные органы в Российской Федерации", "Криминалистика" и другим дисциплинам и специальным курсам учебного плана учебного заведения.

понимания уголовного процесса как урегулированной правом деятельности (с.11-13).

Такой же подход к науке уголовного процесса проявляется и у авторов "Курса советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.

3.Сформировавшиеся в государстве построение и организация деятельности специальных органов по работе с преступлениями и уголовными наказаниями; сложившееся законодательство, закрепляющее эти вопросы.

4. Содержание деятельности этих специальных государственных органов по работе с преступлениями; действующее законодательство по вопросам их деятельности; накопившийся опыт их работы за весь период существования.

5. Материалы статистики и обобщений практического материала об организации и деятельности специальных государственных органов по работе с преступлениями.

6. Акты уполномоченных органов, разъясняющих и толкующих положения законодательства, вносимые законодательные предложения субъектов законодательной инициативы или соответствующие рекомендации по вопросам уголовно-процессуальной деятельности, разрабатываемые научно-консультативными образованиями государственных органов и учреждений.

С учетом выделенного выше уголовно-процессуального аспекта каждого из включенных понятий схематично сказанное можно изобразить следующим образом.

Государство регулирует правом деятельность:	1. В сфере науки. 2. В области образования. 3. По организации и устройству государственных органов. 4. Уголовно-процессуальную. 5. По созданию и совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. 6. По разъяснению, толкованию, выработке рекомендаций по применению уголовно-процессуального законодательства.

Такой подход к научной категории "уголовный процесс" с его расширенным пониманием с необходимостью ставит проблему рассмотрения и более широкой базы общественных отношений, которые попадают в сферу научного изучения. Это те общественные отношения, которые связаны с вопросами работы с преступлениями, изучения теории уголовного процесса и практики деятельности органов, правового закрепления правил поведения и деятельности государственных органов по организации уголовного процесса в государстве или проведению

процессуальных действий специальных правоохранительных органов по возникающим фактам уголовных преступлений.

Выделение из такой профессионально устоявшейся в государстве системы общественных отношений сквозной совокупности общественных отношений, определяющих содержание научной категории "уголовный процесс", может показаться спорным.

Использование научной категории "уголовный процесс" в широком смысле влечет за собой и некоторые изменения в отношении к нормативной базе, определяющей законодательную основу этой категории. Отрасль законодательства становится комплексной. Так как необходимо в системе рассматривать положения нормативных актов различных областей государственной деятельности, не входящих в одну отрасль права, по сложившейся традиционной схеме.

В связи со сказанным возникает необходимость в более четком определении ряда понятий, которые непосредственно связаны с научной категорией "уголовный процесс".

Такими основными понятиями, раскрывающими содержание этой научной категории, являются: наука уголовного процесса; учебная дисциплина "Уголовный процесс"; государственные органы, готовящие и принимающие законы, направленные на урегулирование уголовно-процессуальных отношений; судебные и другие правоисполняющие уголовно-процессуальную деятельность органы; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-процессуальная практика (опыт); уголовно-процессуальное законодательство (право); разъяснения, толкование уголовно-процессуального законодательства; законодательная инициатива по внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Что же мы имеем в литературе по уголовному процессу?

Уголовный процесс по своему содержанию расширялся В.Г. Даевым за счет включения в его предмет не только уголовно-процессуальной деятельности, но и оперативно-розыскной, надзорной деятельности. Это положение находит подтверждение в его мысли: "Наука уголовного процесса в широком смысле слова должна иметь своим предметом не только уголовно-процессуальное право, но и оперативно-розыскную деятельность органов дознания, а также криминалистику как науку о закономерностях возникновения, собирания, исследования и использования доказательств по уголовным делам. Только

такое комплексное исследование взаимосвязанных вопросов является условием их правильного решения"[1].

Эта мысль представляет для нас определенный интерес, так как указывает на комплексный подход к изучению пределов предмета науки уголовного процесса и его расширения за счет смежных видов государственной деятельности, связанных с борьбой с преступностью. Однако для нас важен принцип подхода, указывающий на возможность расширения содержания уголовного процесса и его науки.

Вместе с тем в данном случае речь пойдет о расширении содержании уголовного процесса не вширь, по горизонтали, вокруг совершаемой уголовно-процессуальной деятельности, а как бы сверху вниз, по вертикали уголовного процесса, от создания уголовно-процессуальной нормы (права) и до результативности ее применения в жизни.

Несколько иной подход к пониманию уголовного процесса и его содержания наблюдается у Ю.К.Якимовича. Он подчеркивает практический, прикладной аспект уголовного процесса, ограничивая его содержание только уголовно-процессуальной деятельностью. Эта позиция наиболее четко прослеживается у него в следующем положении: "По степени обобщения уголовно-процессуальной деятельности можно определить три уровня уголовного судопроизводства:

1. Советское уголовное судопроизводство (уголовный процесс) совокупность всех конкретных уголовно-процессуальных производств.

2. Виды производств, имеющие особенности производства по определенной категории дел.

3. Производство по конкретному уголовному делу"[2].

В этом подходе, где и уголовно-процессуальная деятельность, и уголовное судопроизводство, и уголовный процесс объединяются как равнозначные понятия, проявляется узкопрактический подход к пониманию содержания уголовного процесса только как уголовно-процессуальной деятельности субъектов уголовного процесса при производстве по конкретным уголовным делам.

Такой подход в научном исследовании также применим, но как узкоспециальный в исследовании одного из наиболее содержательных элементов уголовного процесса и его науки – уголовно-процессуальной деятельности субъектов уголовного процесса при производстве по конкретным уголовным делам.

---

[1] Даев В.Г. Указ. соч. С.13.

[2] Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств.Томск: Изд-во Том. ун-та, ТГУ, 1991. С. 3, 4.

Названные выше две позиции в подходах к исследованию уголовного процесса как бы подчеркивают возможности и разнообразие вариантов научного изучения поднятой в работе проблемы.

Итак, научная категория "уголовный процесс" – это определенное наукой понятие, отражающее существующее в обществе явление, представляющее собой деятельность государственных органов, предусмотренную законодательством, по правовому закреплению определенных общественных отношений, организации правоприменительной уголовно-процессуальной деятельности специальных государственных органов и обобщению ее результатов, по профессиональному обучению специальной учебной дисциплине "Уголовный процесс" по специальности "Юриспруденция", организации и проведению специальных отраслевых научных исследований, накоплению и хранению знаний и опыта по работе с преступлениями и наказаниями за их совершение в государстве.

ПРОЦЕСС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С.Л. Лонь

Происходящие в России изменения социально-правовых явлений предполагают в науке уголовного процесса осмысление и изучение одной из фундаментальных проблем теории правового регулирования уголовного процесса. Принятие Уголовного кодекса РФ без сопровождающего его Уголовно-процессуального кодекса, многочисленные решения Конституционного Суда РФ по вопросам, закрепленным в УПК РСФСР, отменяющие его положения, несогласованность УК РФ и УИК РФ, наличие других законов по связанным с уголовным процессом вопросам («Об оперативно-розыскной деятельности», «О частно-детективной и охранной деятельности», «О милиции», «О судебной системе» и др.) создают противоречивость и в уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим в государстве назрела необходимость согласования ряда теоретических понятий уголовного процесса с общеправовыми категориями и понятиями, раскрывающими правовое регулирование, а также разработками философии права.

В общетеоретической литературе существуют различные позиции в определении понятия и содержания правового регулирования, которые разрабатывались специалистами в этой области: Н.Г. Александровым, С.С. Алексеевым, С.С. Горшеневым, П.Е. Недбайло, А.С. Пиголкиным, В.Н. Протасовым, В.Д. Сорокиным, Л.С. Явичем и другими учеными.

В работе не ставится задача их обобщения или анализа, они являются отправной базой для дальнейшего понимания.

Нельзя не сказать и несколько слов о философско-правовой основе используемого понятия правового регулирования, так как в основе разных подходов к раскрытию его содержания лежат философские теории естественного или позитивного права (Г. Гегель, Т. Гоббс, Вольтер, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, И.В. Михайловский и др.), которые в последние годы подвергаются более глубокому исследованию и совершенствованию (Д.А. Керимов, Э.В. Кузнецов, В.С. Нерсесянц, Ю.В.Тихонравов, А.К.Черненко и др.).

Одна из позиций определения правового регулирования, сформировавшихся в теории права, заключается в том, что правовое регулирование есть воздействие на общественные отношения при помощи правовых средств[1]. То есть правовое регулирование начинается там, где уже есть норма права, и заканчивается там, где начинается применение права.

Если для исследования правового регулирования в таком подходе, может быть, есть свои плюсы, то, что касается правового регулирования уголовного процесса это положение не дает необходимого поступательного развития. Нужен взгляд на правовое регулирование в государстве как на цельное функциональное явление. В общетеоретической литературе высказывались соображения о том, что правовое регулирование выражает динамическую сущность всей юридической надстройки и связано с организационно-правовыми формами деятельности органов государства[2]. В то же время правовое регулирование - это деятельность государства, которое использует свой административно-управленческий аппарат не только для исполнения нормативно-правовых предписаний, но и для создания новых норм права, изменения имеющихся, а также для изучения этих явлений с целью их правильного и эффективного использования. Это реальная действительность предполагает выделение функциональной системы правового регулирования в государстве.

Сделанные посылки позволяют сделать вывод о том, что одним из обязательных элементов, раскрывающих содержание правового регулирования, должен быть процесс, наряду с предметом, методом и механизмом. Кроме того, рассуждения в этом направлении в общей теории права уже были, когда отдельные авторы говорили о стадиях правового регулирования или структуре правового регулирования и т.д. Выделение в содержании правового регулирования в качестве одного из обязательных элементов процесса является вполне логичным.

Конечно, в области общей теории это положение требует серьезного обоснования и доказывания. В настоящей работе научной общественности предлагаются на обсуждение размышления автора по вопросам теории уголовного процесса, граничащим с теорией права, в частности, в связи с выделением научной категории процесса правового регулирования применительно к уголовному процессу.

---

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т.1. С.289.

[2] Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1972. С.21.

Предложенный термин отражает несколько иной взгляд на правовое регулирование деятельности государственных органов и должностных лиц и поведение граждан в уголовном процессе. Поэтому возникает необходимость определить, уточнить, согласовать некоторые основные понятия и категории уголовного процесса. Категория процесса правового регулирования уголовного процесса имеет теоретическое и практическое значение. Она непосредственно связана с разработкой уголовно-процессуального закона, его согласованностью с другими нормативными актами (Конституцией, законами, кодексами...) и дает возможность показать морально-нравственную и политическую подоплеку уголовно-процессуального законотворчества. Кроме того, раскрывая процесс правового регулирования, можно проследить в целом динамику развития уголовно-процессуальной идеи, правила в нормативный акт, последнего - в правовые знания и навыки, которые обеспечивают упорядочение деятельности государственных органов и поведения должностных лиц и граждан в уголовном процессе.

С точки зрения методологии изучения проблемы важно соблюдение принципа системного анализа в использовании терминов и понятий, а также их уровневого значения. Процесс правового регулирования уголовного процесса - это понятие уровня теории уголовного процесса, так же как и понятие уголовно-процессуального регулирования, хотя и взаимосвязанное с категориями общей теории права. Вместе с тем общетеоретическое понятие «процесс правового регулирования» определяет направленность проводимого изучения.

В связи с этим следует сказать, что правовое регулирование уголовного процесса (уголовно-процессуальное регулирование) и уголовный процесс - это разноуровневые понятия, как, например, действие и объект (предмет), на которые оно направлено, т.е. явление и элемент его содержания.

Правовое регулирование уголовного процесса (уголовно-процессуальное регулирование), являясь частью правового регулирования общественных отношений государством, содержит в себе определенную долю элементов, раскрывающих содержание правового регулирования.

Одной из существенных сторон правового регулирования уголовного процесса является его функциональная сторона. Если внимательнее посмотреть на уголовно-процессуальное регулирование с этой точки зрения, то содержание его образует система этапов, стадий, на которые можно разбить деятельность органов государства и должностных лиц по разработке научных идей, систематизации знаний, выработке законопроектов и их принятию, применению законов, их изучению и совер-

шенствованию. Причем стадии образуют самостоятельную систему, которую можно определить как процесс правового регулирования уголовного процесса. Не следует упускать из виду, что каждая из выделяемых стадий имеет или должна иметь и самостоятельное, в том числе процессуальное значение.

Особенностью правового регулирования уголовного процесса, а значит и определяющим фактором процесса правового регулирования, является его двойственная природа, находящая выражение в понятиях «уголовный» и «процессуальный». Эти моменты подчеркивают двухступенчатый подход в правовом регулировании, обусловленный материальным основанием, находящим выражение в уголовном праве, а затем процессуальным, организующим порядок действий. Таким образом, двухступенчатый подход заключается в том, что при правовом регулировании уголовного процесса вначале с необходимостью должны быть определены уголовно-запрещаемые деяния, а затем должна быть сформирована процессуальная деятельность органов государства и должностных лиц в связи с этими деяниями и планируемыми за их совершение наказаниями.

Еще одним специфическим моментом правового регулирования уголовного процесса является двойной подход государства к своим потребностям и возможностям в этих вопросах. А именно, с одной стороны, определение наличия потребности общества в защите от опасного деяния и необходимости ее правового урегулирования, с другой - определение наличия государственных организационных и устройственных возможностей по контролю и управлению этими явлениями. Причем вторая сторона предполагает два варианта решения по созданию государственных возможностей. 1.При наличии имеющихся специальных государственных органов, учреждений или иных общественных образований им будет поручено выполнять только эту специальную деятельность, а при их отсутствии таковые будут созданы. 2.Если в системе государственного устройства имеются специальные образования, которые в строго определенной процедуре выполняют свою деятельность, то им могут быть дополнительно определены и предоставлены полномочия или права и обязанности по решению вопросов, связанных с общественно опасными деяниями и наказаниями за их совершение для достижения общего блага государства и общества.

Особенностью уголовно-процессуального регулирования является и то, что оно может охватывать разные виды государственной деятельности и преломляет их применительно к работе по преступлениям, придавая им уголовно-процессуальный характер. Поэтому в сферу правового регулирования, а значит, и уголовно-процессуальную деятельность, по-

падают частично или полностью организационно-управленческая деятельность государственных органов, охранная, оперативно-розыскная (разведывательная, контрразведывательная), следственная, дознавательская, криминалистическая, судебная деятельность, уголовно-исполнительная и надзорная.

Указанные особенности правового регулирования уголовного процесса, конечно же, не могут не определить и специфические моменты процесса как элемента целого или одной из сторон явления.

Анализ имеющихся теоретических разработок теории права и теории уголовного процесса позволяет применительно к правовому регулированию уголовного процесса выделить несколько его характерных черт.

1. Правовое регулирование уголовного процесса является частью правового регулирования общественных отношений в государстве.

2. В процессе правового регулирования уголовного процесса используется существующий механизм политического и государственного устройства органов власти и экономической деятельности.

3. Правовое регулирование уголовного процесса является производным от государственного регулирования политических, государственных, экономических, нравственных, религиозных явлений.

4. Названное регулирование непосредственно связано с уголовно-правовым регулированием и регулированием организации деятельности правоохранительных органов.

5. Уголовно-процессуальное регулирование имеет свои особенности и закономерности, которые связаны:

- с экономическим развитием государства,
- политическим устройством общества,
- реально существующим механизмом организации государственной власти,
- развитием современной правовой базы,
- накопленным историческим опытом развития уголовно-процессуального регулирования и законодательного материала по этим направлениям деятельности.

Из сказанного вытекает особая сложность осмысления и в дальнейшем управления процессом уголовного и уголовно-процессуального регулирования.

Как категория процесс правового регулирования является общим понятием по отношению к процессу правового регулирования уголовного процесса, поэтому без определения признаков, содержания и системы первого вряд ли будет правильным анализировать второе, учитывая, что оба они не разработаны в теории права и уголовного процесса.

Процесс правового регулирования осуществляется на уровне соотношения категорий и понятий: государство и право, государственная власть и правовое регулирование, механизм государственного устройства (аппарат государства) и государственное управление.

Формирование понятия процесса правового регулирования связано и с определением понятия «государство – государственное управление» и с понятием «право и правовое регулирование». Правовое регулирование выполняется только государством в лице своих государственных органов, осуществляющих государственное управление и реализацию государственной власти. Поэтому, с одной стороны, правовое регулирование проявляется как государственное управление обществом при помощи права. В таком случае правовое регулирование облекается в процедуру управленческого процесса, который включает в свою систему следующие стадии: 1) сбор, обработка и анализ информации, которая необходима для принятия решения; 2) принятие управленческого решения; 3) организация выполнения управленческого решения; 4) учет и контроль исполнения. Эта посылка дает возможность сравнить правовое регулирование и государственное управление с функциональной стороны и выделить одну из характеризующих черт правового регулирования - это жесткая и логическая последовательность действий органов государства, которая может быть определена как процесс.

В теории права делались попытки раскрыть правовое регулирование с функциональной стороны, но истоки позитивистской теории права, которые лежали в основе советского права, ограничивали эти стремления. Вместе с тем, если взять не внешнеустройственную сторону правового регулирования (механизм), а динамическую, т.е. последовательность действий государства по формированию правовой основы своей деятельности, то можно выделить наиболее общие стадии правового регулирования как процесса. Самое сложное, что именно в этом понятии процесса правового регулирования переплетаются между собой деятельность государственных органов по управлению обществом и создание права и воздействие права на граждан и государственные органы. В литературе по общей теории права и философии права рассматривались и правотворчество, и правоприменение (правореализация), и правосознание как определенные части правового регулирования.

Думается, что в интересах отраслевых наук взглянуть на правовое регулирование, его процесс в целом, объединив его части. Используя, для начала, уже имеющуюся терминологию, предлагаем следующую систему стадий процесса правового регулирования: *правотворчество - правоприменение - правоизучение.*

Эти три элемента системы правового регулирования выбраны не случайно. Они в совокупности образуют процедуру правового регулирования в целом, отражают его внешнюю сторону и подчеркивают его цикличный и замкнутый характер внутри государства и общества.

Естественно, что и система процесса в целом, и взаимосвязи ее элементов, и последовательность стадий, и каждая из стадий требуют серьезного анализа и обоснования. Возможно уточнение терминологии или содержания отдельных из них, конечно, все это ждет научных изысканий. Но такой подход дает возможность отраслевым наукам исследовать корни отраслевого правового регулирования, которые уходят в правотворчество, общую теорию права, философию права, теорию и философию государства и общества. Появляется возможность глубже понять назначение правового регулирования в государстве и его роль в формировании правового государства, в выработке иммунитета от злоупотребления властью на всех уровнях управления, установлении связи экономических, политических и правовых рычагов отраслей по работе с преступлениями в обществе.

Каждая из названных стадий – это самостоятельная система, имеющая свое содержание и представляющая собой функцию государства более низкого порядка, поэтому только несколько слов о каждой из них.

Правотворчество - это создание государством правового инструментария в обществе, *правоприменение* - процедура реализации и использования в жизни общества созданных правовых инструментов и *правоизучение* - использование имеющегося правового материала, подготовка нового правового материала и расширение теоретических и исторических правовых знаний, научные идеи, теоретические понятия. В этом краткая динамическая суть каждой из стадий.

Если говорить *о правотворчестве*, то это деятельность государства, которая также регулируется правом и имеет свою процедуру, как и социальный механизм правового регулирования в целом. Оно имеет свое содержание и может рассматриваться как самостоятельная система, имеющая свой объект, субъектов, инструментарий, в том числе правовой, и регулируемую процедурную деятельность. Объектом выступают те общественные отношения, в связи с которыми принимаются правовые нормы, субъектом являются государственные органы: Федеральное Собрание РФ и его палаты, Президент РФ; подготовкой нормативных актов занимаются органы и лица, обладающие правом законодательной инициативы. Здесь используется свой инструментарий, в частности законопроект. Имеется своя процедура принятия законов или других нормативных актов, их официальной публикации и доведения до людей.

Правоприменение также может рассматриваться как определенная система, имеющая свой объект, субъектов, инструментарий и процедуру последовательных действий. Объектом регулирования здесь выступают деятельность государственных (правоохранительных) органов и действия людей, на регулирование поведения которых направлены принятые нормы права. Субъектом являются те органы, должностные лица и граждане, которые применяют нормы права. Инструментарий правоприменения может быть довольно разнообразным, закрепленным в уголовном, уголовно-процессуальном и другом законодательстве. Процедура правоприменения определяет основные моменты в последовательности действий указанных выше субъектов. Правоприменение, правореализация, правособлюдение - в данном случае объединяются в это предложенное понятие.

Правоизучение - это новый термин, новое понятие, которое ранее не использовалось в общетеоретической и специальной юридической литературе. Однако правоизучение по своему смысловому содержанию имеет предшественника - это понятие правосознания. Так в общей теории права[1] и в уголовно-процессуальной науке[2] использовали термин и понятие *"правосознание"* и говорили о нем как об элементе механизма правового регулирования. *Правосознание* - это как бы внутренний, невидимый элемент, связанный с человеком, а правоизучение связано с внешней деятельностью человека, его проявлением.

В предлагаемом нами варианте "правоизучение" выступает, как обязательный элемент правового регулирования, который также может рассматриваться и как самостоятельная система и как сложное процессуальное явление.

Правоизучение имеет свой объект, субъектов, инструментарий и последовательную процедуру действий, как и два предшествующих элемента. Объектом правоизучения выступают нормы права, накопленный исторический опыт создания норм права, и применения права, правовые знания, теоретические понятия и разработки юридической науки. К субъектам правоизучения относятся органы и учреждения, применяю-

---

[1] В одной из своих работ С.С.Алексеев писал, что «законы издаются для людей и людям адресованы, они применяются людьми и людьми исполняются» (Правовое государство – судьба социализма. М., 1988.С.162-174). Правда, к этому бы нужно еще добавить, имея в виду правосознание, что законы и пишутся людьми, и принимаются людьми.

[2] Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования: (Общая характеристика основных элементов). Владивосток, 1976. С.58-104.

щие нормы права, и их должностные лица; органы, государственные и общественные образования, участвующие в законотворческом процессе, их должностные лица, которые должны изучить имеющийся правовой материал, исторический опыт создания и применения норм права. К субъектам правоизучения, в прямом смысле этого слова, относятся учебные и научные учреждения, а также студенты, преподаватели вузов, научные сотрудники научных учреждений и вузов; граждане, которые занимаются изучением и распространением знаний о нормах права, о конкретном отраслевом регулировании, которые вырабатывают конкретные теоретические конструкции, используемые в законотворчестве и правоприменении.

В связи со сказанным правоизучение как самостоятельный элемент правового регулирования может рассматриваться и функционально. При этом используется в определенной степени специфический инструментарий.

Правоизучение - специфический элемент. Он в системе правового регулирования, приведенной ранее, занимает двойственное положение, как бы связывая правотворчество и правоприменение в замкнутый круг постоянной цикличной деятельности. При этом правоизучение в настоящий период развития правового регулирования в обществе может размещаться в системе правового регулирования как между правотворчеством и правоприменением, так и между правоприменением и правотворчеством.

→ ПРАВОТВОРЧЕСТВО → ПРАВОИЗУЧЕНИЕ → ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ → ← ПРАВОИЗУЧЕНИЕ ←

Эта функциональная система правового регулирования в государстве: объясняется тем, что принятые нормы права вначале доводятся до лиц, которых они касаются, которыми изучаются, а затем уже применяются. С другой стороны, чтобы принять новые нормы права, необходимо изучение существующих норм, опыта их применения на практике, исторического опыта их существования и применения. Это делается научными учреждениями, органами, обладающими правом законодательной инициативы, законодательными органами. Поэтому все, что здесь накапливается при правоизучении, может и должно использоваться законодательными органами при законотворчестве. Таким образом, правоизучение как бы связывает и замыкает правовое регулирование в обществе, создавая замкнутый цикл саморазвивающейся и самосовершенствующейся системы.

Изложенная процессуальная система правового регулирования в государстве с функциональной стороны предлагается на обсуждение научной юридической общественности. Однако следует сказать, что в юридической литературе в общей теории права и отраслевых науках некоторые из указанных элементов рассматривались сами по себе как правовые явления или категории. Названная система процесса правового регулирования и указанные элементы создают теоретическую базу для дальнейшего исследования как процесса уголовно-процессуального регулирования, так и отдельных выделенных элементов.

Предложенная схема позволяет в качестве следующей ступени исследования наполнить ее уже более конкретной «уголовно-процессуальной материей», а именно, взяв узкий аспект конкретного направления деятельности, проанализировать в этой процессуальной последовательности правовое регулирование, в частности познав процесс правового регулирования уголовного процесса.

ОБ ОПЫТЕ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВЫХ СУДОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Л.Ф. Мартыняхин, Е.В. Саморядова

Федеральный закон "О мировых судьях в Российской Федерации", как и Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации", предоставляет субъектам Федерации широкое правовое поле для решения целого ряда вопросов, связанных с созданием судебных участков и должностей мировых судей, порядком их назначения, материально-техническим обеспечением работы мировых судов и т. д.

Поэтому субъекты Федерации принимают собственные законы о мировых судьях, регламентируя их деятельность в пределах, установленных Федеральным законом. Так, Законодательное Собрание Алтайского края 31 августа 1999 г. приняло Закон "О порядке назначения и деятельности мировых судей в Алтайском крае".

По этому закону мировые судьи назначаются Законодательным Собранием края по представлению председателя краевого суда, согласованному с соответствующим представительным органом местного самоуправления, основанному на положительном заключении квалификационной коллегии судей. Срок полномочий мирового судьи – 3 года, а при повторном и последующих назначениях – 5 лет. Требования, предъявляемые к кандидатам в мировые судьи, полностью повторяют ст. 5 Федерального закона о мировых судьях.

В развитие Федерального, Закон Алтайского края определил в ст. 12, что организационное и кадровое обеспечение деятельности мировых судей осуществляется управлением Судебного департамента по соглашению с администрацией края за счет средств краевого бюджета, что соответствует ч. 2 ст. 30 Закона о судебной системе. Материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей возлагается на управление юстиции Алтайского края.

В феврале 1999 г. Законодательное Собрание края направило в Государственную Думу постановление о законодательной инициативе по принятию Федерального закона "Об определении общего числа мировых судей и количества судебных участков в Алтайском крае". В соответствии с ст. 4 Федерального закона о мировых судьях из расчета чис-

ленности населения от 15 до 30 тысяч на одном участке предлагалось создать 172 судебных участка.

Однако Федеральный закон от 24 ноября 1999 г. "Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации" определил создать в Алтайском крае 119 мировых судей и судебных участков. В связи с этим глава администрации края постановил согласиться с предварительным расчетом количества мировых судей и участков и предложил главам администраций городов и районов принять меры для рассмотрения представительными органами муниципальных образований по определению границ судебных участков. Постановления представительных органов станут основой для подготовки проекта краевого закона "О создании и упразднении судебных участков и должностей мировых судей в муниципальных образованиях Алтайского края".

Управлением судебного департамента Алтайского края при Верховном Суде Российской Федерации подготовлен проект постановления Законодательного Собрания о структуре и штатной численности аппарата мировых судей и в соответствии с приказом генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации № 66 от 26 августа 1999 г. произведен расчет средств, необходимых для обучения мировых судей в 2000 г., а также подготовлен к изданию сборник нормативных актов в помощь мировым судьям.

Бюджетом края на 2000 г. предусмотрено финансирование деятельности мировых судей в размере 5 млн. руб., включая средства на их обучение.

Таким образом, в Алтайском крае завершается создание законодательной базы института мировых судей, решаются организационные, финансовые, материально-технические и другие вопросы с тем, чтобы уже во втором полугодии 2000 г. мировые суды приступили к реальной работе.

ВИДЫ ОСОБЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Т.В. Трубникова

К числу особых уголовно-процессуальных производств мы вслед за Ю.К. Якимовичем относим такие имеющиеся в рамках уголовного процесса РФ производства, которые не направлены на установление или изменение уголовно-правового отношения[1]. В основе таких производств могут лежать либо отношения, урегулированные уголовным правом, но не связанные с совершением преступления, либо отношения, не имеющие уголовно-правового характера, которые тем не менее в силу особых причин урегулированы нормами уголовно-процессуального права и осуществляются в уголовно-процессуальной форме.

При этом сам Ю.К. Якимович к особым производствам относил всего лишь одно уголовно-процессуальное производство, а именно производство по применению принудительных мер медицинского характера. Представляется, однако, что перечень таких производств (применительно к действующему уголовно-процессуальному законодательству) является куда более широким и должен быть еще расширен. В частности, по нашему мнению, одной из разновидностей особых уголовно- процессуальных производств является производство по жалобам на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения и на продление срока содержания под стражей[2]. Аналогичная точка зрения высказана и А.В. Солодиловым[3].

Более того, можно сделать вывод, что с момента вынесения Конституционным Судом РФ постановления от 23 марта 1999 г. № 5-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР

---

[1] См., напр.: Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.

[2] Подробнее об этом см.: Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 88 – 90.

[3] См.: Солодилов А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 10 – 12.

в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком" в уголовном процессе РФ появилось еще несколько особых производств. Это, в частности, производство по жалобам на действия и решения органа дознания, следователя или прокурора, связанные с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования. Хотя такие производства и не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, факт их существования вытекает из упомянутого выше постановления Конституционного Суда РФ, а порядок производства по соответствующим жалобам будет, по-видимому, аналогичным тому, что предусмотрен сейчас законодателем для рассмотрения жалоб на арест и продление срока содержания под стражей.

Очевидно, что такие производства действительно являются особыми уголовно-процессуальными производствами, так как прежде всего в их основе лежат отношения административно-правового характера, основанные на властных полномочиях следователя и прокурора, предоставленных им для обеспечения надлежащего хода расследования.

Производства эти по существу отношений, составляющих их природу, аналогичны осуществляемому в порядке, установленном ГПК РСФСР производству по делам о жалобах на действия государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан. Однако вследствие того, что в данном случае должностным лицом принимается решение, существенно ограничивающее важное конституционное право гражданина, спор о законности и обоснованности такого решения должен быть рассмотрен как можно быстрее, что и достигается в условиях уголовно-процессуального производства. Кроме того, включение данных производств в число уголовно-процессуальных связано с тем, что речь в них идет о защите прав граждан, чрезвычайно значимых для них, – права на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, права частной собственности. И наконец, еще одна причина придания этим производствам статуса уголовно-процессуальных в том, что они связаны с производством по уголовному делу, не могут возникнуть в отсутствие последнего.

Направлены эти производства не на установление наличия или отсутствия уголовно-правового отношения и не на его изменение, а на разрешение вопроса о соблюдении всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок принятия того или ино-

го процессуального решения либо совершения того или иного процессуального действия.

Наконец, производство по жалобам на действия и решения органа дознания, следователя или прокурора, связанные с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования, являются самостоятельными уголовно-процессуальными производствами, так как обладают всеми необходимыми признаками, характерными для самостоятельного производства. В частности, они имеют собственную определенную материально-правовую базу, в основе их лежит определенный круг отношений, они являются полистадийными и комплексными (т. е. имеют определенные особенности в деятельности правоохранительных органов на всех (или хотя бы на нескольких) стадиях уголовного процесса) и обладают существенными отличиями, позволяющими отграничить их от других производств.

В рамках уголовного процесса следует выделить еще одно самостоятельное особое уголовно-процессуальное производство – производство по продлению или прекращению применения к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 402[1] УПК РСФСР), хотя такое производство и урегулировано законодателем недостаточно подробно.

Кроме того, в настоящее время есть основания говорить о необходимости появления в уголовном процессе РФ еще одного особого уголовно-процессуального производства. В соответствии с Федеральным законом РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" от 24 июня 1999 г., несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет могут быть принудительно помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, если они:

1) совершили общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

2) достигли возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершили общественно опасное деяние и не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

3) осуждены за совершение преступления средней тяжести и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Причем только последний случай предусмотрен УК РФ (ст. 92), и вопрос о применении к несовершеннолетнему такой серьезной принудительной меры воспитательного характера решается одновременно с вынесением приговора (с освобождением от уголовного наказания) в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Для остальных же случаев (когда не совершено преступление) процедура применения к несовершеннолетним данной принудительной меры воспитательного характера урегулирована вышеуказанным законом, от которого берет начало новое производство, не относимое ни к одному из известных видов производств, ни к одной из форм судопроизводства из числа предусмотренных ст. 118 Конституции РФ (конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство). Представляется невозможным, в частности, говорить о том, что данное производство можно отнести к числу уголовно-процессуальных производств, поскольку рассматриваемый Федеральный закон не является источником уголовно- процессуального права, кроме того, материально-правовая база такого производства, как мы уже сказали, лежит вне сферы регулирования уголовного законодательства.

Это производство в том виде, в каком оно урегулировано упомянутым выше Федеральным законом, включает в себя несколько стадий, к которым относятся:

- принятие решения ходатайствовать перед судом о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (возбуждение производства);
- досудебная подготовка материалов;
- судебное рассмотрение материалов;
- производство по жалобам, протестам на постановление судьи;
- исполнение постановления судьи.

В ходе досудебной подготовки материалов возможно применение к несовершеннолетнему в несудебном порядке ряда мер принуждения, существенно ограничивающих его право на свободу и личную неприкосновенность. Так, допускается производство медицинского, в том числе психиатрического, освидетельствования (которое в ряде случаев может производиться только на основании постановления начальника органа внутренних дел); применение к несовершеннолетнему мер пресечения в виде помещения его под надзор родителей или законных представителей либо под надзор администрации детского учреждения,

а также помещение несовершеннолетнего на срок до 30 суток в центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей.

Только по окончании досудебной подготовки материалов в указанном законе предусмотрено появление адвоката (для ознакомления с собранными материалами). При этом абсолютно неясно его процессуальное положение (выступает ли он в качестве представителя, защитника несовершеннолетнего или же это вообще какая-то новая, неизвестная ранее процессуальная фигура).

Непонятен и предусмотренный указанным выше Федеральным законом РФ порядок пересмотра постановления судьи - все постановления судьи по соответствующим материалам должен пересматривать председатель вышестоящего суда, порядок такого пересмотра (кассационный, апелляционный, надзорный или какой-либо новый, ранее неизвестный теории и практике) законом не определен.

В результате изучения Федерального закона РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Этим законом предусмотрено появление новой процедуры, не стыкующейся ни с одним из известных видов процесса, что совершенно неоправданно и необоснованно.

2. Наиболее оптимальным было бы отнесение порядка применения к несовершеннолетнему, совершившему общественно опасное деяние, принудительных мер воспитательного воздействия, к числу уголовно-процессуальных производств – урегулирование его в уголовно-процессуальном законодательстве. Связано это прежде всего с тем, что в случае такого решения вопроса под угрозой находятся чрезвычайно важные права несовершеннолетнего, возможная ошибка чревата для него очень серьезными последствиями (его свобода может быть ограничена путем помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок до трех лет).

3. Отнесение производства по вопросу о применении принудительных мер воспитательного воздействия к числу уголовно-процессуальных производств будет более предпочтительным, так как уголовный процесс наиболее застрахован от ошибок, в большей мере гарантирует соблюдение прав несовершеннолетних при применении мер принуждения в ходе такого производства. Более того, представляется, что применение к несовершеннолетнему каких-либо мер принуждения (принудительное освидетельствование, а тем более помещение его в центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей) совершенно недопустимо вне рамок уголовного процесса.

4. Включение указанного производства в число уголовно- процессуальных производств избавит нас от неравенства прав несовершеннолетних, поскольку на настоящий момент несовершеннолетние, совершившие преступление, по сравнению с несовершеннолетними, совершившими общественно опасное деяние, не являющееся преступлением, находятся в более выгодном положении, более защищены законом (так как вопрос о помещении в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа по отношению к ним решается сейчас в порядке уголовного судопроизводства).

5. С другой стороны, такое производство в уголовном процессе должно быть надлежащим образом, с достаточной полнотой урегулировано, для чего желательно перенести в уголовно-процессуальный закон из упомянутого выше Федерального закона РФ нормы, предусматривающие процессуальный порядок возбуждения производства, подготовки и рассмотрения соответствующих материалов при условии распространения на это производство общих правил уголовно-процессуального производства.

Таким образом, представляется совершенно необходимым введение в уголовный процесс производства по применению принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним.

Если наше предложение будет принято и данное производство появится в уголовном процессе, то его безусловно необходимо будет отнести к числу особых уголовно-процессуальных производств (его материально-правовая основа – нормы ФЗ РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних", предмет – установление наличия или отсутствия оснований для помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа и т.д.).

ПРОИЗВОДСТВО ПО МАТЕРИАЛАМ О ПОМЕЩЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАКРЫТОГО ТИПА

А.В. Солодилов

Тридцатого июня 1999 г. вступил в силу Федеральный закон РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних". Помимо других многочисленных правовых новелл, внесенных данным Законом, им устанавливается особый порядок разрешения вопросов о направлении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа - специальные школы и специальные училища. Статьи 26-30 указанного Закона определяют порядок производства по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Определение правовой природы данного производства, как представляется, имеет существенное научное и практическое значение.

Согласно п. 1 ст. 26 указанного Закона основанием для возбуждения исследуемого производства является прекращенное уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности. Таким образом, анализируемое производство возникает не на пустом месте; оно является продолжением производства по уголовному делу. Без существования основного производства по уголовному делу не может возникнуть производство по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Это обстоятельство позволяет, по нашему мнению, говорить об уголовно-процессуальной природе указанного производства.

В то же время нельзя не заметить, что данное производство не является просто продолжением основного производства по уголовному делу. Во-первых, основное производство по уголовному делу на момент возникновения исследуемого производства уже прекращено. Во-вторых, производство по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, имеет иные цели и задачи, иную направленность, нежели основное производство по уголовному делу. В-третьих, материально-правовую базу данного производст-

ва составляют иные материально-правовые отношения, нежели материально-правовую базу основного производства по уголовному делу. Все эти обстоятельства позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что указанное производство является особым уголовно-процессуальным производством [1].

Данное производство не направлено на установление или изменение уголовно-правового отношения. Такого отношения не возникало и не могло возникнуть, так как лицо, совершившее общественно опасное деяние, уголовной ответственности не подлежит в силу возраста. Это производство направлено на установление необходимости применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, мер государственно-властного принуждения, а именно помещения в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Предметом этого производства является вопрос о наличии или отсутствии оснований для применения указанных мер.

Несложно заметить, что исследуемое производство во многом напоминает производство по применению принудительных мер медицинского характера. Как в том, так и в другом производстве отсутствует уголовно-правовая база; оба производства направлены на разрешение вопроса о необходимости применения к лицу, не подлежащему уголовной ответственности, серьезных мер государственно-властного принуждения, выражающихся в ограничении права этого лица на свободу и личную неприкосновенность. Разница лишь в особенностях лица, совершившего общественно опасное деяние. Так, в производстве по применению принудительных мер медицинского характера это лицо не подлежит уголовной ответственности в силу своего психического состояния (невменяемости). В анализируемом нами производстве это лицо не подлежит уголовной ответственности в силу своего возраста. Данные аналогии позволяют, как представляется, говорить о единой правовой природе указанных производств.

Помещение в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа - мера, не являющаяся по своей природе уголовно-правовой. Возникает вопрос: можно ли в этом случае говорить о том, что природа исследуемого производства является уголовно-процессуальной? Ведь можно рассматривать это производство и как административное, направленное на применение к несовершеннолет-

---

[1] Автор придерживается концепции дифференциации уголовного процесса, предложенной Ю.К.Якимовичем. См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств: Основные и дополнительные производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 32-33.

ним, не достигшим возраста уголовной ответственности, административных мер.

Представляется, что можно. Уголовно-процессуальную природу указанного производства можно объяснить, во-первых, серьезным характером государственного принуждения, осуществляемого при помещении несовершеннолетнего в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на достаточно длительный срок (согласно п. 7 ст. 15 Закона - до 3 лет). Во-вторых, как уже отмечалось, анализируемое производство возникает не само по себе. Оно всегда является продолжением основного производства по уголовному делу. Применение к лицу, совершившему общественно опасное деяние, но не подлежащему уголовной ответственности в силу возраста, специфических мер государственного принуждения является своего рода разрешением правового конфликта между указанным лицом и государством по поводу нарушения этим лицом общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Таким образом, результатом данного производства является осуществление правосудия по делу, возникшему из отношений уголовно-правового характера. Следовательно, это производство необходимо уголовному процессу, является логическим и правовым завершением уголовно-процессуальных отношений.

Производство по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа является самостоятельным уголовно-процессуальным производством. В пользу такого вывода говорят следующие обстоятельства.

У данного производства имеется определенная материально-правовая база, объективно требующая отличия в законодательном регулировании. Такую базу составляют уголовно-правовые нормы о невозможности назначения наказания за общественно опасные деяния, формально обладающие признаками преступлений лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

В деятельности правоохранительных органов в рамках исследуемого производства имеются определенные особенности, детально регламентированные в ст.ст. 26, 27, 28, 29, 30 Федерального закона РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних", что позволяет говорить о комплексности данного производства.

Наконец, несложно заметить, что данное производство обладает существенными различиями не только с основным производством по

уголовному делу, но и с другими видами особых уголовно-процессуальных производств[1].

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что в уголовном процессе РФ появилось новое самостоятельное особое производство. Изучение отдельных особенностей этого производства, а также изменений, возникших в результате его появления в системе уголовного процесса в целом, является, на наш взгляд, необходимой и неотложной задачей науки уголовного процесса.

---

[1] О признаках самостоятельного уголовно-процессуального производства см.: Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 23.

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

О.Б. Семухина

Производство по делам несовершеннолетних – усложненная разновидность основного вида производств. Его выделение обусловлено рядом признаков, свидетельствующих о самостоятельности данного производства: наличием определенной материально-уголовной базы, позволяющей выделить ряд специфических мер наказания, применяемых исключительно к несовершеннолетним и объективно требующих специальной процессуальной формы реализации; особенностей в деятельности участников процесса; существенных различий в порядке деятельности участников процесса по каждой из этих стадий.

Самостоятельностью и необходимостью специализации уголовного процесса, в котором участвуют несовершеннолетние, обусловлено появление производства по делам несовершеннолетних практически во всех странах. Требования дифференцированного подхода к участию несовершеннолетних в уголовном процессе содержат и международные правовые нормы. Так, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предусматривают в ст. 7.1 специализацию правосудия в отношении несовершеннолетних для решения комплексной задачи достижения социальной справедливости, защиты несовершеннолетних и поддержания порядка в обществе. В англо-американской правовой системе в настоящее время закреплена следующая схема производства по делам несовершеннолетних:

1. Существует специальный юрисдикционный орган – семейный суд, в полномочия которого входят разрешение по существу дел несовершеннолетних и судебные действия, связанные с уголовным преследованием несовершеннолетних. Семейный суд – среднее звено судебной системы штата. Он обладает теми же полномочиями, что и суд первой инстанции общей компетенции, только в отношении определенной категории граждан – лиц в возрасте от 7 до 16 лет.

2. Возбуждение уголовного дела производится путем подачи в семейный суд специальной петиции, в которой указывается фактическое содержание предполагаемого преступления и называется личность преступника, совершившего это деяние. Петиция подается специализи-

рованной "представляющей службой" - отделением для несовершеннолетних, которое является подразделением полицейской службы штата, специально созданной для ведения подобных дел. После того как несовершеннолетний задержан, мировой офицер или полицейский может отдать несовершеннолетнего в руки родителей, с дальнейшим вызовом в суд, или задержать.

3. С момента первого допроса несовершеннолетнего (сразу после ареста) в производстве по делам несовершеннолетних появляется особый участник – законный представитель несовершеннолетнего. Законный представитель имеет единственную задачу – защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего в процессе. В этих целях уголовный процесс США дает ему очень широкий круг полномочий. Закон исходит из того, что законный представитель имеет наиболее точные сведения о личности несовершеннолетнего, возможность влиять на его поведение и личную заинтересованность в исходе дела. В случае если несовершеннолетний не был арестован, законный представитель впервые появляется вместе с несовершеннолетним на стадии первоначальной явки перед судом. Законный представитель имеет право знать, в чем обвиняется несовершеннолетний, заявлять ходатайства об освобождении несовершеннолетнего на поруки и прекращении производства, присутствовать при всех действиях полиции, совершенных в отношении несовершеннолетнего, обжаловать решения суда и др.

В российском уголовном процессе законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого выполняет лишь некоторые вспомогательные функции. В УПК РСФСР однозначно не определено, какие функции осуществляет законный представитель: исключительно функции защиты или у него есть свои процессуальные интересы. При наличии в процессе РФ различных фигур – обвиняемого и подозреваемого встает вопрос о процессуальном положении законного представителя подозреваемого несовершеннолетнего. Процессуальные права законного представителя практически ограничены сферой действия судебной стадией разбирательства. Ст. 398 УПК РСФСР не позволяет законному представителю стать активным участником процесса до окончания предварительного следствия, так как не дает возможности ознакомления с материалами дела. Законный представитель не участвует и в подготовительной части судебной стадии, что не позволяет ему наряду с защитником и прокурором знакомиться с делом на данной стадии и заявлять ходатайства.

Как нам представляется, законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого должен иметь такие права, как знать суть обвинения, предъявляемого несовершеннолетнему (участво-

вать в момент предъявления обвинения вместе с защитником); заявлять ходатайства, в том числе при ознакомлении с материалами дела (об истребовании доказательств, о производстве дополнительных следственных действий); предоставлять доказательства; участвовать в следственных действиях; знать о мере пресечения, избираемой в отношении несовершеннолетнего; обжаловать действия органов предварительного следствия; право получить копию обвинительного заключения; знакомиться с материалами дела и заявлять ходатайства на стадии подготовки дела к слушанию.

4. Наиболее четкой тенденцией, проявляющейся в производстве по делам несовершеннолетних в США, является стремление законодателя избежать наиболее полной и строгой судебной процедуры, с тем чтобы более эффективно и без возможных травм воздействовать на психику несовершеннолетнего с целью его исправления и социализации.

Возможность применения к несовершеннолетнему мер условного освобождения начинается уже на стадии возбуждения производства и первоначальной явки перед судом. По ходатайству тех же заинтересованных лиц, а также атторнея и по инициативе самой службы условного освобождения на поруки несовершеннолетний может быть освобожден на поруки, а петиция о возбуждении производства аннулирована. Когда простое освобождение на поруки нецелесообразно, в США применяется особая форма альтернативного разрешения дела для несовершеннолетних – отсрочка в предварительном следствии. Она предполагает отложение предварительного следствия (приостановление) на срок до 6 месяцев, с тем чтобы в последующем петиция была возобновлена или аннулирована в зависимости от выполнения определенных условий. Как правило, эти условия связаны с возможностью излечения несовершеннолетнего от наркомании, алкоголизма, венерического заболевания.

В российском уголовном процессе мысль о минимальном применении к несовершеннолетним полновесной судебной процедуры проводится недостаточно четко. Сопоставление ст. ст. 8, 259 и 402 УПК РСФСР приводит нас к определенному противоречию: при наличии обстоятельств, указанных в ст. 8 (совершение преступления впервые небольшой или средней тяжести несовершеннолетним), суд, следователь, прокурор согласно ст.ст. 8 и 259 должен прекратить уголовное дело и направить в суд для решения вопроса о применения принудительных мер воспитательного характера. В то же время ст. 402 УПК РСФСР предусматривает вынесение обвинительного приговора с освобождением от наказания и применением мер воспитательного характера для той же категории лиц. Так как ст. 402 была отредактирована позднее, то, следуя научному толкованию, мы должны применять ее положения.

Однако необходимо установить приоритет прекращения дела на стадии предварительно следствия с применением мер воспитательного характера, а полную судебную процедуру с вынесением обвинительного приговора с освобождением от наказания следует оставить для лиц, воспитание которых требует полновесной процедуры в суде.

Стадия судебного рассмотрения дела по существу в США проводится в два этапа: сначала назначается слушание дела по существу, где рассматриваются исключительно вопросы установления факта совершения преступления, а затем проводится распорядительное слушание, где разрешаются вопросы назначения индивидуального наказания. Разделение вопросов преступления и наказания в различных слушаниях позволяет более детально разрешить вопрос о совершенном деянии и наиболее индивидуально подойти к назначению наказания. Кроме того, распорядительное слушание позволяет рассмотреть вопрос о применении мер медицинского характера или об условно-досрочном освобождении как часть единого производства, не отрывая их от существа дела. Таким образом, дополнительные производства укладываются в США в рамки отдельного распорядительного слушания.

Правилами уголовной процедуры США предусматриваются специальные виды наказания для несовершеннолетних: условное снятие обвинения; условное освобождение на поруки; заключение несовершеннолетнего под наблюдение специальной службы; заключение под особо охраняемое наблюдение (аналогично заключению в тюрьму). Наряду с этими наказаниями суд может вынести решение о применении в отношении несовершеннолетнего принудительных мер медицинского характера.

Перед решением о применении условных мер наказания суд дает распоряжение службе взятия на поруки, которая предоставляет специальное заключение, основанное на исследовании личности несовершеннолетнего преступника и условий его воспитания, для того чтобы решить вопрос о возможности и целесообразности применения к несовершеннолетнему мер условного наказания. Предоставление такой информации в едином источнике – заключении - позволяет суду наиболее квалифицированно решить вопрос о возможности применения условной меры наказания.

В нашем законодательстве не практикуется истребование специального заключения от служб, которые бы могли дать подобную информацию. Разрозненные документы в деле в лучшем случае свидетельствуют о личности несовершеннолетнего, но не дают суду возможности реально оценить, целесообразно ли оставлять несовершеннолетнего в той среде, в которой он растет и воспитывается, и каким образом нужно

изменить условия и образ жизни, чтобы наиболее максимально достигнуть целей перевоспитания и исправления несовершеннолетнего.

Важным моментом является принцип единства процесса в США. После назначения наказания все вопросы, связанные с его исполнением и применением мер медицинского характера, решаются в том же производстве при назначении вторичного распорядительного слушания.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ПОДОЗРЕВАЕМЫМ

А.К. Аверченко

Ст. 52 УПК РСФСР определяет подозреваемого как лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, или лицо, к которому применена одна из мер пресечения до предъявления обвинения. Такое определение подозреваемого сложилось в отечественном уголовном процессе исторически. По мнению большинства процессуалистов, оно устарело и нуждается в усовершенствовании, в частности в расширении процессуальных оснований признания лица подозреваемым.

К числу таких оснований предлагается отнести:

1) вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, в котором указывается на конкретное лицо, совершившее преступление (В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, авторы проектов УПК РФ);

2) оформление протокола допроса, из содержания которого видно, что допрашиваемому задавались вопросы по поводу его личного участия в преступлении (Л.М. Карнеева, И.Л. Лисагор, Э.А. Боровский);

3) наложение ареста на имущество, отбор образцов для сравнительного исследования, освидетельствование, направление на судебно-медицинскую или судебно-психиатрическую экспертизы, предъявление для опознания, обыск, выемка, вызов и допрос в качестве подозреваемого (С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко, Б.А. Денежкин);

4) вынесение мотивированного постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого (Н.Н. Короткий, Н.А. Белый).

Каждое из названных выше предложений в определенной степени способствует реализации прав подозреваемого, препятствует таким нарушениям закона, как производство следственных действий с "уличаемым свидетелем", "вынужденное" (для придания лицу статуса подозреваемого) задержание или применение меры пресечения и т.д. Однако позиции перечисленных авторов также содержат в себе основания для критики.

Фигура подозреваемого в них рассматривается в статике, предпринимаются попытки перечислить все возможные меры принудительного характера, содержание которых свидетельствует о наличии определен-

ных подозрений в отношении лица, которому эти меры адресованы. Формальные акты выполнения указанных действий предлагается расценивать как дополнительные основания признания лица подозреваемым в совершении преступления.

Если же рассматривать фигуру подозреваемого в контексте реализации его процессуальных прав, т. е. не в статике, а в динамике, момент признания лица подозреваемым, обретения им этого правового статуса должен следовать не за применением мер процессуального принуждения, а опережать и предварять их, давая ему возможность в ходе выполнения соответствующих следственных действий реализовать свои права.

При этом процедура признания лица подозреваемым, по нашему мнению, не должна иметь жесткой процессуальной формы, вроде вынесения мотивированного постановления. Напротив, ее характер должен быть максимально простым и свободным, дающим возможность выбора необходимого и подходящего для создавшейся следственной ситуации варианта.

Исходя из всего сказанного выше, представляется возможным предложить следующую концепцию оснований и порядка признания лица подозреваемым.

1. Лицо получает статус подозреваемого с момента ***официального объявления ему об этом*** управомоченным на то законом должностным лицом или органом. Именно с момента объявления о признании подозреваемым у лица появляется возможность реализовать свои права, а у следователя - требовать исполнения обязанностей.

2. Такое объявление может быть зафиксировано письменно под подпись подозреваемого в постановлении о возбуждении уголовного дела, протоколе допроса подозреваемого, протоколе задержания, постановлении о применении меры пресечения, постановлении о производстве обыска, протоколе предъявления личности для опознания, постановлении о получении образцов для сравнительного исследования, специальном уведомлении, ином процессуальном документе или производстве устно.

3. При объявлении лицу о признании его подозреваемым до него должны быть доведены краткое содержание подозрения и юридическая квалификация преступления, в котором оно подозревается.

4. Немедленно после такого объявления подозреваемому разъясняются его права, обеспечивается возможность их реализации.

5. Орган дознания или следователь объявляют лицу о признании его подозреваемым по мере формирования подозрения, но не позднее нача-

ла выполнения с его участием следственных действий, направленных на уличение его в совершении преступления.

6. При поступлении от лица письменного запроса о наличии в отношении него подозрений в совершении преступления орган дознания и следователь, при наличии таковых, обязаны письменно объявить ему об этом с разъяснением прав подозреваемого.

7. Фактические данные для признания лица подозреваемым должны быть получены из процессуальных источников. При применении к нему мер процессуального принуждения к ним могут предъявляться дополнительные требования.

8. По получении доказательств, достаточных для привлечения в качестве обвиняемого, подозреваемому должно быть немедленно предъявлено обвинение.

9. В случае отпадения оснований подозрения, в том числе и при объявлении лицу о подозрении устно, орган дознания и следователь обязаны письменно сообщить ему о реабилитации с принесением извинений.

10. Перед окончанием предварительного расследования такое решение должно быть принято по каждому лицу, которое подозревалось в совершении преступления и которому не было предъявлено обвинение.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СУДЕЙ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.А. Колмацуй

Одной из гарантий такого принципа уголовного процесса, как независимость судей, является их неприкосновенность. Судейский иммунитет — определенное исключение из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Это обусловлено тем, что к профессиональной деятельности судьи предъявляются высокие требования, а значит, государство обязано обеспечить ему дополнительные гарантии для надлежащего осуществления его работы по отправлению правосудия. Здесь возникает проблема подконтрольности и ответственности государственной власти, соотношения неприкосновенности судей и юридической ответственности юридической власти. Необходимо помнить, что судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, который занимает должность судьи, а средством защиты его профессиональной деятельности, интересов правосудия.

Хотелось бы отметить тезис, который заложил Конституционный суд в своем постановлении по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 16 Закона «О статусе судей РФ» от 7 марта 1996 г., из которого можно сделать следующий вывод: при соблюдении процедур, установленных федеральным законом, судья за допущенные им нарушения закона может быть привлечен как к уголовной, так и к иной ответственности. Таким образом, иммунитет судей не является абсолютным, независимость судей не исключает, а, наоборот, предполагает их высокую ответственность за выполнение поставленных перед ними задач, соблюдение ими законов и Кодекса чести судьи.

Действующим законодательством предусмотрены процессуальные механизмы и способы обеспечения деятельности судей, одним из которых является особый порядок привлечения к уголовной ответственности. Судейский иммунитет начинает действовать на начальной стадии уголовного процесса — стадии возбуждения уголовного дела. Закон «О статусе судей РФ» закрепляет, что уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Генеральным прокурором РФ и только с согласия Квалификационной коллегии судей. На этом этапе начинаются первые сложности. Возбуждение уголовного дела в отношении судьи только Генеральным прокурором РФ означает, что только это должно-

стное лицо вправе вносить представление во все квалификационные коллегии судей, а не только в Высшую квалификационную коллегию судей. Это положение распространяется также на судей судов всех уровней, но, как свидетельствует практика Высшей квалификационной коллегии судей, с такими представлениями в областные и равные им квалификационные коллегии судей ещё обращаются прокуроры субъектов РФ.

Высшая квалификационная коллегия судей сталкивается с такой ситуацией, когда прокуроры регионов принимают юридически значимые процессуальные документы, такие как постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, указывая в подобных постановлениях на виновное поведение судьи, но по каким-то причинам прокурор не находит основания для возбуждения уголовного дела. Представляется, что такая практика не соответствует законодательству, поскольку Генеральному прокурору предоставлено право инициировать перед Квалификационной коллегией судей вопрос о возбуждении уголовного дела. Постановление о возбуждении такового с констатацией виновного поведения судьи может принимать только Генеральный прокурор.

Другая проблема связана с согласием Квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении судьи. Согласно ч. 2 ст. 108 УПК РФ основанием к возбуждению уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Естественно, на этой стадии указанные данные бывают обычно не полными, а возможности для их проверки ограничены ч. 2 ст.109 УПК, которой в ходе проверки предусмотрено лишь истребование необходимых материалов и получение объяснений, однако без производства следственных действий, тем более когда речь идет о судье. Такие данные являются достаточными для принятия прокурором решения по «обычному» материалу, но для Квалификационной коллегии судей зачастую бывают неубедительными, так как одна из её задач — обеспечение неприкосновенности судей и коллегии, естественно, хотелось бы получить более весомые доказательства виновности судьи в преступлении. Но собрать доказательства можно только путем расследования, которое, в свою очередь, невозможно без возбуждения уголовного дела. Таким образом, получается замкнутый круг.

Следующая проблема, которая возникает на этой стадии, — своевременность решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Как известно, успех в расследовании дела определяется своевременностью обнаружения, фиксации и изъятия доказательств совершенного преступления. При существующем порядке возбуждения уголовного дела в отношении судей судья заблаговременно узнает о возникшем в отноше-

нии него подозрении и в течение длительного времени имеет неограниченные возможности для уничтожения вещественных доказательств, воздействия на возможных сообщников. Кроме того, затягивание процесса принятия решения о возбуждении уголовного дела приводит к тому, что производство следственных действий, имеющих характер неотложных, становится бессмысленным.

В чем видится выход из подобной ситуации? Изучив практику работы Квалификационной коллегии судей по решению вопросов о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судей, можно прийти к выводу, что Квалификационные коллегии дают всестороннюю оценку собранным по делу доказательствам, т.е. выступают в привычной для себя роли судей и рассматривают дело по существу. Естественно, что на этой стадии доказательства не кажутся убедительными. На этом же этапе необходимо выяснить лишь наличие поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 108 УПК РФ. Предметом рассмотрения Квалификационной коллегии судей должны стать прежде всего само представление Генерального прокурора РФ, его законность и обоснованность, а также материалы, на которых базируется этот документ с точки зрения ст.108 УПК РФ, т.е. только наличие выводов и оснований для возбуждения уголовного дела в соответствии с указанной статьей.

Возможно, такой подход облегчит работу органов прокуратуры, и те получат долгожданное согласие, но такие трудности, как длительность процедуры, останутся. Представляется, что более оптимальным был бы вариант по аналогии со статусом депутата Государственной Думы РФ, так называемым парламентским иммунитетом, когда уголовное дело в отношении судьи возбуждается на общих основаниях, а Квалификационная коллегия судей дает согласие на арест, привод и привлечение судьи к уголовной ответственности. Представляется, что при таких обстоятельствах гарантия неприкосновенности судей не очень пострадает и в то же время это будет способствовать «очищению судебного корпуса от лиц, недостойных этой должности»[1].

---

[1] Заключение по результатам парламентских слушаний «О ходе реализации концептуальных положений судебной реформы в РФ».

ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ

Ю.А. Левич

Ст. 113 УПК РСФСР предусматривает отказ в возбуждении уголовного дела в случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, а равно при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу. Право принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела имеют прокурор, следователь, орган дознания и судья. Этот общий порядок отказа в возбуждении уголовного деда распространяется и на случай, когда такое решение принимается в отношении судьи, который может быть субъектом преступления.

Особый порядок отказа в возбуждении уголовного дела в отношении судьи установлен в случае отказа лишить судью неприкосновенности. В соответствии с Законом РФ "О статусе судей в РФ "судья не может быть подвергнут задержанию, приводу, аресту, а возбуждение уголовного дела в отношении судьи возможно только при осуществлении специальной процедуры приостановления судейских полномочий.

Приостановление полномочий судьи осуществляется органом судейского сообщества - квалификационной коллегией судей. Данная коллегия действует вне уголовно-процессуального закона. Она уполномочена дать согласие или отказ Генеральному прокурору на привлечение к уголовной ответственности судьи. Квалификационная коллегия судей в срок до тридцати дней, но не позднее сорока пяти дней со дня поступления материалов на приостановление полномочий судьи в связи с возможным возбуждением уголовного дела должна решить вопрос о согласии на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или об отказе в этом. Решение квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации не является окончательным и может быть обжаловано заинтересованным судьей или Генеральным прокурором в десятидневный срок со дня получения решения коллегии в Высшую квалификационную коллегию судей РФ, которая может также выступать как первая инстанция, рассматривающая материалы в отношении председателей судов субьектов РФ и их заместителей, судей-членов квалификационной коллегии судей. Отказ Высшей квалификационной коллегии судей РФ дать согласие на возбуждение уголовного дела в отношении

судьи может быть обжалован в десятидневный срок в Верховный суд РФ. Представляется, что Верховный суд РФ жалобы на решения квалификационных коллегий судей рассматривает в порядке и по правилам рассмотрения жалоб на действия уполномоченных органов.

Следующая особенность возбуждения дела в отношении судьи заключается в том, что представление в квалификационную коллегию судей о лишении судьи неприкосновенности направляет Генеральный прокурор РФ или лицо, исполняющее его обязанности. В случае отказа квалификационной коллегии судей дать согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи и когда все возможности отмены этого решения были исчерпаны, Генеральный прокурор РФ обязан действовать в соответствии со ст. 113 УПК РСФСР, т.е. отказать в возбуждении уголовного дела. Представляется, что в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела содержится указание на обстоятельство, исключающее возбуждение уголовного дела, - отказ квалификационных коллегий судей и решение Верховного суда РФ и на отсутствие субъекта преступления (п. 2 ст. 5 УПК РСФСР).

Положение части четвертой ст. 113 УПК РСФСР, предусматривающее возможность заявителю обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела "надлежащему прокурору или в вышестоящий суд", может быть реализовано в случае, когда Генеральный прокурор получил отказ Верховного суда РФ в возбуждении уголовного дела в отношении судьи или привлечении судьи в качестве обвиняемого. Именно такая ситуация сложилась по делу судьи М.: все коллегии судей и Верховный суд России отказали Генеральному прокурору РФ в привлечении судьи М. в качестве обвиняемого по ДТП. Дело было прекращено. Однако заявительница, а фактически потерпевшая обратилась с жалобой в федеральный районный суд, который отменил постановление о прекращении уголовного дела и обязал Генерального прокурора РФ расследовать дело.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОКУРАТУРЫ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВАХ

В.В. Равинский

Бесспорно, что все преступления, и особенно убийства, заранее обдуманные и спланированные, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в условиях неочевидности, убийства по найму эффективно раскрываются и расследуются по «горячим следам». Более того, быстро и полно раскрыть указанные виды преступлений и изобличить виновных, выявить всех соучастников преступления без помощи, а иногда без инициативы оперативных служб просто невозможно. Поэтому представляется, что одним из важнейших и существенных моментов в достижении эффективности и результативности расследования особо тяжких преступлений, в том числе убийств, является правильно организованное взаимодействие следователя прокуратуры с органами дознания на досудебных стадиях уголовного процесса.

Очевидно, что рамки такого взаимодействия необходимо расширять и углублять. Для этого следует определиться с конкретными формами взаимодействия, с характером складывающихся при этом отношений, с правовым их регулированием, с принципами взаимодействия. Взаимодействие включает в себя широкий комплекс мероприятий: организационные, правовые, этические, кадровые и т.п. Взаимодействие следователя прокуратуры с органами дознания осуществляется начиная с момента приема и учета заявлений о преступлении и затем на протяжении всей стадии возбуждения уголовного дела; а также при проведении проверочных действий для установлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. ст. 108, 109 УПК РСФСР).

Взаимодействие продолжается и на стадии предварительного расследования, в том числе и на первоначальном его этапе при производстве неотложных следственных действий. Особенно важным оно является в тех случаях, когда обвиняемый скрылся от следствия или когда по иным причинам не установлено его местопребывание (т.е. при розыске обвиняемого и установлении его местонахождения), при неустановлении лица, подлежащего привлечению в качестве

обвиняемого (ст. ст. 195, ч. 1 пп. 1 и 3 — 197 УПК РСФСР), при возобновлении прекращенного дела (ст. 210 УПК РСФСР).

По факту убийства либо по предлагаемому факту убийства информация поступает, как правило, по телефону от граждан (зачастую звонящих анонимно) или работников станции скорой помощи в дежурную часть отделов внутренних дел, УВД. При этом отметка об источнике извещения о подготовляемом, совершаемом, совершенном убийстве ни в журнале учета поступающей информации о преступлениях и иных правонарушениях (форма 2), ни в книге учета заявлений о происшествиях и преступлениях (форма 1), ни в книге вызовов станции скорой помощи либо не производится, либо не конкретизируется.

Следовательно, чтобы действительно убедиться в достоверности полученной информации на предполагаемое место происшествия либо на предполагаемое место обнаружения трупа с признаками насильственной смерти сначала выезжает оперативная группа; дежурные экипажи ГАИ, ППС, СОБР и других служб органов внутренних дел. После визуального подтверждения информации и дополнительного сообщения в дежурную часть на место предполагаемого преступления выезжает дежурный работник прокуратуры. На момент приезда последнего на месте обнаружения трупа с признаками насильственной смерти обычно уже собирается большое количество людей, начиная от работников различных служб органов внутренних дел во главе с их руководителем, медработников и заканчивая просто любопытными.

Весьма негативно на качестве расследования сказывается то, что очень часто проверочные действия по собиранию дополнительных материалов в целях установления достаточности данных, указывающих на признаки преступления, проводятся одним лицом, дело возбуждается другим, а расследование проводится третьим, четвертым и т.д. При этом следователь, получив проверочные материалы уже уголовного дела (иногда несколько его томов), достаточно много времени тратит на их изучение, истребование недостающих материалов, выяснение местонахождения вещественных доказательств, документов. Он передопрашивает подозреваемых, свидетелей, потерпевших, исправляет допущенные ранее процессуальные нарушения и ошибки, а иногда вовсе уже не может собрать или восстановить упущенные доказательства. Следователь вынужден заново устанавливать контакт с оперативными работниками.

Совсем по-другому обстоит дело, когда следователь знает, что ему придется расследовать уголовное дело от начала до конца, когда он несет персональную ответственность за свои собственные (а не чужие,

что очень важно) действия и ошибки, когда сам досконально знает письменные материалы дела, сам возбуждает уголовное дело и направляет ход следствия и производство следственных действий. В идеале в производстве следователя должно быть одно сложное в плане расследования уголовное дело с момента его возбуждения и до составления обвинительного заключения и направления дела прокурору, а последним - в суд.

О ПОНЯТИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ЕГО ЭЛЕМЕНТАХ

А.К. Аверченко, С.Л. Лонь

Подозреваемый как участник уголовного процесса, имеющий ярко выраженный собственный интерес в исходе уголовного дела, наделен действующим законодательством большим количеством прав, разных по своему значению, роли, месту и порядку реализации, по целям и направленности. Предварительный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволил выделить около 140 различных специальных прав подозреваемого, которыми он может обладать в ходе предварительного расследования и существования этой процессуальной фигуры.

Каждое право подозреваемого имеет свой порядок реализации. Он индивидуален, как индивидуально и содержание самого права. Порядок реализации прав подозреваемого, как правило, закреплен нормами уголовно-процессуального законодательства. Этот порядок включает, во-первых, установление фактов, обусловливающих реализацию прав; во-вторых, фиксацию основных способов организации осуществления, претворения в жизнь конкретных прав подозреваемого.

Установление порядка реализации того или иного права зависит от многих факторов объективного и субъективного свойства. Этот порядок может меняться в ходе совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Одной из задач научных исследований является выработка рекомендаций по оптимизации правовых норм с целью наиболее эффективного осуществления прав подозреваемого, учитывающего законные интересы личности и интересы общества в целом.

Закрепленный перечень прав подозреваемого и способов их реализации представляет возможность вывести и определить компоненты предельно общей модели порядка осуществления подозреваемым своих прав. Такая модель включает только необходимые для любой субъективной правореализации элементы, и по сложившейся в теории права традиции ее пока целесообразно называть механизмом (механизмом реализации прав подозреваемого).

Исходным для определения этого понятия, его места в системе действия права является обладающее большим по отношению к нему объемом понятия «механизм правового регулирования». Устоявшимся в советской и российской правовой науке является взгляд на механизм правового регулирования как на "... взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения"[1].

Значительно меньшим по содержанию объемом в отношении к механизму правового регулирования обладает понятие «механизм реализации права» (в объективном смысле), являющееся переходным по отношению к механизму реализации субъективных права (в том числе и прав подозреваемого).

Ю.И. Гревцов определяет механизм реализации права как "... единство всех юридических элементов и процедур, при помощи которых приводятся в движение, в действие, юридические нормы, устанавливаются правовые отношения в целях использования или защиты права, исполнения юридических обязанностей"[2]. В качестве основных элементов рассматриваемого механизма Ю.И. Гревцовым названы: субъекты права; субъекты правоприменения; государственные организации, разъясняющие и систематизирующие действующее законодательство; ученые-юристы, анализирующие и комментирующие действующее законодательство"[3].

Сходным или близким образом характеризуют содержание понятия механизма реализации права В.В.Лазарев[4], Ю.С.Решетов[5], Л.Н.Завадская[6] и др.[7]

Таким образом, категории "механизм правового регулирования" и "механизм реализации права", близкие по смысловому содержанию понятия, лежат в одной плоскости научных исследований, однако находятся на разных уровнях обобщения и соотносятся как система и под-

---

[1] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования. М.: Юрид. лит. С.30.

[2] Гревцов Ю.И. Использование права субъектами юридических отношений: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1989. С.13.

[3] Там же.

[4] Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 5-9.

[5] Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. С. 7-15.

[6] Завадская Л.Н. Механизм реализации права. М.: Наука, 1992. С. 11-26.

[7] См., напр.: Казимирчук В.П. Социальное действие права в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. С.11-12.

система. Удачно подметил эту взаимосвязь В.А.Сапун: "... механизм правореализации представляет собой относительно самостоятельную правовую подсистему механизма правового регулирования, блок правовых средств, при помощи которых объективное и субъективное право претворяется в жизнь, воплощается в фактическом поведении субъектов"[1]. Не вдаваясь в анализ приведенного определения, следует еще раз подчеркнуть, что в теории права традиционно дается характеристика реализации объективного права как воплощения в жизнь системы норм, закрепленных правил поведения.

Изучению механизма реализации права в ***субъективном смысле***, как меры возможного и дозволенного поведения, в юридической литературе уделено значительно меньше внимания, причем оживился этот процесс лишь в последние годы. По всей видимости, связано это с теми кардинальными политическими изменениями, которые произошли в нашей стране, а также с принятием Конституции РФ 1993 г., провозгласившей приоритет человеческой личности.

Специфическое определение дает А.В. Ростовщиков, который под механизмом реализации субъективного права "в широком смысле" понимает "... социально обусловленный, психологически регулируемый и, что особо важно, законодательно предусмотренный комплекс согласованных действий прежде всего личности, как правообладателя, а также обязанных и других субъектов с целью получения заинтересованной личностью социального блага, опосредованного правом (свободой)"[2]. Отмечая безусловные достоинства этой дефиниции, такие как констатация наличия различного рода факторов, влияющих на реализацию права четко обозначенную цель, следует тем не менее указать на то, что вряд ли возможно рассматривать механизм как "комплекс действий". Скорее, это комплекс средств по достижению указанной цели. Такой вывод очевиден даже с точки зрения логического толкования категории "механизм": в случае использования ее по прямому назначению мы говорим "действие механизма". Если встать на позицию И.В. Ростовщикова и раскрыть понятие механизма с помощью данного им определения, получается "действие действий", что является тавтологией.

---

[1] Сапун В.А. Охранительные правовые средства в обеспечении реализации советского права // Охранительный механизм в правовой системе социализма: Межвуз. сб. Красноярск, 1989. С. 197.

[2] Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 64.

К тому же определение И.В. Ростовщикова представляется явно неполным с точки зрения его содержания, перечисления элементов, его составляющих. Так, не сказано о юридических фактах, которые представляют собой основу механизма правореализации, гарантиях, пределах реализации права и т.д.

В большей степени отвечает нашей точке зрения определение механизма субъективной правореализации, принадлежащее А.В.Олефиренко, который рассматривает его в виде "... системы социальных связей, согласования действий субъектов права, системы условий и средств осуществления прав, свобод и законных интересов личности"[1]. Однако и это определение нуждается в большей конкретизации, приведении всех обязательных составляющих механизм элементов.

Понятие механизма реализации субъективных прав, к сожалению, дается в советской и российской правовой науке только в рамках общей теории права, в отраслевых правовых дисциплинах эта проблема практически не исследовалась, основное внимание, как правило, сосредоточено на такой форме реализации права, как применение норм той или иной отрасли[2].

Не предпринималось попыток сформулировать понятие механизма реализации субъективных прав и в науке уголовного процесса, в том числе и применительно к процессуальной фигуре подозреваемого. Анализ останавливался, как правило, на отдельных элементах этого механизма (права и обязанности, юридические факты, гарантии и т.д.).

В связи с этим представляется возможным изложить собственное видение этой проблемы с учетом того, что механизм реализации прав подозреваемого – это понятие более конкретное и находится на более низком уровне по сравнению с общетеоретическим понятием механизма реализации субъективных прав и применительно к механизму реализации субъективных прав субъектам уголовного процесса в целом.

Так, по нашему мнению, под механизмом реализации прав подозреваемого в уголовном процессе следует понимать сложную систему правовых отношений, создающую подозреваемому возможность достижения своих законных интересов в ходе предварительного расследования путем использования субъективных прав в форме правомерного поведения, содержащего предусмотренные уголовно-процессуальным

---

[1] Олефиренко А.В. Социальные факторы реализации права: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1989. С.18.

[2] См., напр.: Зусь Л.Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1984. С. 92-98.

законом средства, способы и пределы действия, при условии наличия соответствующих юридических фактов, гарантий, исполнении своих обязанностей государственными органами и должностными лицами и обеспечении, в случае необходимости, правовой защиты осуществления прав подозреваемого.

Таким образом, механизм реализации прав подозреваемого в самом общем виде – это арсенал, набор правового инструментария, с помощью которого права подозреваемого претворяются в жизнь, достигают позитивного результата, своей конкретной цели, диктуемой обстоятельствами уголовного дела.

Механизм реализации прав подозреваемого и собственно реализация соотносятся между собой как статика и динамика: реализация - это "жизнь" механизма, это механизм в действии, это использование в деле правовых инструментов, которые дают в руки подозреваемому его субъективные права, зафиксированные в нормах уголовно-процессуального права.

Не познав в статике правовые средства, составляющие механизм реализации прав подозреваемого, невозможно верно предположить их действие, места вероятных ошибок, пути и методы совершенствования уголовно-процессуального законодательства, практические рекомендации правоприменителям, направленные на недопущение правовых ошибок, ограничение и ущемление прав и законных интересов граждан.

Разумеется, при реализации различных прав подозреваемого могут быть задействованы самые разные элементы механизма реализации, причем в самом различном соотношении: в каких-то случаях решающее значение имеет исполнение правоприменительными органами своих обязанностей; в других - обязательно наличие каких-то дополнительных юридических фактов или фактических составов; в третьих - вырастает роль определенного вида гарантий; в четвертых - требуется защита нарушенного права для обеспечения возможности его реализации и т.д.

Однако именно названные в приведенном выше определении элементы механизма реализации прав подозреваемого составляют его жесткую структуру, обеспечивают универсальность и многовариантность действия.

Представляется необходимым назвать каждый из указанных элементов, показав механизм реализации прав подозреваемого по составляющим.

1. *Субъектами правоприменительной деятельности* по обеспечению реализации прав подозреваемого являются государственные органы и должностные лица, на которых законом возложена обязанность производства

предварительного расследования с соблюдением всех процессуальных норм либо надзора за предварительным расследованием. В категорию субъектов правоприменительной деятельности включаются *лицо, производящее дознание, орган дознания, следователь, начальник следственного отдела, прокурор, суд, судья*.

2. *Обязанности субъектов правоприменительной деятельности*, которые закреплены в нормах уголовно-процессуального законодательства и носят строго юридический характер, должны быть направлены на выполнение задач уголовно-процессуальной деятельности и по возможности зеркально корреспондировать правам подозреваемого.

3. *Субъект реализации прав* - сам подозреваемый. Это исходный, ведущий и необходимый элемент системы механизма. При отсутствии у лица статуса подозреваемого говорить о реализации его прав невозможно, она исключена. Именно поэтому важно своевременное признание лица подозреваемым. Именно поэтому существующую практику участия лица, в отношении которого имеются подозрения в причастности к преступлению, в процессуальном статусе свидетеля следует признать незаконным лишение лица принадлежащих ему прав.

4. *Немедленно после объявления* лицу о признании подозреваемым у него появляются права подозреваемого. Все *права подозреваемого* носят юридический характер, т. е. сформулированы и закреплены в нормах уголовно-процессуального законодательства или Конституции РФ.

5. *Юридические факты*, т. е. "... конкретные жизненные обстоятельства, вызывающие в соответствии с нормами права наступление тех или иных правовых последствий - возникновение, изменение или прекращение правового отношения"[1]. В механизме реализации прав подозреваемого юридические факты играют роль "выключателя света" или "замка зажигания", запускающего в действие весь механизм.

6. Действие механизма реализации прав подозреваемого должно происходить только *в рамках правомерного поведения* подозреваемого. В.В.Оксамытный определяет правомерное поведение как "... поведение субъекта, совпадающее с требованиями права; соответствующее правовым предписаниям; не противоречащее нормам права; не запрещенное правом; требуемое правовой нормой"[2]. Ни одно право подозреваемого,

---

[1] Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. С.10.

[2] Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 21.

как предполагаемое, так и реально имеющееся, не должно реализовываться незаконными действиями.

7. В ходе реализации своих прав подозреваемый может использовать только те *средства*, которые предусмотрены законом, и не только уголовно-процессуальным.

8. *Способы использования* правовых средств при достижении подозреваемым своих законных интересов должны отвечать требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом.

9. Правомерное поведение подозреваемого будет таковым до тех пор, пока не выйдет за установленные законом *пределы реализации прав*.

10. Эффективное действие уголовно-процессуального механизма реализации прав подозреваемого возможно только при наличии *гарантии осуществления прав*, создающих благоприятные, гарантированные возможности для достижения своих законных интересов любым подозреваемым.

11. Целью действия исследуемого механизма является цель субъективного права - *достижение законных интересов подозреваемого на предварительном расследовании*. Интересы подозреваемого, не охраняемые законом (например, стремление уклониться от уголовной ответственности за совершенное преступление), не являются целью функционирования механизма реализации прав подозреваемого, его юридический инструментарий не может использоваться для достижения подобных целей.

12. Дополнительным, далеко не всегда используемым, но тем не менее обязательно присутствующим в системе механизма реализации прав подозреваемого элементом является правовая *защита нарушенных прав*. Это своего рода "аварийный клапан" в рассматриваемом механизме: при нормальной работе он не нужен, но эксплуатация системы без него не допускается.

13. И наконец, связующей материей, соединяющей воедино в ходе использования по назначению все элементы механизма реализации прав подозреваемого, являются самые многообразные и многоплановые *уголовно-процессуальные правовые отношения*. В связи с тем значением, которые имеют правоотношения в механизме реализации прав, представляется, необходимым указать их в качестве самостоятельного элемента, несмотря на то, что их составные части (субъект, объект, права, обязанности) уже фигурируют в качестве элементов исследуемого механизма. Так, подозреваемый одновременно является субъектом правореа-

лизации и множества возникающих в ходе ее правоотношений; права подозреваемого и обязанности следователя в целом – элементы механизма правореализации; взятые в отдельности пары конкретное право подозреваемого и соответствующая обязанность следователя составляют содержание отдельного правореализационного правоотношения.

Следует отметить, что эффективное функционирование механизма реализации прав подозреваемого, выполнение им своей роли в общем механизме действия права возможны только в том случае, если все его элементы действуют в системе, т. е. в состоянии взаимосвязи и взаимодополняемости, логической последовательности и непротиворечивости.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ, ОБВИНЯЕМЫМ

А.Н. Попов

Актуальность вопросов применения мер уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым обусловлена тенденцией продолжающегося роста преступности несовершеннолетних и, как следствием, увеличением количества дел о преступлениях несовершеннолетних, возбуждаемых и расследуемых следователями.

В соответствии со ст.394 УПК РСФСР к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым может быть применена мера пресечения в виде отдачи под присмотр родителей, опекунов, попечителей. Формальными предпосылками избрания данной меры пресечения являются наличие у несовершеннолетних родителей или лиц, их заменяющих, а также согласие этих лиц осуществлять присмотр за подростком, привлекаемым к уголовной ответственности.

В практике предварительного следствия несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) отдают под присмотр родителей крайне редко, примерно по 1% уголовных дел. Такое отношение следователей к данному виду мер пресечения показывают также и результаты моего анкетирования следователей, расследующих дела о преступлениях несовершеннолетних органов внутренних дел Красноярска, Минусинка и Абакана, проведенного мною в 1999 г. Просьбу "Пронумеруйте четыре, на Ваш взгляд, наименее эффективные меры пресечения, применяемые к несовершеннолетним, по возрастающей от наиболее эффективной к наименее эффективной" анкетируемые выполнили следующим образом: 30 % анкетируемых поставили отдачу под присмотр на 3-е место, 60 % - на 4-е место и 10 % следователей "увлеклись" и поставили данную меру пресечения на 5-е и 6-е места. Объясняется это не только тем, что процедура избрания названной меры пресечения в сравнении с подпиской о невыезде усложнена. Значительное число подростков, привлекающихся к уголовной ответственности, воспитывается в неблагополучных семьях, и отдавать их под присмотр просто некому.

К числу наиболее существенных процессуальных особенностей производства по делам несовершеннолетних относятся ограничение воз-

можности задержания подростков, подозреваемых в совершении преступлений, а также избрание меры пресечения — заключения под стражу. Обе меры процессуального принуждения допускаются при наличии соответствующих оснований только тогда, когда это вызывается тяжестью совершенного преступления (ст. 393 УПК РСФСР).

По делам о преступлениях несовершеннолетних, несмотря на названное ограничение закона, задержание подозреваемых и заключение под стражу в качестве меры пресечения применяются довольно часто. Так, следователями ОВД Красноярского края в 1996 г. были задержаны на основании ст. 122 УПК РСФСР 27 % несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности; в 1997 г. — 40 и в 1998 г. — 39 %. Из них арестованы соответственно в 1996 г. - 40,5%, в 1997 г. - 36 и в 1998 г. - 51% несовершеннолетних.

На вопрос "Какие меры пресечения в отношении несовершеннолетнего Вами, как правило, избираются? (Укажите две наиболее часто применяющиеся)" в процессе опроса следователей по делам несовершеннолетних Красноярского края, Республики Хакасия и Томской области, проведенного автором в 1999г., 78% опрошенных назвали "заключение под стражу", 89 % - подписку о невыезде и 11 % - личное поручительство.

Анализ показал, что положение закона об исключительности задержания и ареста несовершеннолетних не всегда единообразно толкуется следователями и прокурорами. В ходе опроса следователей Красноярского края, Томской области, Республики Хакасия, проведенного автором в 1999 г., на вопрос "Что Вы понимаете под исключительными случаями заключения под стражу несовершеннолетних?" ответ "Когда совершено одно из тяжких преступлений, перечень которых дан в уголовном законе" дали 28,2 % опрошенных; когда совершено одно из преступлений, за которые лицо может быть арестовано по мотивам одной лишь опасности этого преступления, – 12,5 %; повторно совершено общественно опасное деяние, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет – 29,2 %; существует реальная (доказанная) опасность противоправного поведения несовершеннолетнего, и его надлежащее поведение не может быть обеспечено другими мерами пресечения – 70,8; установлены обстоятельства, отрицательно характеризующие личность несовершеннолетнего обвиняемого, свидетельствующие о его стойкой антиобщественной направленности, – 29,1 %.

Как видно, процент тех, кто считает, что исключительность случа-

Как видно, процент тех, кто считает, что исключительность случаев обусловлена возможностью противоправного поведения несовершеннолетнего и неэффективностью других мер пресечения весьма значительный, что, на взгляд автора, достаточно ярко свидетельствует, что "термин исключительность" нужно понимать как невозможность другими мерами пресечения достигнуть их целей. Данное положение необходимо закрепить в УПК, чтобы исключить часто необоснованные случаи применения данных мер принуждения к несовершеннолетним.

ОТНОШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

М.К. Свиридов

Из текста ст. 123 Конституции РФ, закрепляющей принцип состязательности, можно сделать вывод о том, что указанный принцип распространяет свое действие только на судебное разбирательство и не касается предварительного расследования. Однако такой вывод вряд ли будет правильным.

Действительно, в полном объеме состязательность может быть реализована в судебном производстве, однако непременным условием состязательности является равенство сторон - обвинения и защиты, что, кстати, также закреплено в упоминаемой ранее статье Конституции РФ. Равенство же главным образом выражается в следующем: обе стороны должны быть снабжены для состязания вполне достаточным для этого набором доказательств. Собирание доказательств по российскому уголовному процессу осуществляется на предварительном расследовании. Значит, для успешного состязания в суде еще до судебного разбирательства, во время расследования, обеим сторонам должны быть созданы максимальные условия для получения ими необходимого набора доказательств. Таким образом, принцип состязательности, предназначенный в основном для судебного разбирательства, оказывает влияние и на предварительное расследование.

Что касается одной стороны - прокурора-обвинителя, то для собирания доказательств в его распоряжении находятся снабженные всеми властными полномочиями следственный и оперативно-розыскной аппараты.

Положение же в процессе собирания доказательств другой стороны - защиты (защитника) - совершенно иное. По действующему УПК, защитник, по существу, имеет одну реальную возможность собирать необходимые ему доказательства: через следователя, путем заявления последнему ходатайств, которые оцениваются следователем и могут быть как удовлетворены, так и отклонены. Таким образом, собирание доказательств защитником поставлено под контроль следователя, что

при наличии в действующей следственной практике обвинительного уклона значительно затрудняет возможности защитника получить еще до суда необходимый ему для будущего состязания набор доказательств. Это, на мой взгляд, является одной из главных причин наблюдаемого в деятельности защитников в судах некоторого искажения выполнения их задач: вместо состязания путем представления суду оправдательных доказательств, необходимым набором которых защитник не обладает, он в основном сосредоточивает усилия на отыскании ошибок следователя.

Проект нового УПК РФ вносит в анализируемую ситуацию серьезные изменения. Во-первых, четко определяется сущность деятельности следователя - он должен быть органом уголовного преследования. Именно такое определение функции следователя целесообразно поддержать, поскольку существующее положение, при котором следователь является одновременно и органом уголовного преследования, и защитником, собирая и те и другие доказательства (ст. 20 УПК РСФСР), противоречит законам психологии и порождает обвинительный уклон.

Во-вторых, проект нового УПК РФ существенно расширяет возможности защитника собирать необходимые ему доказательства до суда, при расследовании. Защитник вправе будет опрашивать граждан, отыскивать предметы и документы, требовать от организаций и лиц представления предметов и документов, получать заключения специалистов.

Казалось бы, проект УПК РФ дает все возможности обеим сторонам - обвинителю и защитнику - еще в досудебном производстве получить необходимый им набор доказательств и тем самым хорошо подготовиться к будущему судебному состязанию.

Однако более глубокое изучение убеждает, что это не так. Главный недостаток закрепляемой проектом УПК РФ конструкции видится в следующем: в отличие от хорошей регламентации деятельности следователя, предлагаемые проектом УПК РФ, как уже было показано, довольно широкие полномочия защитника по собиранию доказательств никак не подкреплены механизмом их реализации. Без отсутствия же такового они могут остаться благим пожеланием, не имеющим возможности претвориться в жизнь. В частности, не проработана основа механизма: с помощью каких полномочий защитник будет собирать доказательства, если встретит в этом противодействие либо даже простое нежелание обладателей доказательственной информации сотрудничать с защитником? Известно, что собирание доказательств часто сопровожда-

ется применением принуждения, которое и использует следователь, наделенный властными полномочиями. Проект УПК РФ никакими властными полномочиями защитника не наделяет.

Но упрекать проект УПК РФ за это нельзя. В отличие от следователя защитник - не должностное лицо, не государственный служащий, и наделять его властными полномочиями недопустимо.

Таким образом, предполагаемые проектом УПК РФ довольно широкие полномочия защитника по самостоятельному собиранию доказательств могут быть реализованы при одном условии: если есть добровольное согласие обладающего доказательственной информацией лица (либо организации) сотрудничать с защитником. Если согласия нет (а можно предположить, что таких случаев будет немало), то защитник окажется бессилен собрать необходимый ему набор доказательств.

Видимо, предугадывая возможность появления данной ситуации, проект УПК РФ предлагает защитнику прибегнуть к уже испытанному способу: заявить ходатайство следователю. Однако этим мы вновь возвращаемся к положению, от которого стремится уйти УПК РФ: как и сейчас, защитник если не все, то часть (возможно, большую) доказательств будет собирать с помощью и под контролем следователя - органа уголовного преследования, с неизбежным появлением тех отрицательных последствий, о которых говорилось ранее.

Думается, что выход должен быть иным, нежели предлагаемый проектом УПК РФ. Как представляется, он может быть выражен и в следующих выводах.

Во-первых, следователь в своей деятельности должен быть освобожден от "двуликости", даже частичной. Он как субъект уголовного преследования должен собирать только обвинительные доказательства и осуществлять другие действия обвинительного характера (они хорошо закреплены в проекте УПК РФ).

Во-вторых, защитник как субъект функции защиты должен самостоятельно, используя предоставляемые ему права, собирать необходимые ему доказательства для последующего их использования в состязании с обвинителем в суде.

В-третьих, если защитник не сможет получать доказательства в силу отсутствия у него властных полномочий, ему должно быть предоставлено право обратиться за содействием к следователю. При этом следователь, в отличие от существующего положения, не должен оценивать целесообразность получения требуемого защитником доказательства, поскольку следователь - орган уголовного преследования. Следователь в

такой ситуации как обладатель властных полномочий должен выступить как властный исполнитель безвластного, но равного ему по закону субъекта - проще говоря, предоставить защитнику на время свои властные полномочия (естественно, с соблюдением всех предусмотренных законом для производства того или иного действия правил).

В-четвертых, поскольку суд (судья) предварительно, еще до судебного заседания оценивает всю совокупность доказательств (в стадии подготовки к судебному заседанию либо в порядке предварительного слушания), то все полученные самим защитником доказательства, так же как и полученные с помощью следователя, должен приобщаться к делу на стадии расследования. Причем следователь должен их приобщить к делу без всякой оценки (опять-таки потому, что он - орган уголовного преследования). Оценку приобщенных к делу доказательств будет давать суд.

К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ И РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В ОТСУТСТВИЕ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЕДЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

О.И. Андреева

Под лицами, в отношении которых ведется уголовное производство, имеются в виду подозреваемый (ст.52 УПК РСФСР), обвиняемый (ст.46 УПК РСФСР), подсудимый (ст.46 УПК РСФСР), правонарушитель - в производстве с протокольной формой досудебной подготовки материалов (гл. 34 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет права и обязанности указанных лиц, при этом в большей мере ограничивая те свободы, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, Декларации прав и свобод человека и гражданина[1], по сравнению с другими участниками процесса.

Однако законодатель не может не учитывать, что речь идет о лицах, виновность которых обсуждается, так как в соответствии с Конституцией Российской Федерации "каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке вступившим в законную силу приговором суда". В связи с этим встает вопрос о допустимых пределах вмешательства государства в лице его органов в частную жизнь и пределах правоограничения лиц, в отношении которых ведется уголовное производство.

В соответствии с действующим законом (ст.ст. 123, 146, 246, 415 УПК РСФСР) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и правонарушитель обязаны явиться по вызову органов предварительного расследования или суда. В случае неявки без уважительной причины законом предусмотрено применение таких мер принуждения, как привод, избрание или изменение мер пресечения.

При этом законодательством предусмотрены исключения из этого правила для обвиняемого и подозреваемого, такими являются:

- болезнь, лишающая возможности явиться;
- несвоевременное получение повестки;

---

[1] Декларация прав и свобод человека и гражданина // Российская газета. 1991. 25 дек. №284. С. 5-6.

- иные обстоятельства, лишающие возможности явиться в назначенный срок.

Таким образом, лицам, в отношении которых ведется судопроизводство, свобода в распоряжении обязанностью явиться на предварительное расследование не предоставлена в интересах уголовного судопроизводства.

Судебное же разбирательство возможно в отсутствие подсудимого, во-первых, по решению суда, если это не препятствует установлению истины по делу, когда:

- подсудимый находится вне пределов СССР (данное положение требует изменения в связи с распадом СССР) и уклоняется от явки в суд;
- по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие.

Законодатель предоставил право подсудимому распорядиться своей обязанностью, однако диспозитивность в данном случае имеет ограничения: суд вправе, если это необходимо для установления истины по делу, признать явку подсудимого обязательной, что безусловно является верным.

Рассмотрение дел в отсутствие обвиняемого было известно российскому уголовному судопроизводству. Уставом уголовного судопроизводства[1] (ст.60 Устава) было определено, что вызываемый по повестке обязан был явиться к разбору дела лично, но по делам о проступках, за которые в законе определено наказание не свыше ареста, он мог прислать вместо себя поверенного о чем делалась отметка в повестке. Однако мировому судье предоставлялось право и в этих случаях требовать личной явки обвиняемого, когда, по обстоятельствам дела, это было необходимым.

Таким образом, предоставлялась свобода в поведении по делам, не представлявшим большой общественной опасности (проступкам, за которые законом предусмотрено наказание не свыше ареста), в распоряжении обязанностью, однако это право в необходимых случаях также ограничивалось.

В Германии в отсутствие подсудимого рассматриваются дела о "маловажных проступках"[2].

---

[1] См.: Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской империи. 1876. С. 9.

[2] См.: Муравьев Н.В. Сокращенные способы разрешения маловажных уголовных дел в Германии и Австрии // Юридический вестник. 1887. Кн. 12. С. 598.

Полагаю, необходимо расширить перечень оснований предоставления подсудимому права распорядиться обязанностью явиться в суд, что является элементом диспозитивности.

Среди ученых-процессуалистов есть как сторонники, так и противники подобного положения вещей. В частности, В.З. Лукашевич подчеркивает, что отсутствие подсудимого в судебном разбирательстве всегда затрудняет или даже делает невозможным установление истины по делу в полном объеме, так как суд не может в этом случае получить, проверить и оценить показания подсудимого, а также приводит к урону индивидуализации наказания[1]. Думается, данное утверждение не бесспорно. Во-первых, суд, если отсутствие подсудимого делает невозможным установление истины, вправе признать явку обязательной (ст. 246 УПК РСФСР); во-вторых, подсудимый ранее уже допрашивался, будучи обвиняемым (по делам публичного и частно-публичного обвинения); в-третьих, отсутствие подсудимого возможно только по его ходатайству; в-четвертых, не исключается возможность обжаловать приговор суда. Что же касается дел частного обвинения и протокольной формы досудебной подготовки материалов, то необходимо предоставить:

- по делам частного обвинения - право лицу, в отношении которого ведется производство, по его ходатайству, на рассмотрение дела в его отсутствие, причем необходимо при этом выяснить намерения по поводу примирения;

- по делам с протокольной формой досудебной подготовки материалов суду необходимо предоставить право в случае необходимости признать явку обязательной, что объясняется большей общественной опасностью данной категории дел по сравнению с делами частного обвинения.

Вопрос об участии осужденного в судебном заседании при рассмотрении дела в кассационном порядке, согласно закону (ст. 335 УПК РСФСР), разрешается этим судом, однако явившийся на судебное заседание осужденный или оправданный во всех случаях допускается к даче объяснений, причем согласно ст. 336 УПК РСФСР лица, подавшие кассационные жалобы, должны быть извещены о дне рассмотрения дела в кассационном порядке, однако Верховный Суд РСФСР извещает о дне

---

[1] См.: Лукашевич В.З. За дальнейшую демократизацию деятельности суда по осуществлению правосудия // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. Калининград, 1990. С. 28-34.

рассмотрения дела в кассационном порядке тех участников процесса, которые просили об этом в жалобе.

Полагаю, что право суда на заочное рассмотрение дела и решение по собственному усмотрению вопроса об участии осужденного препятствует осуществлению конституционных прав на судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи, на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Вопрос об участии осужденного должен быть отдан на усмотрение осужденного, и только он сам может распорядиться предоставленным ему правом. На этой позиции находится и Конституционный Суд Российской Федерации[1].

Участие подсудимого в судебном разбирательстве по делу частного обвинения также особо не регламентируется, на него распространяется общее правило, предусмотренное ст.ст. 246, 247 УПК РСФСР, т. е. явка подсудимого в суд обязательна, за исключением случаев, допускающих разбирательство дела в отсутствие подсудимого, предусмотренных законом. Суд вправе подвергнуть неявившегося подсудимого приводу, а равно избрать меру пресечения. Данное положение представляется не совсем правильным. На мой взгляд, подсудимому необходимо в подобном случае предоставить большую свободу. Так, неявку подсудимого без уважительных причин можно считать согласием с обвинением, содержащимся в жалобе. И если по материалам, имеющим место в деле, по доказательствам, представленным в суд, возможно рассмотрение дела в отсутствие подсудимого, если потерпевший настаивает на привлечении к уголовной ответственности причинившего вред, т. е. нет отказа от жалобы, то судья, полагаю, может вынести решение по существу дела.

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ №27-П от 10.12.1998 г. "По делу о проверке конституционности ч.2 ст.335 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина".

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ "ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЛИЦА" В ХОДЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

А.В. Кулешов

1. В практике расследования часто имеется необходимость привлечь к производству экспертизы лиц, которые не являются подозреваемыми в процессуальном смысле и которым также не предъявлено обвинение. Необходимо это потому, что, назначая экспертизу, следователь заинтересован в том, чтобы перед экспертом сразу же были поставлены все вопросы, требующие выяснения, и эксперту были представлены все необходимые материалы. В этом также заинтересованы лица, по поводу действий которых эта экспертиза проводится. Эти лица могут представить в распоряжение эксперта сведения, документы, имеющие существенное значение для дела и отсутствующие в первичном материале.

Отрицательными последствиями проведения экспертизы без участия "заинтересованного лица" является то, что после привлечения этих лиц в качестве обвиняемых, следователю приходится проводить дополнительную или повторную экспертизу, проверять те или иные версии или доказательства, вновь вызывать и допрашивать свидетелей, что связано с увеличением сроков предварительного следствия и увеличением судебных издержек. До окончания производства экспертизы невозможно также выяснить, кто должен быть привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу (например, при аварии на транспорте с участием нескольких водителей, нарушениях техники безопасности и т.д.). От результатов экспертизы в значительной степени зависит решение вопроса о привлечении конкретных лиц к уголовной ответственности, а нередко и сама судьба уголовного дела, поскольку значительное количество таких уголовных дел прекращается сразу же после проведения экспертизы. Предъявление же обвинения до производства экспертизы может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности[1]. Однако действующий сегодня уголовно-процессуальный кодекс не

---

[1] См.: Чувилев А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу. М., 1982. С. 14; Дулов А.В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С.18. Виноградов И.В., Кочаров В.И., Селиванов Н.А. Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967. С. 24; Селиванов Н.А. Спорные вопросы судебной экспертизы //Соц. законность. 1978. № 5.

содержит каких-либо указаний на права "заинтересованного" лица в ходе производства экспертизы, не нашла своего отражения эта проблема и в проекте нового уголовно-процессуального кодекса России.

2. Несмотря на неурегулированность в уголовно-процессуальном законодательстве участия "заинтересованного" лица в ходе производства экспертизы можно констатировать, что следственная практика идет по пути предоставления этим лицам права знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и ходатайствовать о включении в постановление дополнительных вопросов. В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению П. и К. в преступлении, предусмотренном ст. 264, ч. I, УК РФ. Указанное дело было возбуждено по факту столкновения двух автомобилей, один из которых врезался в третий автомобиль, в результате чего трем пассажирам был причинен вред здоровью средней тяжести. Водители П. и К. были ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы, и им была предоставлена возможность делать замечания, хотя на момент ознакомления с постановлением к ним не применялось мер пресечения и не предъявлялось обвинение. П. и К. обвинение было предъявлено только после получения заключения автотехнической экспертизы[1].

Авторы методических пособий по расследованию нарушений техники безопасности или работ, специально посвященных проведению экспертизы, также рекомендуют привлекать к проведению экспертизы "должностных лиц, которые по роду службы заинтересованы в исходе дела", "должностных лиц, чьи действия проверяются" и т. д., но не упоминают о процессуальном положении этих лиц и об их правах[2].

3. Отсутствие регламентации в законодательстве и рекомендаций в юридической литературе о том, в какой форме "заинтересованное" лицо может быть привлечено к производству экспертизы, ставит в затруднительное положение работников следственных органов. Участие в экспертизе лиц, заинтересованных в ее результатах, нередко зависит от усмотрения следователя и осуществляется в самых разнообразных формах: либо эти лица привлекаются как свидетели или подозреваемые, либо в следственных документах вообще не указывается, в качестве кого их привлекают, но права, которыми пользуется обвиняемый при назначении экспертизы, им предоставляются[3].

---

[1] См.: Архив Окрябрьского суда г. Томска, уголовное дело № 1-225/98.

[2] См.: Браинин М.С., Куранова Э.Д., Косоплечев Н.П. Расследование преступных нарушений правил по технике безопасности. М., 1958. С. 68.

[3] См.: Чувилев А. Проведение экспертизы до предъявления обвинения

Между тем данный вопрос представляется важным с точки зрения обеспечения прав личности в ходе расследования по уголовному делу. Любое участие гражданина в уголовном судопроизводстве должно проходить в определенной процессуальной форме. Как обоснованно отмечается в уголовно-процессуальной литературе, процессуальная форма "...содержит гарантии прав и законных интересов граждан - обвиняемого, а также потерпевшего и иных лиц, привлеченных к делу или интересы которых затрагиваются в процессе производства[1].

Участвуя в производстве экспертизы вне процессуальной формы, заинтересованное лицо не может знать, на какое поведение следователя оно может рассчитывать, какими правами и обязанностями оно обладает в этом случае. Здесь, как нам представляется, возникает ряд вопросов:

1. Если следователь не счел необходимым ознакомить заинтересованное лицо с постановлением о назначении экспертизы, но оно ходатайствует о таком ознакомлении, обязан ли следователь удовлетворить такое ходатайство?

2. Вправе ли такое лицо обжаловать отказ следователя в удовлетворении этого ходатайства?

3. Если следователь все же привлекает заинтересованное лицо к производству экспертизы, вправе ли такое лицо присутствовать при производстве экспертного исследования?

4. Обязан ли следователь ознакомить это лицо с заключением эксперта, если оно получено до предъявления обвинения этому лицу?

5. Может ли заинтересованное лицо пригласить адвоката для оказания юридической помощи в момент ознакомления с постановлением о назначении экспертизы (заключением эксперта)?

Данный список можно было бы продолжить. Суть не в этом. Суть заключается в том, что если лицо участвует в уголовном судопроизводстве, то оно должно обладать определенным, четко обозначенным в законе правовым статусом.

4. По вопросу о том, в какой форме может принять участие в производстве экспертизы заинтересованное лицо, в уголовно-процессуальной литературе единства мнений также не достигнуто. Учеными-процессуалистами этот вопрос решается по-разному. Например, А.В. Дулов и А. Чувилев считают, что это лицо должно признаваться подоз-

---

//Соц. законность. 1968. № 11.

[1] См.: Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 12.

реваемым[1]. П.К. Пошунас, напротив, считает, что такое лицо может привлекаться к производству экспертизы только в качестве свидетеля[2]. Другие авторы пишут, что целесообразно допускать к участию в проведении экспертизы даже лиц, не привлеченных в качестве подозреваемых и обвиняемых, но в отношении которых ведется расследование, но не указывает, в каком качестве оно должно быть привлечено и какими правами должно обладать[3]. Однако, на наш взгляд, подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что, исходя из существующей в настоящее время в уголовном процессе классификации его участников, лицо, по поводу действий которого назначена экспертиза и которое привлечено к ее производству, не может быть отнесено к какому-либо участнику уголовно-процессуальной деятельности.

Однако в законе, безусловно, необходимо определить и закрепить процессуальное положение лица, по поводу действий которого назначена экспертиза и которое привлечено к ее проведению. Каков же должен быть правовой статус этого лица? По мнению отдельных авторов, при определении процессуального статуса участвующих в деле лиц необходимо исходить из того, в каких интересах они действуют - личных или публичных. Если лицо защищает в уголовном деле личный интерес, то его поведение следует регулировать посредством предоставления права; когда же оно действует в публичных интересах (лицо, ведущее расследование, эксперт, переводчик и др.), то на него возлагаются юридические обязанности[4].

Лицо, которое привлечено к производству экспертизы, имеет личную заинтересованность в ее результатах и поэтому должно обладать закрепленными в законе правами в ходе ее производства. По нашему мнению, в этом случае оно должно обладать всеми правами обвиняемо-

---

[1] См.: Дулов А.В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С. 119; Чувилев А. Проведение экспертизы до предъявления обвинения //Соц. законность. 1968. С. 42; Он же. Привлечение следователем и органом дознания подозреваемого по уголовному делу. М., 1982. С. 15.

[2] См.: Пошунас П.К. Правоотношения, складывающиеся при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы // Сборник научных работ. 1975. Вып. 5. С. 22.

[3] См.: Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 18; Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Использование специальных познаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С.71.

[4] См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть /Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 94-95.

го (по проекту УПК РФ - потерпевшего, подозреваемого). Указанное лицо не является обвиняемым, но в случае его привлечения к производству экспертизы оно должно обладать всеми его правами, установленными ст.184 и ст.185 УПК РСФСР. Возникает вопрос, с какого же момента это лицо должно пользоваться данными правами?

Думается, таковым моментом должно быть ознакомление данного лица следователем с постановлением о назначении экспертизы. Именно с этого момента данное лицо должно пользоваться указанными правами - ставить дополнительные вопросы, участвовать в выборе эксперта, присутствовать с разрешения следователя в ходе ее производства и т.д. Следует подчеркнуть, что участие заинтересованного лица в ходе производства экспертизы - право, но не обязанность и поэтому должно зависеть от волеизъявления этого лица.

В связи с изложенным указанная проблема должна быть решена на законодательном уровне. Ее разрешение видится в дополнении ст. 185 УПК РСФСР (ст. 215 проекта УПК РФ) следующим содержанием: "Также с добровольного согласия с постановлением о назначении экспертизы может быть ознакомлено и лицо, не являющееся подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим. В этом случае в ходе проведения данной экспертизы указанное лицо располагает всеми правами этих участников, в том числе пользоваться услугами адвоката".

Указанное дополнение уголовно-процессуального закона будет служить более надежной защите законных прав и интересов граждан в уголовном процессе Российской Федерации.

ВМЕНЯЕМОСТЬ ОБВИНЯЕМОГО КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Т.А. Мурышкина

1. Уголовное законодательство, устанавливая и раскрывая один из составляющих элементов субъекта преступления (возраст), умалчивает о втором, а именно о вменяемости. В ст.19 УК РФ говорится, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Далее в ст.20 УК РФ идет подробное разъяснение и раскрытие понятия возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Определения вменяемости УК РФ не содержит, и в ст.21 УК РФ определяется только невменяемость.

Одно из наиболее удачных определений вменяемости, на наш взгляд, дал еще в 1983 г. Р.И. Михеев, оно сводится к следующему: «Вменяемость есть способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими, обусловливающая возможность лица признаваться виновным и нести уголовную ответственность за содеянное, т. е. юридическая предпосылка вины и уголовной ответственности».

2. Вменяемость - это состояние психики человека, при котором имеется способность понимать не только фактическую сторону своих поступков, но и социальную их значимость и при этом сознательно руководить своими действиями, что свойственно только психике здоровых и умственно полноценных людей. Сознание и воля – психические функции, определяющие поведение человека. Они всегда обусловлены объективной действительностью, условиями материальной жизни общества, общественной средой, в которой находится человек. Но окружающий мир фатально не определяет поступки людей. Воздействие внешних обстоятельств на человека всегда проходит через его сознание. Человек, как мыслящее существо, принимая соответствующее решение, способен оценить фактические обстоятельства, при которых он действует, характер и значение последствий своих действий и сознательно использовать

свое поведение для достижения каких-либо целей, т. е. выбрать определенный характер своего поведения.

Способность понимать совершаемое и принимать осознанное решение служит основанием для признания лица виновным в совершении умышленного или неосторожного преступления, на чем основывается его обязанность отвечать перед государством за свои поступки. Вменяемость является предпосылкой вины.

3. Лицо, находящееся в состоянии невменяемости, не является субъектом уголовного права и не подлежит уголовной ответственности, а совершенное им деяние не может считаться преступным, представляя собой общественно опасное деяние душевнобольного, к которому могут быть применены лишь меры медицинского характера в соответствии со ст. ст. 97-104 УК РФ.

4. Многочисленные исследования, проводимые юристами совместно с психиатрами, привели к тому, что в УК РФ 1996 г. была включена новая статья, имеющая непосредственное отношение к проблеме так называемой ограниченной вменяемости. С введением ст. 22 УК РФ в российской уголовно-правовой системе появился новый субъект преступления - лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Эта фигура занимает промежуточное положение между вменяемым, подлежащим уголовной ответственности, и невменяемым, уголовной ответственности не подлежащим. Вместе с тем вменяемость лица "отягчена" психическим расстройством, которое, в отличие от расстройства, характерного для невменяемых, не носит патологического характера, т. е. не является болезнью. Это принципиальное и в сущности единственное отличие невменяемого от лица с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Психическая патология или психическая болезнь расстраивает психику таким образом, что лицо вообще не способно сознавать общественно опасный характер своих действий или руководить ими. Психическое расстройство, не являющееся патологией, оказывает несколько "смягченное" воздействие на психику - субъект может сознавать общественно опасный характер своего поведения или руководить им, но в силу соответствующих нервных процессов он не в состоянии делать это в полной мере, что характерно для полностью вменяемого лица. При этом следует прежде всего иметь в виду, что возможность субъекта осознавать фактический характер своих поведенческих реакций и их общественную опасность затруднена не вообще, а лишь в конкретном случае совершения противоправного деяния.

Исходя из принципа справедливости, законодатель к таким лицам обязывает проявлять снисхождение, т. е. учитывать данный факт при назначении наказания. Ограничение у лиц с психической аномалией возможностей саморегуляции, выбора альтернатив преступному поведению не позволяет возложить на субъекта преступного деяния виновную ответственность за ту часть снижения социального контроля, которая обусловлена или связана с влиянием данной аномалии психики.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАЩИТНИКОМ ХОДАТАЙСТВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Ясельская

Заявление защитником ходатайств, направленных на собирание доказательств, имеет большое значение для установления истины по делу и более эффективного осуществления защиты. Обоснованные ходатайства помогают следователю и суду восполнить недостающими материалами дело, углубить его, поскольку в ходе осуществления действий по заявленным ходатайствам могут быть выявлены важные обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его наказание.

Заявление защитником ходатайств, направленных на собирание доказательств, является одним из путей установления им обстоятельств, оправдывающих подзащитного. Действующим УПК РСФСР защитник не наделен правом самостоятельно совершать процессуальные действия, направленные на получение доказательств. Заявляя то или иное ходатайство, направленное на собирание доказательств, он предполагает, какие обстоятельства и каким способом можно выявить. Роль следователя, суда состоит в том, чтобы решить вопрос о необходимости разрешения ходатайства и в случае его удовлетворения, совершить процессуальные действия, указанные защитником. Таким образом, инициатива в данном случае исходит от адвоката-защитника, а орган власти исполняет его прошение.

В случае наделения защитника правом самостоятельно собирать доказательства эта форма участия защитника в собирании доказательств должна играть не меньшую роль, поскольку у защитника нет властных полномочий и соответствующих материальных ресурсов. Следователь, орган дознания, прокурор, суд должны содействовать адвокату-защитнику в осуществлении его функций. Это содействие может оказываться лишь посредством разрешения тех или иных ходатайств. Поэтому необходимо создать механизм обеспечения данного вида деятельности защитника.

Круг ходатайств, которые может заявлять защитник, законом исчерпывающе не определен. В ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР закреплено право защитника с момента допуска к участию в деле заявлять ходатайства. Некоторая кон-

кретизация ходатайств, которые может заявлять защитник, имеется в п. 1 ст. 131, п. 4 ст. 202, ст. 223 УПК РСФСР (о производстве следственных действий: о вызове и допросе свидетелей, производстве экспертиз, об истребовании и приобщении к делу доказательств и др.).

На практике защитники заявляют разнообразные ходатайства. Это в основном ходатайства о производстве следственных действий, об истребовании предметов и документов у предприятий, организаций и граждан и приобщении их к делу, о сборе дополнительного характеризующего материала на потерпевших, свидетелей и обвиняемых, о принятии розыскных мер по установлению свидетелей.

Анализ уголовных дел показал, что не все защитники используют право на заявление ходатайств, направленных на собирание доказательств. Причинами низкой активности адвокатов-защитников, в частности, является несвоевременное получение ими информации, необходимой для заявления ходатайств (основное количество ходатайств, направленных на собирание доказательств, реально могут быть заявлены защитником лишь при ознакомлении с материалами дела).

Другой причиной низкой активности адвокатов-защитников является предвзятое отношение следователей к заявленным защитниками ходатайствам (большинство опрошенных адвокатов считают, что следователи предвзято относятся к их ходатайствам). О предвзятом отношении следователей свидетельствует также низкий процент удовлетворения ходатайств защитников. В основном постановления об отказе в удовлетворении ходатайств недостаточно обоснованы.

Подобное отношение следователей к заявленным защитниками ходатайствам объяснимо. В момент привлечения лица в качестве обвиняемого, тем более при принятии решения об окончании предварительного следствия, позиция следователя сформирована, и он становится связанным ей. В литературе правильно отмечается, что когда человек пришел к тому или иному выводу, он склонен отстаивать его и недооценивать аргументы противоположного характера. Необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств зачастую влечет за собой направление дела на дополнительное расследование.

Для устранения недостатков в рассмотрении и удовлетворении ходатайств на предварительном следствии необходимо более четкое правовое регулирование вопросов, связанных с разрешением ходатайств.

В соответствии с ч. 1 ст. 131 УПК РСФСР следователь не вправе отказать подозреваемому, обвиняемому и его защитнику и другим участникам процесса в производстве следственных действий по собиранию

доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела. Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что речь идет только о производстве следственных действий. Между тем понятие "ходатайства, направленные на собирание доказательств" шире. Это могут быть ходатайства об истребовании предметов и документов у предприятий, организаций и граждан, о проведении розыскных мероприятий, о производстве ревизии, документальной проверки и др. Во-вторых, вопрос о том, имеют ли значение для дела обстоятельства, об установлении которых ходатайствует защитник, решает следователь, что не исключает субъективного подхода к разрешению им ходатайств.

Разрешение ходатайств, несомненно, должно зависеть от усмотрения следователя, так как он является организатором следствия и должен решать сам, какие действия необходимо и целесообразно провести. Однако из этого правила должно быть исключение. Представляется, что ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании документов должны быть удовлетворены во всех случаях, аналогично тому, как это имеет место при рассмотрении ходатайств судьей (ч.3 ст. 223 УПК РСФСР). Также должны удовлетворяться во всех случаях ходатайства о включении дополнительных специалистов в состав комиссии для производства экспертизы и ходатайства о приобщении к делу представляемых защитником предметов и документов (оценивать представленные объекты с точки зрения их относимости, достоверности и допустимости должен суд). Это будет служить гарантией получения защитником интересующей информации.

Таким образом, представляется необходимым в УПК посвятить отдельную статью разрешению ходатайств на стадии предварительного расследования и изложить ее следующим образом:

"Следователь обязан рассмотреть и разрешить ходатайства, заявленные обвиняемым, подозреваемым и его защитником, а также потерпевшим и его представителем, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, об истребовании других доказательств, о включении дополнительных специалистов в состав комиссии для производства экспертизы, о приобщении к делу представляемых предметов и документов подлежат удовлетворению во всех случаях".

В УПК РСФСР не установлены сроки для рассмотрения следователем заявленных защитником ходатайств, а также сроки, отведенные для обжалования последним вынесенных следователем по этим вопросам постановлений.

Представляется необходимым установить в законе ряд сроков, которые дисциплинировали бы лиц, ведущих расследование, и способствовали своевременному и эффективному разрешению ходатайств.

Во-первых, необходимо установить срок для обоснования и подготовки текста ходатайства: в течение 3 суток после ознакомления с материалами дела, если защитником было сообщено следователю о том, что он намерен заявить соответствующее ходатайство.

Во-вторых, необходимо установить срок на рассмотрение соответствующего ходатайства. Оптимальные сроки на рассмотрение ходатайств предусмотрены в проекте УПК РФ. Так, в ст. 118 проекта УПК отмечено, что ходатайства подлежат рассмотрению и разрешению непосредственно после их заявления. В случае, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному при производстве дознания или предварительного следствия, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трех суток с момента его заявления[1].

В-третьих, в законе должен быть установлен срок на уведомление лица, заявившего ходатайство результатах его рассмотрения. В ч. 2 ст. 119 проекта УПК предусматривается для этого срок не более 5 суток[2]. Если адвокат-защитник заявляет ходатайство о производстве того или иного следственного действия, следователь одновременно с ответом о результатах рассмотрения ходатайства в случае, если они положительные, также должен сообщить о месте и времени производства следственного действия.

В-четвертых, в законе должен быть установлен срок на обжалование постановления следователя о полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства: 3-дневный срок. В течение этого срока дело не может быть направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения и передачи его в суд. Срок этот должен исчисляться с момента сообщения адвокату-защитнику об отказе в удовлетворении ходатайства, если последним при этом в устной или письменной форме было заявлено о намерении обжаловать постановление следователя.

---

[1]Проект УПК РФ, принятый в первом чтении Государственной Думой РФ.

[2] Там же.

ОТ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ К ЗАЩИТЕ КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ

О.В. Потокина

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РСФСР в качестве защитников могут допускаться представители профсоюзов и общественных организаций по делам членов этих объединений и по представлению ими соответствующего протокола, а также документа, удостоверяющего личность защитника. По постановлению Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ч.4 ст. 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова от 28.01.97г. (Российская газета. 1997. 18 февр.) представители профсоюзов и общественных организаций допускаются на предварительное следствие наравне с членами коллегий адвокатов, в отличие от иных лиц, предусмотренных законом, которые могут участвовать только со стадии судебного заседания.

Среди юристов существуют значительные разногласия по вопросу целесообразности самого института общественных защитников в уголовно-процессуальном праве. Его противники считают, что лишь квалифицированные профессионалы могут осуществлять защиту. Это мнение сложилось на фоне исторических примеров, когда в проводимых с участием общественных представителей процессах ломались судьбы невиновных людей. Однако не следует забывать, что в советские времена искажалось истинное значение многих демократических ценностей. В современный период общественное сознание изменилось настолько, что защита законных интересов граждан, сохраняя прежние формы, может быть наполнена новым содержанием.

Анализ практики участия представителей общественных объединений, профессиональных союзов в производстве по уголовным делам (хотя случаи такого участия редки) показывает, что такая предоставленная законом возможность является важной гарантией защиты прав и законных интересов личности и коллектива, независимо от того, насколько часто она используется. Но здесь появляется другой интересный момент: для реализации наиболее эффективной защиты по уголовному делу наряду с «общественным защитником» к защите данного лица

привлекается еще и адвокат для того, чтобы, с одной стороны, давалась подробная характеристика личности подзащитного человеком, который непосредственно знает его (допустим, трудился в одном коллективе многие годы); с другой стороны, должна оказываться квалифицированная юридическая помощь по делу, поэтому должен привлекаться адвокат, т. е. профессиональный защитник.

Несмотря на то, что УПК не содержит прямого указания на возможность осуществления защиты группой лиц, но закон и не запрещает этого, в отношении одного клиента в деле могут участвовать адвокат и так называемый общественный защитник, несколько адвокатов или несколько общественных защитников. Таким образом, возникает естественный вопрос: как происходит взаимодействие представителя профессионального союза (общественного объединения) и адвоката или нескольких адвокатов, если они осуществляют защиту одного лица?

Необходимость подобного взаимодействия объясняется несколькими причинами. Во-первых, в ходе расследования сложных экономических преступлений возникает потребность работы адвокатов, специализирующихся по различным отраслям права, по гражданско-правовой или хозяйственной специализации и уголовно-правовой специализации, так как важна детализация защитительной позиции по разным отраслям права.

Во-вторых, расследование и рассмотрение многоэпизодных дел, больших по объему, требует участия нескольких защитников. Например, уголовное дело по хорошо известному банку «Чара», от которого пострадали 60 тысяч человек. Дело насчитывает 1700 томов, каждый из которых состоит из 800-1000 страниц. Главной обвиняемой по делу выступает г-жа Францева – президент банка. Если в производстве по уголовному делу будет участвовать только один защитник, то в этом случае следствие продлится от 12 до 17 лет при условии изучения без проволочек по 2-3 тома в неделю.

В-третьих, столкновение различных внутренних интересов в уголовном деле. В настоящее время в следственном управлении УВД г. Новокузнецка расследуется уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ст.315 УК РФ (злостное неисполнение решения суда). К уголовной ответственности привлечен бывший внешний управляющий и генеральный директор ОАО «КМК» С.А. Кузнецов. Он был назначен на эту должность основным кредитором КМК компанией «Миком», интересы которой затем вошли в противоречие с интересами администрации Кемеровской области. Именно поэтому защиту

Кузнецова осуществляют два адвоката: адвокат Кемеровской областной коллегии адвокатов и адвокат Московской городской коллегии адвокатов. Такое положение не что иное, как прямое отражение столкнувшихся политических интересов.

В-четвертых, вопрос оплаты услуг защитников. Если для состоятельных клиентов не существует проблем в привлечении к своей защите целой группы адвокатов, то для малообеспеченных граждан единственной бесплатной возможностью является помощь общественного защитника. А когда дело входит в перечень, предусмотренный ст. 49 УПК РСФСР, то будет назначен и адвокат. Реализация успешной защиты в отношении одного лица группой адвокатов, общественными защитниками либо адвокатом и представителем профессионального союза, на мой взгляд, зависит от решения следующих методических вопросов:

1. Составление совместного плана работы по уголовному делу.
2. Определение единой защитительной тактики.
3. Заявление общих ходатайств.
4. Другие действия, не противоречащие интересам подзащитного.

При рассмотрении данной темы важно также отметить, что неудовлетворение ходатайства подозреваемого, обвиняемого, подсудимого об участии нескольких защитников рассматривается Верховным Судом РФ как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11). Так, был отменен приговор Курганского областного суда в отношении Глейбаева, осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, поскольку в судебное заседание не была обеспечена явка адвоката С., осуществлявшего защиту Глейбаева на предварительном следствии, хотя подсудимый об этом ходатайствовал. Наличие другого адвоката не освобождало суд от обязанности принять меры к удовлетворению ходатайства Глейбаева.

О ПЕРВОЙ СУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.А. Юркевич

Глава двадцатая УПК, определяющая содержание деятельности суда в первой судебной стадии, носит наименование «Полномочия судьи до судебного разбирательства дела и подготовительные действия к судебному заседанию». Как известно, ранее эта стадия именовалась «Предание суду». Переименование данной стадии без существенного изменения ее содержания привело к необходимости срочного разрешения ряда теоретических проблем и к неудобствам в практической деятельности правоохранительных органов. Да и само название стадии столь громоздко, что в литературе некоторые авторы именуют ее «Назначение дела к слушанию», «Подготовительные действия судьи к судебному разбирательству». Встречаются и другие названия. Но не в этом главная беда. Получилось так, что суду по действующему законодательству никто не предает. А между тем в ч. 1 ст. 254 УПК сформулировано правило, при всех ухищрениях не позволяющее толковать его иначе: если обвиняемый не предан суду, то суд не вправе рассматривать в отношении него уголовное дело в судебном заседании («разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду»). И получается так, что вынесенные в последние годы приговоры, по существу, являются незаконными.

Никто не обращает на это внимания, и никому в голову не приходит поставить вопрос об отмене приговора по этому основанию. Но где гарантии того, что однажды подобное обращение не появится в Конституционном Суде и он не примет соответствующее решение?

Исходя из изложенного выше, поставим две проблемы:

1. Необходим ли институт предания суду вообще, а если да, то какой орган должен выполнять эту функцию?

2. Необходима ли судебная стадия, предваряющая стадию судебного разбирательства?

Отвечая на эти вопросы, следует исходить из положения о необходимости дифференциации уголовного процесса. Как известно, наряду с обычными производствами в уголовном процессе имеются как упрощенные производства, так и производства с более сложными процессу-

альными формами. Значит, дифференцированно должен решаться и вопрос о предании суду. Возможно, что по некоторым категориям дел, относящихся к категории небольшой тяжести, не будет необходимости в вынесении отдельного процессуального акта о предании суду. По делам о преступлениях средней тяжести, возможно, обвиняемый мог бы предаваться суду путем внесения в суд обвинительного акта. Однако в любом случае останется категория дел, по которым необходимо будет проводить предварительное слушание в суде (как это предусмотрено по действующему закону в суде присяжных) и по его результатам решать вопрос о предании или непредании суду.

Точно так же, отвечая на другой вопрос (нужна ли судебная стадия, предваряющая судебное разбирательство), следует исходить из наличия дифференцированного уголовного процесса. По определенным категориям дел (например, подготовленных по протокольной форме) в такой стадии необходимости нет.

Однако по делам о тяжких преступлениях и тем более особо тяжких подобная стадия абсолютна необходима. И не только для того, чтобы подготовиться к судебному разбирательству (вызвать свидетелей, экспертов, рассмотреть имеющиеся ходатайства), но и, что, безусловно, более важно, решить вопрос, а стоит ли вообще начинать рассматривать уголовное дело, если изначально судье ясно, что вынести приговор по нему невозможно? Ну зачем назначать дело к слушанию, если очевидны существенные нарушения уголовно-процессуального закона или дело не подсудно этому суду? Другое дело, какой суд должен выполнять эту функцию? Представляется, что не тот, который будет рассматривать дело по существу, а другой, либо мировой судья, либо специально образованная для этих целей новая судебная инстанция.

СУЩНОСТЬ ОБВИНЕНИЯ, ПОДДЕРЖИВАЕМОГО ПРОКУРОРОМ В СУДЕ

В.Ш. Харчикова

Что такое обвинение? У разных авторов, которые исследовали проблему обвинения, расходятся мнения по вопросу определения его понятия. Одни из них среди признаков обвинения на первый план выдвигают преступление или состав преступления и этим дают повод к суждению о приравнивании обвинения к преступлению (Ф.Е. Фаткуллин), другие в понятие обвинения объединяют само обвинение и обвинительную деятельность (А.Л. Ривлин). По мнению В.Г. Даева, под обвинением следует понимать «особое процессуальное отношение, возникающее между государством в лице его управомоченных органов и лицом, которое привлекается в качестве обвиняемого по поводу совершенного преступления.

П.М. Давыдов считает, что «под обвинением следует понимать доказанное, закрепленное в процессуальном документе и направленное на реализацию уголовной ответственности утверждения следователя, прокурора, судьи и суда о совершении преступлений данным лицом» (Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе. М., 1974. С. 29).

На наш взгляд, это определение является правильным, поскольку в его основе лежат следующие бесспорные положения:

1. Обвинение тесно связано с преступлением.
2. Обвинение создается, формируется в результате раскрытия и исследования многочисленных обстоятельств совершения преступления.
3. Обвинением дается отрицательная общественная и уголовно-правовая характеристика обвиняемому.
4. Обвинение закрепляется в определенных документах, представляет собой решение официального органа.

По нашему мнению, государственное обвинение возбуждается против конкретного лица. Это такое лицо, виновность которого в совершении преступления установлена с достоверностью в соответствии с позицией органов предварительного расследования, поскольку объективность данной позиции будет выясняться при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании.

Участвуя в судебном заседании, прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение, принимает участие в исследовании доказательств, дает заключение по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, представляет суду свои соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого (УПК. Комментарий. Ст. 248).

Мы согласны с мнением С.В. Боботова, Н.Ф. Чистякова, в том, что прокурор в обвинительной речи должен изложить существенные доказательства обвинения в том виде, в каком они представляются на судебном следствии, и дать заключение о свойстве и степени вины подсудимого (см.: Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992. С.133), так как если прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

А.М.Баксалова

Из принципа состязательности, закрепленного Конституцией РФ, следует, что прокурор в суде является стороной обвинения. В соответствии с законом у прокурора нет обязанности участвовать в разбирательстве всех уголовных дел, за исключением слушания дел в суде присяжных. В ходе изучения уголовных дел в одном из районных судов г. Новосибирска было выяснено, что в 1998 г. прокурор участвовал в 58 % судебных разбирательств, тогда как защитник - в 88 %. В 1999 г. аналогичные показатели уменьшились - 34 и 78 % соответственно. Таким образом, прокурор, по сравнению с 1998 г., в 1999 г. участвовал в судебных разбирательствах на четверть реже, тогда как защитник лишь на 10 %.

Представляется необходимым продемонстрировать, как эти цифры распределяются по делам в зависимости от категории преступления.

Таблица 1

Частота участия прокурора и защитника в судебных разбирательствах уголовных дел в 1998 г.

Категория преступления	Участие прокурора, % (1)	Участие защитника, % (2)	В (2-1), %
Преступление небольшой тяжести	17	58	41
Преступление средней тяжести	50	92	42
Тяжкое преступление	75	100	25
Особо тяжкое преступление	100	100	0

Таблица 2

Частота участия прокурора и защитника в судебных разбирательствах уголовных дел в 1999 г.

Категория преступления	Участие прокурора, % (1)	Участие защитника, % (2)	В (2-1), %
Преступление небольшой тяжести	0	43	43
Преступление средней тяжести	25	83	58
Тяжкое преступление	55	95	40
Особо тяжкое преступление	75	100	25

Из данных таблиц следует, что, не имея возможности участвовать во всех судебных процессах в связи с их большим количеством, не соответствующим размеру штата прокуратуры, прокурорские работники делают акцент на наиболее тяжких преступлениях. Кроме того, учитывается и ряд иных факторов (сложность рассматриваемого дела и т.д.).

Это положение вступает в противоречие с принципом состязательности, который предполагает наличие в суде двух сторон, их противостояние в процессе исследования доказательств и в судебных прениях. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что отсутствие прокурора в суде не есть вообще отсутствие состязания сторон: прокурор незримо присутствует в процессе - утвержденное им обвинительное заключение "говорит" за него. Однако возникает следующий вопрос. Если обвинитель отсутствует в процессе, не приходится ли суду выполнять его функции? Суд вынужден это делать для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела: сторона защиты в разбирательстве присутствует, а обвинитель - нет. В данном случае, конечно, ни о какой состязательности не может быть и речи.

Таким образом, вышеприведенная точка зрения не имеет под собой оснований. Теоретическая конструкция судебного разбирательства, построенного на основе состязательности, предполагает наличие и стороны обвинения, и стороны защиты. Однако следует учитывать не только теоретические построения, но и реальные условия жизни. Нужно признать, что в сложившейся ситуации участие прокурора в судебных раз-

бирательствах абсолютно всех уголовных дел не представляется возможным, и в обозримом будущем обвинитель будет участвовать в судебных процессах избирательно. Это не означает, что прокурор сам волен выбирать уголовное дело - необходимо нормативное закрепление перечня дел, по которым его участие в суде является обязательным. Необходимо предусмотреть в УПК норму, согласно которой прокурор будет обязан участвовать в разбирательствах всех дел хотя бы об особо тяжких преступлениях. В данный перечень требуют включения и ряд других категорий дел, например преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Проект УПК предусматривает обязательное участие прокурора в судебном разбирательстве всех уголовных дел, за исключением дел, подсудных мировому судье. Однако реализация данного положения весьма сомнительна без расширения штата прокурорских работников, что в сложившейся экономической ситуации малореально. Поэтому нормы, касающиеся участия обвинителя в судебном разбирательстве уголовных дел о тяжких преступлениях, должны носить рекомендательный характер.

Интересно было бы проанализировать участие обвинителя в допросах на судебном следствии. Если сравнить показатель, характеризующий его активность, с показателем поведения защитника, можно обнаружить, что степень активности этих участников уголовного процесса в ходе допросов примерно одинакова. Так, прокурор не участвовал в 44 % допросов, защитник - в 42 %. Один вопрос в процессе допроса обвинитель задавал в 47 % случаев, как и защитник. Два вопроса ими задавались в 8 % случаев, три и более вопроса - в 1 и 3 % допросов соответственно.

Пассивность обвинителя и защитника во время допросов объясняется просто. В соответствии со ст. ст. 280, 283, 287 и 289 УПК РСФСР допрашиваемым первыми задают вопросы судьи. То есть когда прокурор (защитник) получает возможность задавать вопросы, большинство важных обстоятельств уже оказываются выясненными, что, кстати, вполне естественно не стимулирует обвинителя к подготовке к судебному разбирательству вообще и к допросам в частности.

Кроме того, необходимо отметить следующее. В литературе довольно часто отмечается, что активность суда - неотъемлемый элемент состязательного процесса. Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, что означает термин "активность суда". Если под ним понимать общее руководство процессом, то, конечно, она должна иметь место для упорядочения действий сторон при исследовании дока-

зательств. Если же подразумевать под активностью суда активную роль в исследовании, собирании доказательств, то это представляется неприемлемым. Сторонники данной роли суда отмечают, что активность его должна осуществляться с полным беспристрастием. Но это невозможно. Проводя фактически единолично допросы, собирая доказательства по собственной инициативе, суд непременно встает на чью-либо сторону - обвинения или защиты.

В соответствии с принципом состязательности единственная функция суда - разрешение уголовного дела, и поэтому в ходе допросов он должен задавать лишь уточняющие вопросы. Однако ситуация не изменится, пока существуют ст.ст. 20, 243 УПК РСФСР, обязывающие суд (судью) принимать все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Подобное требование предъявлять суду недопустимо. Его задача - разрешить спор между обвинением и защитой. Обстоятельства дела устанавливаются с помощью доказательств, которые должны представлять стороны, а никак не суд, который занимает положение независимого арбитра.

Таким образом, чтобы повысить активность прокурора во время допросов на судебном следствии, необходимо, во-первых, исключить из УПК положения, обязывающие суд принимать все меры для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела; во-вторых, установить новые правила производства допросов на суде (первыми допрашиваемому задают вопросы стороны, затем - иные субъекты); в-третьих, разрешить суду задавать лишь уточняющие вопросы.

Итак, проведенный весьма краткий анализ положения прокурора в суде позволяет сделать следующий вывод. Как сторона обвинения он участвует в судебном разбирательстве недостаточно активно, что противоречит принципу состязательности, в основе которого - состязание, противоборство сторон. Первопричиной этого является чрезмерно активная роль суда в ходе судебного следствия, а активность суда и активность сторон - вещи несовместимые.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

О.В. Воронин

1. Проблеме участия защитника в разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, в литературе уделено неоправданно мало внимания. Вместе с тем деятельность защитника на данной стадии имеет свои проблемы и специфику.

Необходимость подобного участия вытекает из принципа обеспечения обвиняемому права на защиту. Данный принцип осуществляется на всех стадиях уголовного процесса, не исключение и стадия исполнения приговора.

При решении вопросов исполнения приговора этот принцип имеет особое значение. Во-первых, здесь не решается вопрос о виновности лица, отсутствует обвинение как таковое. Во-вторых, в отношении подзащитного уже имеется вступивший в законную силу приговор суда. Подобное положение вещей позволило сделать вывод о том, что принцип обеспечения права на защиту трансформируется в принцип обеспечения осужденному права на защиту его законных интересов[1]. Думается, такой подход вполне оправдан. Необходимо отметить, что содержание данного принципа не исключает, а, наоборот, подразумевает активную роль защитника. Так, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении защитник должен принимать активное участие в доказывании факта исправления. Фактически с учетом требований действующего УПК это может означать его активное участие при подготовке материалов об условно-досрочном освобождении для направления их в суд. По своей значимости решение вопроса об исправлении осужденного ничуть не меньше решения вопроса о его виновности на предыдущих стадиях.

Положения ст. 51 УПК РСФСР применимы и при решении вопроса об исправлении осужденного. Другими словами, защитник должен активно использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, свидетельствующих об исправлении

---

[1]Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. Воронеж, 1964. С. 88.

лица. Однако не стоит понимать такое утверждение как подмену защитником деятельности органа, ведающего исполнением наказания. Данный орган решает только узкий круг вопросов, в то время как потенциальное поле деятельности защитника обширно. Он может посещать исправительное учреждение, вести неограниченные беседы с осужденными, с работниками ИУ, знакомиться с материалами дела. Совокупность перечисленных действий защитника можно считать подготовительным этапом к судебному заседанию. Не исключено и кассационное и надзорное производство по данной категории дел, хотя в ограниченных случаях.

Активное участие защитника в решении вопросов, связанных с исполнением приговора, логически предполагает и расширение прав по кассационному обжалованию постановлений суда об условно-досрочном, условном освобождении. Однако ныне действующий УПК РСФСР не предоставляет защитнику такой возможности. Тем не менее закон не запрещает защитнику обращаться к прокурору с просьбой о принесении протеста на вынесенное судебное решение.

2. Решив вопрос о необходимости активного участия защитника на стадии исполнения приговора, необходимо сказать несколько слов и об особенностях его процессуального положения.

Особенности, во-первых, заключаются в том, что он в некоторых случаях объективно ограничен в возможности осуществления своих прав. Некоторые ограничения использования прав, предусмотренных ст. 51 У ПК РСФСР, действительно вытекают из невозможности их осуществления. Так, поиск и предоставление доказательств об исправлении лица весьма затруднительны. Другие ограничения, например уже упоминавшийся запрет на кассационное обжалование, прямо вытекают из требований закона. Во-вторых, при осуществлении защиты на стадии исполнения приговора защитник ограничен в выборе направлений своей деятельности. Он не может выдвигать и развивать несколько линий защиты, как, например, при защите обвиняемого. Направление его деятельности всегда определяется решаемым вопросом - замена наказания более мягким, условно-досрочное освобождение и т.п. Следовательно, процессуальные возможности защитника на стадии исполнения приговора отличны от процессуальных возможностей защитника на иных стадиях уголовного процесса. В связи с этим необходимо решить вопрос о его процессуальном положении.

В теории широко распространено мнение, что защита всегда противостоит обвинению. Соответственно, там где нет обвинения, не нужна и защита. Данное положение не совсем точно. Закон предусматривает случаи обязательной защиты по делам, где нет обвинения (дела о лицах, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемо-

сти)[1]. Поэтому защиту следует понимать не только как пассивную «оборонительную» деятельность, но и как активную деятельность по предупреждению возможных нарушений прав и законных интересов. Именно такая роль отводится защитнику при решении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Уточняя роль защитника, необходимо остановиться на двух основных подходах: защитник - самостоятельный участник процесса, защитник - представитель особого рода.

Сторонники первой точки зрения основное значение самостоятельности видят в том, что защитник свободен в выборе направлений защиты, в некоторых случаях его деятельность не связана волей подзащитного и т.п.[2] Безусловно, такой подход оправдан, когда речь идет о доказательстве невиновности. В данных обстоятельствах самостоятельность защитника служит предпосылкой для «творческого подхода» к защите. Однако при решении вопроса об исправлении лица направления защиты, как об этом было сказано выше, ограничены. Поэтому роль защитника на стадии исполнения приговора больше соответствует роли представителя осужденного. Последнее положение, однако, не следует рассматривать как умаление самостоятельности роли защитника на иных стадиях уголовного судопроизводства.

Говоря о защитнике как о представителе осужденного, мы должны иметь в виду то, что понятие данного представительства отлично от его классического понимания. В данном случае защитник не замещает представляемого, а действует наряду с ним. Мы не должны путать защитника как представителя осужденного с законными представителями или с представителями потерпевшего, гражданского истца или ответчика. Последние имеют иное процессуальное положение.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что роль защитника и возможности защиты различны на разных этапах судопроизводства. Справедливы оба подхода к определению процессуального положения защитника в уголовном процессе. При решении вопросов, связанных с исполнением наказания, защитник в значительной степени выступает в роли представителя осужденного, нежели в роли самостоятельного участника процесса.

---

[1] Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовно судопроизводства. Минск, 1974. С. 61.

[2] Более подробно данный подход раскрывается в работе: Якимович Ю.К. Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе// Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1987. С. 137.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В.В. Подрезов

На основе конкретных статей Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. рассмотрим несколько проблемных вопросов его практического применения.

В частности, ст. 7 ФЗ 1995 г. требует дальнейшего совершенствования:

- во-первых, необходимо системно изложить все основания ОРМ в одной статье оперативно-розыскного закона. В действующем же Федеральном законе эти основания упоминаются и в ряде других его статей (ст.ст. 8, 9, 10);
- во-вторых, в законе отсутствует важнейшее основание для проведения ОРМ, которое предопределяет предупредительный, поисковый характер оперативно-розыскной деятельности и без которого все без исключения ОРМ, согласно предписанию ч. 1 ст. 7, должны проводиться с заранее заданным опозданием. Поэтому достижение целей оперативно-розыскной деятельности и решение ее задач выглядит достаточно проблематично.

Речь идет о явной недостаточности фиксации в законе только группы оснований для проведения ОРМ исключительно в связи с наличием ставших известными органам сведений о ряде деяний, событиях и лицах (п. 2 ч. 1 ст. 7). Здесь же возникает вопрос: как эти сведения стали известны субъекту ОРД без совершения соответствующего ОРМ (исключение – заявление о совершенном преступлении), потому что, исходя из предписаний ст. 7 закона, наличие сведений есть не результат осуществления ОРМ, а первичное основание для их проведения. В связи с этим в практической деятельности органы, осуществляющие ОРД, руководствуются не столько предписаниями Федерального закона, сколько нормами иных нормативно-правовых актов, включая ведомственные.

Как полагает профессор А.Ю. Шумилов[1], в ФЗ необходимо предусмотреть предписание о соответствующем основании, таком как необходимость

---

[1] Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности».

поиска латентных преступлений и решения задачи предупреждения совершения преступлений. Такое предписание снимет имеющееся противоречие и нормативно закрепит практическую необходимость осуществления ОРМ поискового характера.

В ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится об использовании ее результатов в уголовном процессе. Однако термин «результаты» недостаточно определен, поэтому практическое применение данной статьи закона сопряжено с некоторыми затруднениями. Например, приходится лишь строить догадки, что же конкретно в материальном выражении из числа результатов ОРД должно быть представлено органу дознания, следователю или суду в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11 Закона. Практических работников больше устраивало бы указание на конкретные материальные предметы и документы, в которых выражаются результаты ОРД. Кроме того, профессор В.А. Азаров[1] считает, что предписания ст. 11 нового закона существенно затруднили ее толкование и применение в части использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам. Он считает, что это положение в новом законе отсутствует, а вместо него в ч. 2 ст. 11 записано, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ. В связи с этим возникает вопрос: в каком качестве могут использоваться следователем результаты ОРД? Предыдущий закон 1992 г. содержал четкий ответ: «... в качестве доказательств по уголовным делам». Новый закон снял это положение, чем существенно ухудшил практическое применение данной статьи.

Исходя из вышеизложенного, полагал бы, что в оперативно-розыскном законе необходимо: во-первых, в одной статье системно изложить норму, содержащую предписания обо всех основаниях проведения оперативно-розыскных мероприятий. Предусмотреть соответствующее основание о необходимости поиска латентных преступлений и решения задачи предупреждения преступлений; во-вторых, конкретизировать понятие «результаты» ОРД и более четко определить толкование статьи в части использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам.

---

[1] Азаров В.А. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства достижения цели раскрытия преступлений // Государство и право. 1997. № 10. С. 45-49.

ПОНЯТИЕ УЧАСТНИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.С. Тюрин

В соответствии со ст. 1 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", оперативно-розыскная деятельность - это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, в пределах их полномочий, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств".

Субъектами, или участниками, этой деятельности в широком смысле слова могут быть органы внутренних дел, налоговая полиция, таможенные органы, спецслужбы; в более узком - оперативные подразделения этих органов, их должностные лица и сотрудники, а также лица, содействующие органам в выполнении их задач. Основными субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, являются оперативные подразделения государственных органов, которые состоят из оперативных работников. И от того, насколько профессионально будут проводиться оперативно-розыскные мероприятия этими работниками, зависит раскрытие того или другого преступления и установление лиц, совершивших преступление.

Под участником оперативно-розыскной деятельности следует понимать физическое лицо, которое наделено государством правами и обязанностями, закрепленными законом и ведомственными актами для успешного проведения розыскных мероприятий. Сотрудники оперативных подразделений делятся на должностных лиц, действующих открыто, гласно от имени оперативной службы или ведомства. Часть сотрудников действуют негласно, в интересах дела их принадлежность к органу скрывается. Гласные и негласные сотрудники вовлечены в сферу оперативно-розыскного процесса, участвуют в проведении оперативно-розыскных мероприятий. К гласным работникам относятся руководители органов, которые проводят оперативно-розыскные мероприятия, а также рядовой и офицерский состав, осуществляющий свою работу гласно.

К негласным работникам этих органов нужно отнести офицеров особого назначения. Эти оперативные работники состоят на государственной службе в органе, который проводит оперативно-розыскные мероприятия. От обычных оперативных работников они отличаются высокими личными качествами, профессиональной и социальной подготовкой. Они способны выполнять более сложные задачи по сбору информации, обладают актерскими способностями, от природы наделены высоким уровнем развития (мышление, память, интуиция). Внедренные в преступную среду, эти работники добывают ценную информацию.

Особой фигурой в тайных операциях криминальной милиции является контактный агент, другими словами, связник. Он назначается руководителем подразделения, ведомства и отвечает за связь с оперативным работником, внедренным в преступную среду. Кроме того, он отвечает за безопасность оперативного работника, передает необходимую информацию, обрабатывает всю полученную им информацию и передает ее руководителю органов ведомства.

Участниками оперативно-розыскной деятельности, помимо должностных лиц и оперативных работников, могут быть и частные физические лица.

Правовую основу деятельности частных лиц составляет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который в ч. 1 ст. 17 указывает на возможность привлечения отдельных физических лиц с их согласия к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий, с сохранением конфиденциальности сотрудничества. В современной юридической литературе они называются одним словом "конфиденты". Конфиденты по своему составу неоднородны. Из их числа выделяют "внештатных сотрудников". Это граждане, участвующие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий при условии предоставления им как бы статуса общественного помощника сотрудника оперативного подразделения.

В деятельности оперативных ведомств для этой категории участников используют термин "внештатный сотрудник". Они привлекаются на добровольных началах и используются в интересах активизации деятельности оперативных работников для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности. Общественные помощники могут участвовать в проведении оперативно-розыскной деятельности, а также на этапе оперативно-розыскного сопровождения дознания и следствия. Оформление документов для зачисления в состав общественных помощников осуществляется руководителями оперативных подразделений из числа граждан России старше 18 лет, которые изъявили добровольное

желание оказывать содействие оперативным подразделениям. Внештатным сотрудникам выдаются удостоверения установленного образца.

Внештатные сотрудники выполняют возложенные на них обязанности преимущественно в свободное от работы время, как на оплачиваемой, так и на безвозмездной основе. Эти лица, участвуя в проведении оперативно-розыскных мероприятий, действуют легально. Они вправе подтвердить свое участие рапортами, докладными записками. И, что очень ценно, они могут дать свидетельские показания следователю или в суде. Таким образом, оперативно-розыскные мероприятия превращаются в доказательства по уголовному делу.

Оперативно-розыскные ведомства нередко используют случайные связи с физическими лицами, которые представляют полезную информацию о преступной деятельности, в юридической литературе их называют случайными конфидентами. Иногда контакт органов с этими лицами осуществляется по телефону. Надежность таких сведений представляет определенную проблему, поэтому оперативным работникам необходимо проверять эту информацию, используя другие источники.

Помимо случайных контактов с конфидентами, оперативно-розыскные ведомства могут поддерживать и более устойчивые отношения с этими лицами. С указанными лицами заключается контракт на постоянной, платной основе. В настоящее время оперативные работники уделяют большое внимание конфидентам, негласно сотрудничающим с органами внутренних дел по контракту на платной основе, полагая, что они представляют наиболее ценную информацию.

Серьезной задачей оперативных органов является "создание специальной системы конфидентов из числа лиц, оказывающих содействие"[1]. Необходимость создания такой системы диктуется тем, что малое количество конфидентов не сможет обеспечить поступления необходимой информации. В то же время большое число конфидентов не всегда приводит к положительным результатам, могут быть нарушены пределы управляемости этими источниками, и эффективность их использования окажется низкой. Поэтому необходимо привлекать к работе с конфидентами профессионально подготовленных сотрудников оперативных подразделений.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, нередко используют сведения конфидентов, которые находятся под стра-

---

[1] Бобров В.Г. Проблемы конфиденциального содействия граждан органам внутренних дел. Калининград, 1996.

жей или ранее судимы. Эти лица могут представлять ценную информацию о соучастниках преступлений, о непосредственных исполнителях совершенных преступлений, которые числились нераскрытыми.

Необходимо учитывать, что эти лица предоставляют информацию с тем, чтобы избежать судебного преследования или уменьшить степень меры наказания, и правоохранительные органы должны идти на такую договоренность. Конфиденты, которые располагают ценной информацией, почти всегда являются людьми, связанными с преступной деятельностью. В данной ситуации нужно пользоваться правилом, что победить преступника можно только с помощью преступника.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут заключать контракты только с совершеннолетними гражданами, "с дееспособными лицами, независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политическим убеждениям"[1].

Согласно ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лицо из членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, будучи привлечено к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствующее раскрытию преступлений, возместившее причиненный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности. Этой нормой законодатель определил правовую основу для привлечения конфидентов к сотрудничеству с органами. Основной принцип сотрудничества - гарантия неразглашения контактов, нарушение этого принципа наносит непоправимый ущерб работе с конфидентами.

Лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства. Государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, правовую и социальную защиту (ч.1 и 2 ст.18).

В заключение следует отметить, что использование помощи конфидентов для сбора информации в интересах борьбы с преступностью отличается сложностью и требует от специалистов, работающих в оперативных подразделениях, необходимых знаний в этой сфере и определенного практического опыта.

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности". М., 1995.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.К. Зникин

Рассматривая проблему обеспечения судебного и предварительного следствия силами и средствами оперативно-розыскной деятельности (ОРД) посредством проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, следует обратить внимание как минимум на два момента.

Первый – введение в уголовный процесс и использование в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности. Сегодня этот вопрос уже практически не вызывает сомнений, даже более того, решен положительно всеми субъектами оперативно-розыскной деятельности при поддержке судебных и прокурорских инстанций. Подтверждение этому - совместный приказ субъектов ОРД в мае 1998 г., который ввел в действие Инструкцию о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Второй – оценка результатов оперативно-розыскной деятельности. Понятно, что недостаточно организовать и провести оперативно-розыскные мероприятия, а затем легализовать и ввести в уголовный процесс полученные результаты. Необходимо убедиться в их объективности, т.е. оценить возможность их использования на предварительном и судебном следствии. И здесь особенно важно, чтобы все органы, осуществляющие ОРД, действовали в данном направлении единообразно и в строгом соответствии с законом. Поэтому требования, предъявляемые Инструкцией к результатам ОРД, представляемым выше указанным субъектам уголовного процесса, порядку их оформления и представления, являются обязательными для сотрудников оперативных подразделений государственных органов, осуществляющих ОРД в пределах своих полномочий, и подлежат исполнению на всех этапах проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Так, результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, при

каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления, сведения о лице (лицах}, его совершившем (если оно известно), очевидцах преступления (если они известны), о местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Сведения, содержащиеся в представляемых результатах, должны позволять сделать вывод о наличии события и его противоправности.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, должны содержать сведения о лицах, скрывающихся от органов расследования и суда, о возможных источниках доказательств, лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела, о местонахождении орудий и средств совершения преступления, денег и ценностей, нажитых преступным путем, предметах и документах, связанных с обстоятельствами предмета доказывания, и о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения следственных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу.

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств, и содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством, а также данные, позволяющие проверить в условиях судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Но при этом необходимо постоянно помнить, что результаты, полученные от проведения оперативно-розыскных мероприятий, имеют равную силу с другими доказательствами и также подлежат тщательной проверке и оценке.

Отступление от этих требований в угоду сиюминутному желанию как можно скорее достичь «определенных положительных результатов» влечет за собой нарушение уголовно-процессуального закона, пассивность следствия, утрату иных доказательств, а в конечном счете – несогласие суда с выводами следствия, что означает вынесение оправдатель-

ных приговоров, направление дел на дополнительное расследование, изменение квалификации действий подсудимых, уход преступника от заслуженного наказания и расшифровку проводимых оперативно-розыскных мероприятий с отрицательными последствиями для конкретных лиц, оказавших субъектам ОРД конфиденциальную помощь.

О КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ МЕСТА ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Ю. Краснятов, С.Л. Лонь

Ситуация, сложившаяся в 1998 - 2000 гг. с назначением и освобождением от должности Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И. Скуратова, была предопределена изначально положениями действующей Конституции Российской Федерации, и не только предписаниями п. е ст.83 и п.2 ст.129. В большей степени причина кроется в неопределенности конституционного статуса прокуратуры как системы органов в Российском государстве, ее места среди других органов государственной власти.

Назначение прокуратуры, ее роль и функции в Конституции РФ не определены. Ст.129, являясь по своей сути бланкетной, предполагает наличие другого закона, который должен за Конституцию разрешить по своей значимости конституционные вопросы. Пункт 5 этой статьи определяет, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. Но как можно решать эти вопросы в нормативном акте значительно более низкого уровня юридической силы, если не определены принципиальные установления?

Поэтому уход от решения в Конституции РФ вопроса о сущности прокурорского надзора и значении прокуратуры в системе органов государства вряд ли можно признать правильным. Иначе как политически конъюнктурным это законодательное решение назвать нельзя. Примиряющее политические суждения в этом направлении, оно является внутренне объективно противоречивым как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Отложение принятия принципиального решения о сути прокурорского надзора и назначении прокуратуры в государственном механизме власти поставило ее в неопределенное положение.

Федеральный закон, как менее значимый по юридической силе нормативный акт, не предназначен для того, чтобы разрешать такие вопросы. Его задача в том, чтобы развивать конституционные принципы и положения, а не подменять их. В отличие от Конституции России федеральный закон намного легче изменить, что также не стабилизирует по-

ложение прокуратуры в государстве и не дает возможности прорабатывать перспективы ее развития. К тому же Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" даже не отнесен законодателем к категории федеральных конституционных законов, идущих по своей юридической значимости после Конституции. Такое положение может подчеркивать либо второстепенную значимость прокуратуры в государстве, либо небрежное отношение законодателя к этим вопросам.

Подобная ситуация не способствует научным исследованиям проблем прокурорского надзора, а также препятствует практическому совершенствованию прокуратуры и ее деятельности. Не стимулирует имеющаяся обстановка и разработку позиции об устранении прокуратуры из системы государственных органов.

Из действующего ныне Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации", призванного развивать положения Конституции, не следует вывод о том, что прокуратура представляет собой орган, являющийся составной частью судебной власти.

Это связано с тем, что обоснованность помещения нормы о прокуратуре (ст. 129) в гл. 7 Конституции РФ (Судебная власть) вызывает серьезные возражения. Более того, такое закрепление противоречит другим положениям Конституции. Части 1 и 2 ст.118 Основного закона предусматривают, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" не включает органы прокуратуры в систему судов России. Да и вряд ли и с теоретической, и с практической позиций это было бы правильно.

Как отмечает М. Шалумов, прокуратура - это не суд и не орган судебной власти. Она не отправляет правосудия по уголовным, гражданским, административным и арбитражным делам и не осуществляет надзор за законностью судебных постановлений от имени верховных судебных органов. Вместе с тем участие прокурора в рассмотрении судебных дел имеет своей конечной целью обеспечение верховенства закона, защиты законных интересов и соблюдение прав человека[1].

Несмотря на внесение изменений и дополнений в Федеральный закон "О прокуратуре РФ" в 1995 и 1999 гг., складывающаяся норматив-

---

[1] См. подробнее об этом: Шалумов М. Прокуратура в правовой системе государства //Законность. 1993. №7. С.14-17.

ная база не устраняет пробел о конституционном статусе прокуратуры[1]. Пункт 1 ст.1 этого закона, (в редакции Федерального закона от 10.02.99 г. № 31-ФЗ), делает шаг в сторону определения основного назначения прокуратуры. Однако здесь же говорится о том, что это одна из функций прокуратуры, перечень которых остается в законе открытым.

Анализ названной ст. 1 подтверждает вывод о том, что законодатель вкладывает в ее содержание определение направлений деятельности (функций) прокуратуры, об этом свидетельствуют п.2 - 5. Вместе с тем основная функция прокуратуры - надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов - формулируется расплывчато, неоднозначно, требует конкретизации. Все это подтверждает мысль о том, что под действующим законодательством о прокуратуре, включая Конституцию, отсутствует какая-либо стройная теоретическая концепция о роли и месте прокуратуры в системе органов государственной власти.

На основе этого складывается вынужденное и объективно предопределенное противоречие между Конституцией России и Федеральным законом "О прокуратуре РФ". Законодатель в названном законе вынужден как-то раскрывать и закреплять не определенные в Конституции РФ сущность прокурорского надзора и назначение прокуратуры через те ее функции, которые были ей присущи ранее, до принятия Конституции РФ 1993 г. и даже до принятия в 1992 г. Закона "О прокуратуре Российской Федерации". Такой подход в современных условиях без глубокого исследования вряд ли можно признать правильным.

Прокуратура по своей сути, с момента создания и в течение всего периода ее исторического развития в России, оставалась в основном органом, надзирающим за исполнением законов. Эта идея прослеживается и в ныне действующем законодательстве, в частности в ч.1 п.1 ст.1 Федерального закона "О прокуратуре РФ". Думается, что в этом сущность прокурорского надзора и назначения прокуратуры в государстве и должны заключаться.

Из этой посылки логически напрашивается вывод, что прокуратура - это надзирающий орган законодательной власти с вытекающими из этого необходимыми положениями о ее организации и деятельности. Соответственно и функция надзора за законностью, т. е. за точным и еди-

---

[1] См. также: Шульженко Ю.Л. Конституционный статус прокуратуры Российской Федерации. М.: Изд. Академического правового университета при Институте гос. и права РАН, 1999. 46 с.

нообразным исполнением законов, является основной и определяющей содержание работы прокуратуры.

Такой вывод не нов в истории Российского государства. Он основывается на общеизвестном предписании Петра I, что прокуратура - это око государево, т.е. учреждение, призванное обеспечивать проведение в жизнь царских указов, предписаний высшей государственной власти[1]. Однако сама прокуратура не принимает законов либо иных общеобязательных нормативных актов, и потому следует согласиться с тем, что не совсем точно говорить, что она непосредственно осуществляет законодательную власть в рамках законотворческих процедур[2]. Вместе с тем функция надзора за точным и единообразным исполнением законов (Конституции, ФКЗ, ФЗ) на территории России исполнительными, судебными органами и законодательными органами субъектов Российской Федерации может вытекать только из правового статуса высшего законодательного органа федерации.

В России для такого решения имеются объективные предпосылки, порождающие необходимость создания в системе государственного аппарата органа, подобного нынешней прокуратуре. Большая территория государства, сложное государственное устройство, ведомственно-производственная и территориально-устройственная разобщенность, отсутствие отработанного взаимоконтроля между органами законодательной, исполнительной и судебной власти и некоторые другие моменты предполагают выделение органа, отстаивающего и обеспечивающего интересы всего государства, выраженные в нормативных актах высшего законодательного органа.

В настоящее время в вопросах организации и деятельности прокуратуры имеют место пробелы и противоречия, которые необходимо устранять путем внесения изменений в Конституцию РФ и принятия Федерального конституционного закона "О прокуратуре РФ". В связи с этим необходимо более глубоко исследовать проблему места прокуратуры в системе органов государственной власти России и положений о

---

[1] См. Указ от 18 января 1722 г. "Об установлении должности прокуроров в надворных судах и о пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей"//Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода абсолютизма. М., 1986. Т.4. С.184.

[2] О сущности и системе прокурорской власти: Анализ анкет// Законность. 1991. № 3. С.26-27; Шалумов М. Прокуратура в правовой системе государства. С. 14-17.

ее функциях, а также основных принципах, на которых строится ее деятельность.

На наш взгляд, было бы правильнее поместить конституционные положения о прокурорском надзоре и прокуратуре в гл. 5 Конституции РФ, изложив ее название в следующей редакции: "Федеральное Собрание. Надзор за исполнением законов". В этой главе должны найти свое закрепление положения, связанные с определением статуса прокуратуры и ее места в системе органов государственной власти, ее функции и пределы их осуществления, основные принципы, в соответствии с которыми осуществляется ее деятельность, а также порядок назначения и освобождения от должности Генерального прокурора РФ и его подотчетности.

В федеральном конституционном законе желательно закрепить более конкретно направления (функции) деятельности прокуратуры, полномочия прокуроров, пределы надзорной деятельности, круг законодательных актов, за точным и единообразным исполнением которых прокуратура должна надзирать.

Для надлежащего и эффективного выполнения прокуратурой своей функции, надзора за точным и единообразным исполнением федеральных законов необходимо сделать ее действительно независимой от других органов власти, но жестко подчиненной через Генерального прокурора и Федеральное Собрание РФ, а также общественный контроль действующему федеральному законодательству.

Согласно п.2 ст.129 Конституции РФ Генеральный прокурор России назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Если представление Генерального прокурора Президентом РФ можно рассматривать, как элемент единства верховной государственной власти, то, с другой стороны, это может обернуться и зависимостью от президентской исполнительной власти. Поэтому следует предложить процедуру подбора кандидатуры Генерального прокурора в Государственной Думе по согласованию с Президентом РФ и с утверждением на совместном заседании Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания.

Независимость, нахождение вне политики органов прокуратуры предполагает, что Генеральный прокурор должен быть независим как от представителей власти на местах, так и от политических партий, представленных в органах власти. Поэтому утверждение кандидата следует

осуществлять в ходе совместного заседания обеих палат Федерального Собрания.

Соответственно и отчет Генерального прокурора, и вопрос об отстранении его от должности должны рассматриваться совместно названными палатами. Согласия Президента РФ либо какого-либо иного должностного лица на освобождение Генерального прокурора от должности не требуется, поскольку назначается он и подотчетен исключительно Федеральному Собранию РФ. Соответственно до принятия решения Федеральным Собранием никто его отстранить от должности не может. Однако инициатива в постановке вопроса об освобождении от должности может быть проявлена широким кругом лиц: Президентом, Правительством, Верховным и Конституционным Судом РФ, группой депутатов и т. д.

В этой связи никак нельзя согласиться с положениями п.3. ст.129 Конституции РФ, согласно которым прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются Генеральным прокурором России по согласованию с ее субъектами, поскольку сразу встает вопрос об их "двойном подчинении"[1].

Предполагается, что этот вопрос должен быть решен следующим образом. Поскольку прокуратура - надзирающий орган законодательной власти, осуществляющий свою деятельность от имени и в интересах государства, то надзор за исполнением нормативных актов, издаваемых Президентом и Правительством, а также законов, принимаемых представительными органами субъектов РФ, должен осуществляться в пределах, предоставленных прокуратуре Федеральным Собранием и предусмотренных действующим законодательством полномочий.

В то же время предполагается расширить полномочия прокуратуры, связанные с предоставлением права обратиться в Конституционный Суд РФ с вопросом о соответствии принимаемых Президентом и Правительством РФ нормативных актов Конституции РФ и федеральному законодательству.

Потребуется внесение изменений и дополнений в процессуальные кодексы, а также в соответствующие статьи Кодекса РСФСР об административных правонарушениях.

---

[1] В свое время по этому вопросу применительно к прокуратуре очень хорошо писал В.И.Ленин в статье "О "двойном" подчинении и законности" (см.: Полн. собр. соч. Т.45. С. 197-201).

В п.2 ст.1 Федерального закона "О прокуратуре РФ" закрепляется за прокуратурой России осуществление названных направлений деятельности и определяются цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Прокуратура в современных условиях вынуждена "хвататься" за выполнение разных функций, в том числе не совсем ей свойственных, или пребывать в состоянии бездейственного ожидания[1].

Осуществляя надзор за единообразным исполнением законов, помимо обязанности опротестовывать незаконные акты и действия, принимать меры для предотвращения подобных нарушений вновь, прокуратура также должна выявлять и анализировать пробелы в законодательстве, противоречия между нормативными актами. По результатам сделанных обобщений прокуратура принимает меры к устранению выявленных недостатков федерального законодательства путем законодательной инициативы либо путем обращения в Конституционный Суд РФ или Конституционные (Уставные) суды субъектов РФ в соответствии с подсудностью возникающих споров.

Осуществляя надзор, прокуратура должна принимать предусмотренные законом меры к восстановлению нарушенных прав и интересов не только государства, но и граждан.

В развитие положений гл. 2 Конституции РФ в Федеральном законе "О прокуратуре РФ" в отдельную главу выделен надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (гл.2 разд. 3). Отсюда наделение прокуратуры такой функцией как рассмотрение и проверка в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений граждан. Реализуется эта функция через полномочия по принятию предусмотренных законом мер по пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина и привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, в частности возбуждение уголовных дел и административного производства; подача исков в защиту интересов государства и граждан.

В части, касающейся граждан, эта функция выполняется при осуществлении прокурором надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, а также надзора за исполнением законов адми-

---

[1] Халиулин А.Г. О функциях прокуратуры России //Формирование правовой системы России. Проблемы и перспективы: Сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, 1997. С.206-207.

нистрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

В то же время представляется, что такая деятельность, как уголовное преследование и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, вряд ли должна входить в компетенцию прокуратуры, так как не соответствует выполнению ее основной функции - надзору за исполнением законов.

Как представляется, за прокуратурой должны остаться лишь те осуществляемые ею ныне функции, которые связаны с обеспечением законности, т.е. точным и единообразным исполнением федерального законодательства, а также обеспечением соблюдения гарантированных Конституцией прав и свобод гражданина.

СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Д.В. Ким

В настоящее время особую актуальность приобретает дальнейшее развитие учения о следственных ситуациях, основные положения которого пронизывают практически все разделы криминалистики. Это обусловлено тем, что само понятие "следственная ситуация" является одним из центральных в категориальном аппарате криминалистической науки, выполняя функцию специфического "моста" между теорией и практикой криминалистики.

Анализ научной литературы показывает, что первые представления о следственной ситуации сводились к отождествлению ее с объективным содержанием преступления и условий, в которых оно произошло. Такое понимание следственной ситуации во многом распространено и сегодня, что позволяет говорить о том, что классический гносеологизм сохраняется в современной криминалистике, хотя все яснее становится, что криминалистика является наукой о специфичной стороне бытия людей, а деятельность по расследованию преступлений протекает в условиях реальной жизненной онтологии.

Конкретное противоречие возникает в связи с тем, что в гносеологическом плане объект рассматривается как независимый от познания, а в онтологическом плане он зависит от опыта, установок, целей, оценок, знаний, умений субъекта, осуществляющего расследование по делу. Можно предположить, что наступает время, когда криминалистическая теория, вслед за другими науками, неизбежно должна будет онтологизироваться. Этот процесс явно проходит в психологии, в криминалистике он менее выражен, но уже то, что расследование преступлений все чаще понимается как особая поисково-познавательная деятельность (В.А.Образцов), говорит о том, что онтологизация в науке все-таки идет, меняя и сам предмет науки в сторону его все более системного переопределения. Надо полагать, что актуальность начнут обретать исследования, в которых будут предлагаться различные варианты реализации системного подхода, поскольку именно он предназначен для преодоления дуализмов между субъективным и объективным, внутренним и внешним. Эту мысль подтверждает анализ творчества таких криминалистов,

как Р.С. Белкин, О.Я. Баев, Н.Т. Ведерников, Т.С. Волчецкая, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкин, Г.А. Зорин, Л.Л. Каневский, В.Е. Корноухов, В.П. Лавров, В.И. Шиканов, Н.П. Яблоков и др.

Являясь результатом познавательной деятельности по расследованию преступлений, следственная ситуация включается в ее содержание и детерминирует всю последующую направленность и избирательность этой деятельности. Такое свойство, как известно из теории систем, является точным признаком самоорганизующихся систем. С учетом этого следственная ситуация может быть представлена как целостная самоорганизующаяся информационно-познавательная система, в которой представлены одновременно и человек, осуществляющий расследование, и объективно-вещный слой его бытия. Самоорганизация как способ развития систем примечательна тем, что система производит, порождает такие новообразования, которые сами начинают участвовать в регуляции и детерминации последующих этапов развития. Этот способ существования систем гораздо более сложный и тонкий, чем саморегуляция, которая основывается на обратной связи с заданной и неизменной целью. Вот почему интерес представляют именно новообразования, порождаемые поисково-познавательной деятельностью по расследованию преступлений, которые становятся характеристиками следственной ситуации и включаются в нее. Новая информация по делу - это меняющиеся смыслы и ценности того, что образует следственную ситуацию, сложная система возникающих на их основе оценок самой ситуации, ее отдельных составляющих и совершаемых действий.

С учетом изложенного следственную ситуацию можно определить как сложную динамическую систему, которая возникает в поисково-познавательной деятельности по расследованию преступлений как ее результат и одновременно как новообразование, влияющее на дальнейшую организацию этой деятельности. При этом остается задачей обнаружение источников трансформации следственной ситуации не во внешнем (объективном), не во внутреннем (субъективном), а в ней самой, в том сложном единстве субъективных и объективных, внешних и внутренних факторов, которые и обусловливают движение следственной ситуации, ее развитие. Предполагается, что это позволит более обоснованно отбирать и систематизировать рекомендации, относящиеся к частным методикам расследования, а также обеспечить создание на этой основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) в методике расследования отдельных видов и групп преступлений.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ПРОБЛЕМНО-ПОИСКОВОЙ СИТУАЦИИ

С.Э. Воронин

Процесс интеграции знаний различных юридических наук не обошел стороной также ту часть уголовного процесса и юридической психологии, которая касается вопросов судебного разбирательства и проблем поисково-познавательной деятельности в суде. Особенно интенсивно этот процесс развивается в связи с нерешенной в научной литературе проблемой, касающейся роли и места тактики судебного следствия в понятийном аппарате криминалистики. Так, одни авторы отрицают тактику судебного следствия; другие, признавая факт ее существования, сводят ее лишь к тактике защиты и обвинения; третьи - активно выступают за включение тактики судебного следствия в предмет криминалистики.

Не останавливаясь на узловых моментах этой научной дискуссии, отметим, что основной причиной расхождения мнений ученых по данной проблеме, на наш взгляд, является недостаточно разработанное учение о судебно-следственных ситуациях. Судебно-следственная ситуация как категория, находящаяся в зоне пересечения предметов уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии, позволяет в едином блоке научных проблем рассматривать и уголовно-процессуальные вопросы доказывания в суде, и криминалистические вопросы тактики производства судебно-следственных действий, и психологические аспекты поисково-познавательной деятельности судьи. Ситуационный подход к исследованию проблем судебного следствия дает возможность успешно разрешать их, причем именно криминалистическими методами, что, как справедливо отмечает Т.С. Волчецкая, позволит наконец "подвести черту в дискуссии о целесообразности включения в предмет криминалистики судебного следствия".

Анализ существующих в литературе точек зрения на понятие судебно-следственной ситуации обнаруживает экстраполяцию основных концептуальных подходов к определению следственной ситуации ,существующих в криминалистике, на ее классификационную ветвь - ситуацию судебного следствия. Все эти определения, отражая различные аспекты одного и того же явления, безусловно, имеют право на существование. Очевидно другое - путем простой экстраполяции поня-

тий без учета специфики поисково-познавательной деятельности суда невозможно исследовать гносеологию внутреннего убеждения судьи, решающего познавательные проблемы в судебном разбирательстве; гносеологическую природу судебной ошибки и механизм трансформации следственной ситуации в судебную, а значит, определить, что такое судебная проблемно-поисковая ситуация как классификационная ветвь следственной ситуации и каково ее место в ряду однородных криминалистических явлений.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить гносеологические и процессуальные границы правосудия как одного из видов деятельности суда по установлению истины в уголовном судопроизводстве. Этот вопрос принципиальный, так как спектр познавательных проблем, решаемый судьей, в настоящее время достаточно широк и разнообразен, поэтому необходимо определиться: какие судебно-следственные ситуации непосредственно связаны с правосудием, а какие - с иной уголовно-процессуальной деятельностью суда. Отдельные авторы полагают, что "правосудие охватывает всю без исключения судебную деятельность по уголовным делам вне зависимости от процессуальных стадий, в том числе и при осуществлении судебного контроля".

По нашему мнению, данная точка зрения ведет к неоправданному расширению гносеологических и процессуальных границ правосудия, включению в его содержание несвойственной природе суда деятельности по применению мер пресечения уже на стадии предварительного расследования. Заметим, что данные меры остропринудительного характера применяются с согласия судьи в отношении лиц, вину которых еще предстоит доказать в установленном законом порядке, т.е. приговором суда, вступившим в законную силу (ч.1 ст.49 Конституции РФ). О каком же правосудии может идти речь в этом случае, если в дальнейшем эти лица могут быть оправданы судом? Еще в меньшей степени имеет отношение к правосудию деятельность судьи по контролю за ходом и результатом оперативно-розыскной деятельности.

Определить гносеологические и процессуальные границы поисково-познавательной деятельности суда в процессе отправления правосудия, на наш взгляд, как раз и позволит судебная проблемно-поисковая ситуация, под которой следует понимать наиболее психологизированный вид следственной ситуации, порожденный мыслительной деятельностью судьи (судей), протекающей в узком информационном поле, ограниченном, с одной стороны, материалами предварительного расследования, с другой - жестко регламентированной процедурой исследования доказательств в судебном заседании и принятия решений по существу дела.

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Н.М. Букаев

Ситуационный анализ наряду с теорией криминалистической характеристики преступлений оказал большое влияние на проработку многих принципов и общих положений методики расследования отдельных видов преступлений. Кажется, в настоящее время нет методических разработок без учета ситуационного развития преступной деятельности, явившейся предметом рассмотрения по уголовным делам.

По проблемам применения ситуационного подхода в практической деятельности по расследованию преступлений высказывались Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, В.А. Образцов, В.И. Рохлин, Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, Д.А. Турчин, В.И. Шиканов и многие другие. Даже этот неполный перечень фамилий известных ученых-криминалистов показывает, насколько актуальной явилась тематика следственных ситуаций. Примечательно, что все авторы пришли в основном к единому мнению о том, что разработка концептуальной теории следственных ситуаций позволяет обогатить следственную деятельность новыми подходами в познании и доказывании криминалистической деятельности, а следовательно, поднимет на следующий уровень общие методы расследования преступлений.

Если не пионерами, то во всяком случае основными начинателями разработки теории следственных ситуаций явились екатеринбургские криминалисты. Конкретными разработчиками данной темы стали И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, А.П. Онучин и др. В этом плане особый интерес представляют работы Л.Я. Драпкина, который приложил немало усилий не только к научному выяснению природы, но и положил начало разработки классификации следственных ситуаций. Автор первым указал на отсутствие диалектического равенства и единства внутри реальной ситуации. Его разработки в области практической структуры ситуаций обратили серьезное внимание практических работников и ученых на то обстоятельство, что следственная деятельность чаще всего имеет дело с конфликтными ситуациями, для «погашения» которых требуются квалифицированные усилия работников следствия и эффективные для

них научные разработки, способствующие успешному решению следственных задач в конфликтных условиях [1].

В числе первых авторов, заявивших свою приверженность к теории следственных ситуаций, оказались В.А. Образцов и В.Г. Танасевич. Они проанализировали феномен ситуации в общегносеологическом понимании и конкретную следственную ситуацию. Ими была отмечена сущность и структура следственной ситуации как динамической, подвижной системы, взаимосвязанной внутри своих подсистем, и в целом представляющей собой гносеологическое образование, помогающее органам расследования разобраться в конкретных обстоятельствах дела. Авторы, таким образом, сконцентрировали внимание на информационном значении следственной ситуации, составляющей основу ее ценностной сущности.

Характерной особенностью представления авторов о следственной ситуации является мнение о том, что ее важнейший элемент - следователь, который выполняет центральную роль в получении, восприятии, хранении, использовании и передаче информации. Эта точка зрения, прямо скажем, оригинальна и не разделяется другими авторами. Надо отметить, что включение следователя в систему следственной ситуации возможно только в том исключительном случае, когда под следственной ситуацией имеются в виду надзорные функции прокурора или другого руководителя следствием, который рассматривает причины, например, нераскрытия преступления, в сферу познания которого попадают как преступление, так и лица, занимающиеся его раскрытием и расследованием.

Если же подходить к следственной ситуации с конкретной деятельной позиции по расследованию преступления, то ее появление, формирование и развитие объективно и не зависит от следствия, деятельность которого можно рассматривать как производную, вскрывающую внутреннее содержание ситуации, состоящей из криминальной структуры, созданной преступными действиями. При рассмотрении этого вопроса надлежит также иметь в виду, что в силу обратной связи деятельности следственных органов принимаемые ими решения (например, об аресте подозреваемого) могут привести к изменениям внутренней структуры следственной ситуации. Однако в этом случае тоже нельзя говорить о следователе как об элементе структуры.

Следователь не имеет никакого отношения к созданию криминальных обстоятельств с уголовно-правовыми мотивами. Только их возникновение приводит в движение государственный следственный «двига-

---

[1] Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций// Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 26-27.

тель» по расследованию случившегося, который имеет информационно-познавательное питание и доказывание в основном от возникшей системы следственной ситуации. В конечном итоге В.А. Образцов и В.Г. Танасевич пришли к выводу, что «следственная ситуация – это обстановка по уголовному делу, сложившаяся при его возбуждении или на каком-либо этапе расследования, характеризующаяся источниками, содержанием, объемом имеющейся информации об обстоятельствах преступления и лице (лицах), его совершившем, результатами ее реализации, организационными, управленческими, интеллектуальными, техническими и иными возможностями следствия, воспринятая и оцененная его участниками в целях определения на этой основе очередных задач расследования, средств, приемов, методов и условий их оптимального решения»[1].

Из этого сложного и объемного определения видно, что и сами авторы в конечном итоге не включают в подлинную (криминальную) ситуацию следственные органы, так как сделать это было бы трудно.

Много полезных мыслей о сущности, понятии и перспективах дальнейшего развития теории следственной ситуации было высказано Р.С. Белкиным. По нашему мнению, весьма существенным и правильным является высказанное автором мнение, что, во-первых, следственная ситуация относится к числу понятий криминалистической тактики и что «следственная ситуация обусловливает прежде всего тактику конкретных следственных действий. Ее оценка реализуется именно в тактическом решении, получающем свое внешнее выражение в планировании расследования»[2].

В это же время И.Ф. Герасимов разработал программу теоретических исследований по проблемам следственной ситуации, которую полностью одобрил Р.С. Белкин, потому что она действительно содержательна и необходима. Эта программа, состоящая из одиннадцати пунктов, во многих отношениях до настоящего времени не осуществлена. Между тем многие ее составляющие заслуживают пристального внимания. Такие положения, как учет ситуационных факторов при организации взаимодействия следователя с органами дознания, специалистами, общественностью; пути преодоления типичных проблемных и конфликтных ситуаций при расследовании отдельных видов преступлений

---

[1] Образцов В.А., Танасевич В.Г. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации// Сов. государство и право. 1979. №8. С.109.

[2] Белкин Р.С. Перспективы исследования следственной ситуации// Следственная ситуация. М., 1985. С.3-4.

и групп преступлений[1], к сожалению, учеными до сих пор всесторонне не рассмотрены. Другие высказанные взгляды на природу следственных ситуаций, как уже было замечено, также строятся в основном на ее информационной характеристике как на наиболее существенном свойстве, могущем серьезно влиять на процесс расследования преступлений. Однако говорить о том, что следственной ситуации присуще информационное содержание и даже более того, что она насыщена информацией, крайне недостаточно.

Дело в том, что материальный мир вообще информативен и неотделим от информационных процессов. Поэтому это ее общее свойство не определяет ее специфических криминалистических особенностей. «Если раньше кибернетика и статистическая теория информации расширили понятие информации, отвергнув распространенное ее понимание лишь как духовного феномена, то применение теории информации в науках о неживой природе поставило вопрос о преодолении представления об информации как свойстве только кибернетических систем. В результате информация оказалась свойством не только общественных, живых и технических систем, но и вообще всех материальных систем»[2].

Таким образом, следственная ситуация не представляет никаких исключений из бесконечного ряда материальных объектов и явлений объективного мира. Очевидно, ее криминалистическая ценность заключается не в самой информации, а в возможности следствия при этом избрать наиболее эффективный тактический прием для успешного выполнения следственных задач. Поэтому Р.С. Белкин совершенно правильно пришел к выводу о том, что следственная ситуация как криминалистическая категория относится к следственной (криминалистической) тактике. Практическая польза ее заключается в том, что она представляет возможность выбора выгодного для следствия конкретного носителя криминалистической информации и в связи с этим применения соответствующего способа ее получения (извлечения) конкретными следственными действиями.

Если речь идет о краже чужой собственности, то знание информационного содержания следственной ситуации предопределяет первоначальный или иной момент расследования, конкретным образом влияет на принятие решения следователем, определяет его тактическую позицию и даже может изменить направление следствия по другой, ранее не возникавшей версии. Например, в случае расследования уголовного

---

[1] См.: Герасимов И.Ф. К вопросу о следственной ситуации// Следственная ситуация. М., 1985. С.11.

[2] Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973. С.45.

дела по серийным квартирным кражам группой преступников важной информацией является знание об участниках преступной группы, их количестве, составе, характеристике отдельных членов, структуре организации и прочее. В результате такой информации следователю выгоднее с тактической позиции начать допрос не просто с любого участника группы, а с подозреваемого лица, которое менее всего замешано в преступлениях, совершенных преступной группой, или по складу характера, воспитания и другим положительным качествам более всего является личностью, способной стать на путь раскаяния и потому скорее других может дать правдивые показания в отношении себя и преступной деятельности других участников. Без указанной зависимости между принимаемым решением следователя информационное содержание следственной ситуации было бы лишено ценностного содержания.

На первоначальном этапе расследования складываются ситуации с крайне недостаточными о них сведениями. В последнем случае принимается во внимание типовая схема следственной ситуации, характеризующаяся научной абстрактностью, равно как и типовая криминалистическая характеристика[1]. Не случайно поэтому Д.А.Турчин считает, что «следственная ситуация – это одномоментная криминалистическая характеристика преступления на определенном этапе ее развития»[2]. Этим самым автор логично связал общие положения расследования отдельных видов преступлений с частными случаями, наиболее четко проявляющимися в следственных ситуациях. Разумеется, в потенциальном отношении использование абстрактной системы следственной ситуации приводит к менее ожидаемым результатам, тем не менее ее функция в регулировании и организации криминалистической деятельности велика.

Думается, что целесообразно понятие следственной ситуации с учетом вышеизложенных замечаний определить следующим образом: следственная ситуация – это совокупность имеющейся на определенном этапе расследования уголовного дела информация о лицах, совершивших преступление, способах его совершения, образовавшихся следах и других значимых для раскрытия и расследования преступления обстоятельствах, на основании которой следователю представляется возможным избрать наиболее эффективное тактическое направление производства следственных действий и иных мероприятий.

---

[1] См.: Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983. С.24.

[2] Турчин Д.А.О разработке теории следственных ситуаций// Следственные ситуации. М., 1985. С.28.

ВИКТИМОЛОГИЯ И ВИКТИМНОСТЬ ПОТЕРПЕВШИХ

С.А. Синенко

В начале семидесятых годов в системе юридических наук появилось новое научное направление, которое в настоящее время, на наш взгляд, несколько незаслуженно забыто. Речь идет о виктимологии. Смысловое значение этого термина раскрывается большинством авторов как наука, учение о жертве преступления, т. е. в уголовно-процессуальном смысле о потерпевшем. В данное время это направление приобретает существенное значение, поскольку потерпевший в качестве самостоятельного участника в уголовном процессе может быть рассмотрен через виктимологическую призму, раскрывающую многие черты потерпевшего, на которые ранее мало обращалось внимание. Таким образом, можно отметить, что виктимология вобрала в себя весь комплекс актуальных процессуальных и не процессуальных, теоретических и практических концептуальных проблем в отношении потерпевших.

Из ряда актуальных проблем виктимологии Л.В.Франк указал на важность таких, как своевременное распознание жертвы преступления с целью предупреждения ее о потенциальной опасности; определение реального состояния жертвы латентной преступности; сатисфакция жертве преступления; использование данных виктимологии в целях дальнейшего совершенствования криминалистической тактики[1]. Наряду с перечисленными сложной проблемой является установление вины потерпевшего во всех ее аспектах.

В прошлом ученые и практики в редких случаях ставили задачу вовлечь потерпевших в активную борьбу против преступности, используя их в качестве союзников. Те замечания по этому поводу, которые все же имели место, остались незамеченными и не получили дальнейшего развития. В частности, по поводу участия потерпевших в едином фронте борьбы против преступности наиболее в позитивном плане высказался Л.Д.Кокарев. Рассматривая потерпевших в виктимологическом плане, автор писал: "Потерпевший, как правило, глубоко лично заинтересован

---

[1] См.: Франк Л.В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С.15-16.

в полном раскрытии преступления и возмещении причиненного ему вреда. Это необходимо рационально использовать в уголовном судопроизводстве"[1].

Чуть позже аналогичный взгляд высказывал В.И.Шиканов. Рассматривая виктимологию в качестве одного из перспективных учений в криминалистике, В.И.Шиканов обращал внимание на то, что "оно связано с криминалистическим аспектом изучения жертвы преступления; перед ним стоит задача - на основе данных о потерпевших оптимизировать процесс раскрытия преступлений. Практическая значимость глубокой разработки этой проблемы вполне очевидна; полученные результаты послужат надлежащей организации расследования ряда категорий преступлений»[2].

Думается, с учетом современной обстановки обвальной преступности в стране, для борьбы с которой необходима мобилизация всех разрешенных законодательством средств и методов, использование потенциала потерпевших в решении указанных важных социальных задач крайне необходимо. При этом следует иметь в виду, что пострадавшими от преступления в большинстве случаев бывают безупречно положительные, правопослушные граждане, относительно которых имеются все основания считать, что при соответствующем обращении к ним и при создании организующих условий они в состоянии включиться в активную борьбу с растущими правонарушениями и преступностью.

Таким образом, формирование отряда потерпевших с позитивными, активными, отрицательными взглядами на преступление, от которых логично ожидать действенной помощи в решении как общих, так и частных задач органов расследования, во многом зависит от их отношения к потерпевшим - резервной силы в борьбе не только с преступностью, но и с другими правонарушениями. Выбору правильной позиции в отношении конкретных лиц, фигурирующих в качестве потерпевших по уголовным делам, поможет изучение их.

В связи с рассмотрением категории потерпевшего в уголовном процессе и криминалистике нельзя обойти стороной назревший к настоящему времени вопрос о возможности признания в качестве потерпевших юридических лиц, которым в результате совершенного преступления причинен материальный ущерб или вред. Эта тема затрагивает

---

[1] Кокарев Л.Д. Некоторые вопросы виктимологии, ее влияние на признание лица потерпевшим и его участие в расследовании и профилактике преступлений // Виктимология и профилактика правонарушений. Иркутск, 1979. С.55.

[2] Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология: анализ сущности и функций // Криминалистическая виктимология. Иркутск, 1980. С.3.

многие вопросы, требующие достаточной ясности в современных рыночных условиях.

Как известно, уголовно-процессуальные кодексы периода советской государственности не предусматривали в качестве потерпевших юридических лиц. Последние в случае причинения преступлением материального ущерба принимали участие в уголовном процессе в качестве гражданских истцов. Однако по мере приближения к рубежам перестроечного периода некоторые авторы стали поднимать эту проблему более остро и обоснованно. В виктимологической тематике одной из первых подобных работ стало выступление Г.М. Шевцова[1]. Автор высказывал вполне логичное обоснование того, что в уголовном процессе и криминалистике так или иначе зачастую фигурирует юридическое лицо – любое предприятие или организация, которые потерпели ущерб от направленного против них преступления. Свои выводы автор проиллюстрировал на примере кражи и хищений золота в старательных артелях. Действительно, в подобном элементарном предприятии, являющемся юридическим лицом, в случае кражи добытого золота все станут потерпевшими, поскольку все работающие производственники и не имеют специального управленческого и представительного подразделения.

Нет сомнения, что институт потерпевших – юридических лиц объективно будет развиваться и в дальнейшем. Поэтому, по нашему мнению, вполне оправдано внесение законодателем в проект уголовно-процессуального кодекса п.11 ст.49, в которой говорится, что потерпевшим может быть признано и юридическое лицо в случае причинения ему преступлением морального и материального вреда. При этом особо следует подчеркнуть мнение составителей проекта о том, что речь идет также и о моральном вреде (гл. 8 ГК РФ), причинение которого в условиях жесткой конкуренции и монополии в крайних случаях может рассматриваться в качестве преступных действий юридического лица со всеми вытекающими отсюда криминалистическими последствиями.

---

[1] См.: Шевцов Г.М. Потерпевший – юридическое лицо как структурный элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая виктимология. Иркутск, 1980. С.60-62.

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.Ф. Реховский

В ст.2 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечается, что одной из задач оперативно-розыскной деятельности является розыск без вести пропавших. В соответствии с вышеназванным законом (ст.7) основанием для проведения розыска без вести пропавших являются сведения, ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, о «лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов».

Следует отметить, что сам факт исчезновения человека не всегда может свидетельствовать о том, что в отношении него совершено преступление. Но в любом случае проведение розыскных мероприятий должно осуществляться по определенной методике или программе, которая в настоящее время не разработана ни в науке, ни на практике.

Методика розыска без вести пропавших лиц должна строиться, на наш взгляд, с учетом нескольких факторов. Во-первых, *информационный фактор*.

Информация, которая лежит в основе заявления о пропаже человека, как правило, не отличается полнотой. Анализ информации, имеющейся на проверочном этапе, может быть трех видов: а) информация, возникшая как изменение среды под воздействием проверки заявления об исчезновении человека (например, информация о возможном местонахождении пропавшего); б) информация о разыскиваемом, носителями которой являются объекты, как связанные, так и не связанные с возможным событием преступления (свидетели, родственники, документы и др.); в) справочная информация.

Во-вторых, *версионный фактор*.

Информация всех трех указанных видов служит основой для организации и планирования розыска без вести пропавших, логической основой которых составляют розыскные версии. Нередко наблюдается смешение понятий «розыскные» и «оперативно-розыскные» версии[1]. Однако неточным, на наш взгляд, является утверждение Р.С. Белкина о

---

[1] См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т.2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С.217.

том, что «розыскная версия - версия следователя, оперативно-розыскная - версия оперативного работника»[1]. Розыск пропавшего без вести может вестись не только оперативным, но и следственным путем. Деление указанных видов версий по субъектному признаку некорректно. Розыскная деятельность преследует цель выявление лиц, и фактов, представляющих интерес для органов дознания, в нашем случае - установление местонахождения пропавшего без вести.

В-третьих, *психологический фактор.*

Розыскная деятельность предполагает решение таких мыслительных задач:

1) формирование представлений о психологическом облике разыскиваемого;

2) прогнозирование с учетом этих представлений поведения пропавшего и определение вероятных мест его нахождения;

3) моделирование поведения и действий субъекта розыска;

4) прогнозирование поведения и действий лиц, причастных к совершению преступления (в случае установления события преступления).

В-четвертых, *организационно-управленческий фактор.*

Поиск без вести пропавших лиц невозможен без взаимодействия органа дознания со следствием, экспертными службами, общественностью. Традиционно выделяют несколько форм взаимодействия - совместное производство следственных действий, выполнение отдельных поручений следователя (ст.127 УПК РСФСР), совместное планирование и обмен информацией.

Р.С. Белкин самостоятельно выделяет совместное обсуждение результатов розыскной деятельности, выявление недостатков. К типичным недостаткам он относит:

1) разобщенность розыскных действий следователя и органа дознания;

2) отсутствие планирования и четкой координации следственных действий и оперативно-розыскных мер;

3) отсутствие контакта между следователем и оперативным работником;

4) постановка перед органами дознания розыскных задач слишком общего, неконкретного характера;

5) поручение следователями оперативным работникам заданий, не имеющих ничего общего с оперативно-розыскной деятельностью или невыполнимых в данной конкретной ситуации;

---

[1] Там же.

б) самоустранение следователей от розыскной деятельности и возложение розыска целиком на органы дознания[1].

Думается, интересен будет подход к исследуемой проблеме с точки зрения теории тактических операций. Разработка криминалистикой тактической операции «Поиск без вести пропавших лиц» позволит эффективнее решать задачу установления местонахождения пропавшего, с одной стороны, а с другой - позволит выявлять в первичной информации признаки события преступления (убийства или похищения человека).

[1] Там же. С. 231.

ТИПИЧНЫЕ ВЕРСИИ, ВЫДВИГАЕМЫЕ ПО ДЕЛАМ О БЕЗВЕСТНОМ ОТСУТСТВИИ ГРАЖДАН

О.Н. Шипунова

Немного людей будут спорить с утверждением, что исчезновение человека стало одной из актуальных и проблемных тем для сотрудников правоохранительных органов. Военные конфликты, взрывы, беспрерывный поток ДТП, обнаруженные неопознанные трупы, сбежавшие из дома несовершеннолетние – все это реалии сегодняшнего дня. Поэтому поступающее заявление или сообщение о пропаже гражданина, по сравнению со статистикой прошлых лет, не является чрезвычайным событием.

В последнее время очень часто оперативные работники и следователи сталкиваются еще и с тем, что как таковой методики по розыску пропавших людей просто нет, поэтому такая работа строится на основе двух-трех ведомственных нормативных актов, а этого, как показывает практика, явно недостаточно. На это же указывает обобщение практики с 1997 по 1999 г., где прослеживается тенденция не уменьшения, а, напротив, увеличения поступающих заявлений об исчезновении граждан.

На выдвижении версий по факту безвестно отсутствующих людей строится дальнейшее планирование расследования, именно этот этап ориентирует следователя и оперативного работника на те или иные действия, направленные на розыск пропавшего. И от того, какие версии будут выдвинуты, а затем проверены, зачастую зависит судьба человека.

Изначально после поступления заявления или сообщения выдвигаются так называемые «общие» версии, которые можно классифицировать как «человек жив» и «человек мертв». После этого идет проверка заявления, т. е. сбор какой-либо информации, которая направляет проверяющего по тому или иному пути, и от того, какая информация поступает к этому человеку, как он ее обрабатывает, даже от психологии работника зависит продвижение дальнейшего расследования.

После поступления каких-либо сведений общие версии трансформируются в более конкретные. Именно такое название дали этому виду версий ученые-криминалисты, такие, например, как Р.С. Белкин, Г.Н. Мудьюгин, В.А. Образцов. Типичные версии разрабатываются на основе многолетнего обобщения уголовных дел и статистического анализа результатов расследования. Спецификой выдвижения такого вида версий является дефицит информации. Информация о пропавшем зависит от того, кто подал заявление, какие факты предоставил, о каких

контактах исчезнувшего поведал, именно на этом строится выдвижение версий, от этого зависит возможность возбуждения уголовного дела. К примеру, для того, чтобы отказать в возбуждении уголовного дела, сотруднику правоохранительных органов требуются основания, полученные в ходе предварительной проверки. Поэтому представляется необходимым обратить внимание сотрудников правоохранительных органов на важность добросовестного исполнения служебного долга при работе с материалами о без вести пропавших.

Важно отметить, что при выдвижении версий обязательно учитываются и версии, предлагаемые заявителем, а также родственниками и знакомыми пропавших. Как показывает практика, нередки случаи, когда именно эти лица и являются виновниками исчезновения гражданина.

После получения результатов предварительной проверки версии начинают конкретизироваться, т.е. две предложенные нами ниже разбиваются на несколько версий. Это будет выглядеть следующим образом.

Человек жив				Человек мертв			
Отсутствует по доброй воле		Отсутствует по принуждению		Умер насильственной смертью		Умер ненасильственной смертью	
Уехал	Скрылся	Похищен	Задержан или арестован	Несчастный случай	Убит	От болезни	Естественная смерть

Это приблизительная классификация версий, которые в обязательном порядке должны быть проверены, причем, надо отметить, что должна производиться проверка всех версий, а не какой-то отдельно взятой, так как зачастую работник правоохранительных органов может ошибиться в выборе проверяемой версии, а время для оперативной проверки оставшихся версий будет уже упущено. Очень важно отметить, что при выдвижении версий учитывается вся, пусть даже на первый взгляд незначительная, информация. Только тогда можно будет не тратить силы на проверку всех версий, а активизировать деятельность работников милиции на какой-то определенной линии. В этом случае проверка будет проводиться быстрее и результат, соответственно, получен раньше.

Актуальность проблемы выдвижения версий в случае исчезновения человека очевидна, но хотелось бы надеяться, что в результате научно-исследовательской деятельности в данной области, в результате совместной работы практиков и теоретиков будет выработана методика, позволяющая сосредоточить внимание непосредственно на раскрытии и расследовании преступлений, связанных с пропажей людей.

ПРЕСТУПНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ

Д.А. Мезинов

О значении разработки классификаций преступников по свойствам их личности специально для решения криминалистических задач неоднократно говорилось в отечественной криминалистической литературе (Н.Т. Ведерников, И.Ф. Герасимов). Наиболее же наглядно значение такого рода специально разработанных классификаций демонстрируется широкой и успешной практикой применения так называемой методики составления психологического «портрета» неизвестного преступника, главным образом по делам о серийных убийствах, в деятельности полиции США и других стран Запада. Как показывается в зарубежной и некоторой отечественной криминалистической литературе (J. Douglas, B. Turvey, В.А. Образцов), посвященной данной методике, классифицирование преступника выступает второй, после сбора и анализа первичной информации, обязательной стадией составления психологического «портрета». Соответственно, существование классификаций серийных убийц по тем их психологическим свойствам, которые можно предположительно установить уже на первоначальном этапе расследования через анализ криминалистически значимых сведений о поведении преступника при подготовке, совершении и сокрытии убийства, о личности и поведении жертвы, об обстановке, а также иных обстоятельствах убийства, является важнейшим условием точности составляемого «портрета».

В целом практика применения методики составления психологического «портрета» наглядно показывает, что существование научно обоснованных классификаций преступников по психологическим свойствам личности, разработанных для применения при расследовании отдельных категорий преступлений, - важное, а в ситуации «неочевидности» просто необходимое условие успешного решения задачи установления и розыска преступника. Как можно убедиться, основанная на теоретических и эмпирических исследованиях, криминалистическая классификация преступников по психологическим свойствам личности позволяет при недостатке исходных данных на первоначальном этапе расследования преступления выдвигать достаточно обоснованные типичные версии в отношении устанавливаемого и разыскиваемого лица и

тем самым способствует сужению круга подозреваемых. Кроме того, знание такого рода классификаций и соответствующее классифицирование преступника уже на первоначальном этапе расследования, очевидно, может иметь значение и для правильного выбора тактических приемов более поздних следственных действий, особенно проводимых с участием обвиняемого (подозреваемого).

В качестве оснований классификации здесь могут выступать различные психологические свойства личности, в том числе и свойства преступной мотивации. Один из примеров классификации преступников по свойствам их мотивации – это используемая в зарубежной практике применения методики составления психологического «портрета» (B. Turvey, J. Douglas, R. Holmes) классификация серийных убийц на «провидцев» (visionary), ориентированных на «миссию» (mission-oriented), «гедонистов» (hedonistic) и ориентированных на «контроль» (control-oriented). Более того, мы считаем, что разработка для применения при расследовании отдельных категорий преступлений криминалистических классификаций преступников по свойствам их мотивации должна являться, по сути, итоговой целью криминалистических научных исследований преступной мотивации.

По нашему мнению, при разработке такого рода классификаций следует критически оценивать распространенные среди отечественных ученых-криминалистов упрощенные представления о преступной мотивации, исходящие из ограниченного набора формулировок отдельных видов мотивов преступлений, называемых в законе как «корысть», «месть», «хулиганские побуждения» и подобных им, и соответствующего понятия мотива преступления, разработанного в науке уголовного права. Дело в том, что данные представления не соответствуют результатам современных исследований мотивации, не отражают в полной мере объективно существующие закономерности данного психологического явления и возможности их использования специально для решения криминалистических задач.

Выход из сложившегося положения видится в более целенаправленном и непосредственном использовании для разработки криминалистического понимания преступной мотивации и соответствующих классификаций преступников по свойствам их мотивации современных достижений психологии, особенно психоаналитического направления, а также патопсихологии и психиатрии. Целесообразность такого подхода также продемонстрировал зарубежный опыт.

В соответствии с намеченным подходом нами было предпринято построение специально подчиненной решению криминалистических задач классификации преступников по свойствам их мотивации. Эмпи-

рическую базу данной классификации составили, прежде всего, результаты применения нетрадиционных для криминалистических исследований психодиагностических методик в отношении обвиняемых по делам о насильственных и корыстно-насильственных преступлениях, наиболее часто встречающихся в практике следователей низовых звеньев ОВД. Кроме того, были проанализированы и собственно материалы уголовных дел в отношении протестированных субъектов. Предложенная классификация в обобщенной форме описывается ниже.

Итак, в результате проведенных исследований было выявлено доминирование в мотивационной сфере личности изученных лиц одной из пяти групп типичных основных мотивов личности, которые условно были обозначены как мотивы «достижения», мотивы «контроля», мотивы самоутверждения в общении, мотивы ситуативной «самоактуализации», мотивы внутренней «самоактуализации».

Сказанное позволило выделить пять классов преступников, название которых соответствует названию группы основных мотивов, доминирующих в мотивационной сфере их личности: *ориентированные на «достижения»*; *ориентированные на «контроль»*; *ориентированные на самоутверждение в общении*; *ориентированные на ситуативную «самоактуализацию»*; *ориентированные на внутреннюю «самоактуализацию»*.

Было установлено, что доминирование в мотивационной сфере личности какой-либо группы основных мотивов, определяющее, вместе с иными личностными характеристиками, принадлежность изученных субъектов к определенному классу, устойчиво коррелирует со сведениями о внешних признаках преступлений, совершенных представителями этого класса. Из числа выявленных корреляций в данной статье, ввиду ограниченности ее объема, приводятся лишь наиболее устойчивые и специфические для того или иного класса. Однако отметим, что именно знание о данных корреляциях позволит выдвинуть типовую версию об отнесении преступника к одному из выделенных классов уже на первоначальном этапе расследования, тем самым способствуя сужению круга подозреваемых. При этом наиболее обоснованными будут те версии, которые построены на основе выявления наиболее часто встречающихся в преступлениях субъектов определенных классификационных групп признаков, в то же время редко встречающихся в преступлениях представителей других классификационных групп. Особое значение для обоснованного классифицирования будет иметь выявление сочетания таких признаков.

К классу *ориентированных на «достижения»* было отнесено 19% изученных лиц. Характеризующие субъектов данного класса мотивы

«достижения» можно определить как стремления к труднодоступным целям, путь к которым связан с преодолением препятствий, соперничеством, риском и требует серьезного напряжения усилий, что свидетельствует о своеобразном самоиспытании личности.

Обозначение рассматриваемой группы основных мотивов личности как мотивов «достижения», а соответствующего класса преступников как ориентированных на «достижения» во многом связано с тем, что, очевидно труднодоступные цели оценивались ими как имеющие социально значимый характер, т.е. связанные с повышением социального статуса субъекта, реализацией карьеры. Во всяком случае, эти цели носили характер личностных достижений в субъективном понимании представителей данного класса.

Для преступлений субъектов класса ориентированных на «достижения» были характерны следующие признаки.

Во-первых, нельзя не отметить инициативный, наступательный характер действий в ситуации совершения преступления.

Во-вторых, особенно яркой отличительной особенностью действий ориентированных на «достижения» в ситуации совершения преступления являлся их длительный, настойчивый и в то же время гибкий характер на пути к достижению связанных с чувством победы и превосходства целей. Насилие, особенно выразившееся в причинении тяжкого вреда здоровью, ни в одном из случаев совершения преступления субъектом, ориентированным на «достижения», не являлось самоцелью, а всегда было средством, которое применялось, как правило, уже после того, когда другие средства не помогали достигнуть поставленных целей.

В-третьих, характер использования орудия преступления и результатов его применения является ярким проявлением такого качества ориентированных на «достижения», как способность к концентрации на цели момента. В большинстве случаев можно уверенно констатировать, что применение орудия преступления было точным, целесообразным, своевременным, наконец, в целом эффективным, что можно определить по количеству и характеру причиненных им повреждений и их соотношению с необходимостью достижения поставленных целей.

В-четвертых, у большинства изученных преступников этого класса в ситуации совершения преступления можно отметить достаточное сохранение выдержки, самообладания и присутствие сознательно-волевой регуляции.

Класс *ориентированных на «контроль»* был представлен наиболее широко – 40% изученных лиц. Присущие субъектам данного класса мотивы «контроля» обобщенно можно сформулировать как стремления к реализации, защите и обеспечению сохранности социального статуса и

биологических основ существования личности. Признаки проявления этих мотивов в преступлениях следующие.

Во-первых, такие стремления часто реализуются в прямолинейных действиях в виде директивного поведения в отношении окружающих, которые выбираются, таким образом, в качестве «подчиненной» стороны или объектов «управления», «контроля», нередко перерастающего в действия агрессивного характера. Можно сказать, эти действия имеют вид наведения «порядка» или поддержания уже имеющегося, в том числе в межличностных отношениях, или в целом контроля над ситуацией, управления ею. Однако субъект, реализующий подобные действия, имеет свои жесткие, нередко ригидные, излишне рациональные и не соответствующие реальности, наконец, не поддающиеся критике представления об этом порядке и своих «полномочиях» на его наведение, что и приводит к конфликтам с окружающими.

Во-вторых, данные стремления нередко определяют попадание субъекта в преступные группы и выполнение роли «надежных» исполнителей, а также в целом склонность к совершению корыстных преступлений.

В-третьих, данные стремления нередко выражаются в импульсивных, прямолинейных, по сути, неразумных и неосторожных действиях по захвату материальных ценностей.

В-четвертых, добавим, что данные стремления во многом связаны с повышенным уровнем тревожности и существованием в психике субъекта так называемой концепции «агрессивной и угрожающей» среды, которая определяет проявление прямолинейных агрессивных действий для защиты собственной безопасности даже при отсутствии реальной опасности. Этими причинами, очевидно, можно объяснить такой часто характерный для субъектов рассматриваемого класса признак, как постоянное ношение или хранение ими холодного, огнестрельного оружия или иных предметов, которые могут быть использованы для обеспечения «защиты».

К классу *ориентированных на самоутверждение в общении* был отнесен 31% изученных лиц. Для субъектов данного класса характерно постоянное стремление к утверждению себя «в глазах» окружающих людей, особенно тех, которые выбраны ими в качестве партнеров для общения, что нередко выражается в некоторой демонстративности их поведения в присутствии других людей, его направленности на внешний эффект, привлечение внимания. Поэтому и преступные действия данных субъектов, как правило, связаны со сферой их непосредственного межличностного общения и во всех изученных случаях были реализованы в присутствии других людей.

Реализация указанного постоянного стремления в сфере общения у представителей рассматриваемого класса выполняет, как правило, компенсирующую роль. Для них характерна неразвитость мотивов «достижения», т.е. неспособность к достижению труднодоступных целей, требующему длительного и сильного напряжения волевых усилий. Как следствие, они не могут в достаточной мере удовлетворить глубинную потребность в самоутверждении в большинстве сфер социальной деятельности, где требуется способность к длительному и сильному напряжению волевых усилий, концентрированных на отдаленной цели. Отсюда отсутствие социального успеха и недостаток общественного признания они компенсируют в сфере непосредственного межличностного общения, где чувствуют себя достаточно уверенно.

Как выяснилось, для представителей рассматриваемого класса характерна в основном ситуативная обусловленность поведения, в том числе преступного. Можно выделить несколько видов ситуативных мотивов, актуализация которых у представителей рассматриваемого класса в типичных ситуациях общения легко может детерминировать преступное поведение.

Во-первых, выраженные в активных действиях в групповых преступлениях стремления к утверждению своей позиции в группе. При этом, очевидно, обязательным условием активности этих действий являлось непосредственное присутствие при их совершении других соучастников.

Во-вторых, ситуативное чувство неполноценности, легко возникающее у представителя рассматриваемого класса в присутствии тех лиц, мнения и оценки которых для него важны, вследствие поведения любого лица, которым умаляются его достоинства, особенно социально значимые характеристики. При этом, очевидно, актуализируется непреодолимое стремление избавиться от этого неприятного чувства, что нередко и выражается в преступных действиях сумбурного, импульсивного, аффективного, мало поддающегося сознательно-волевой регуляции характера.

В-третьих, страх перед ограничениями, который в большей степени неосознаваем, постоянен и может выразиться в конкретной ситуации в виде бурных эмоциональных реакций протеста и даже агрессии против лиц, предъявляющих требования, влекущие определенные ограничения или содержащие угрозу таких ограничений.

В-четвертых, ситуативная агрессия, выражающаяся в действиях, направленных скорее на разрядку физиологического напряжения, чем на достижение определенной идеальной цели. Об этом можно заключить по большому количеству нанесенных потерпевшему телесных повреж-

дений, большей частью беспорядочно расположенных и нецелесообразных, что встречается в преступлениях представителей рассматриваемого класса довольно часто.

Крайне незначительную долю изученных лиц составили представители классификационных групп *ориентированных на ситуативную «самоактуализацию»* и *ориентированных на внутреннюю «самоактуализацию»* - соответственно 8 и 3 %.

Основные мотивы, доминирующие в мотивационной сфере личности представителей обеих групп, можно обозначить как мотивы «самоактуализации». Доминирование мотивов «самоактуализации» в мотивационной сфере их личности предполагает известное безразличие к тем ценностям, которые определяют смысл поступков человека при доминировании в его личности ранее рассмотренных групп мотивов. Если конкретизировать, то данные субъекты в известной мере безразличны к ценностям достижения труднодоступных целей социально значимого характера, реализации и обеспечения защиты и сохранности социального статуса и биологических основ существования, наконец, непосредственного межличностного общения. Определяемое мотивами «самоактуализации» поведение данных лиц – это своеобразный акт творчества, смысл которого заключается в самом процессе реализации этого поведения, в котором выражается какой-либо потенциал личности, что-то новое, еще более ее индивидуализирующее. Эти мотивы могут действовать как неосознаваемые тенденции и определяют известное непостоянство, нелогичность, непредсказуемость поведения.

В полной мере такого рода характеристики можно отнести к поведению представителей первой из рассматриваемых групп – группы ориентированных на ситуативную «самоактуализацию». Поведение представителей этой группы довольно сильно зависит от влияния ситуативных факторов, в первую очередь от состояния эмоциональной сферы личности. Совершенные ими преступные действия, судя по изученным уголовным делам, – это чаще всего агрессивные действия аффективного и импульсивного характера, заканчивающиеся лишь пресечением со стороны граждан либо эмоциональной разрядкой и сменой настроения. Эти действия были совершены в отношении, как правило, незнакомых лиц по явно ничтожному поводу или без повода, в состоянии алкогольного опьянения с неспособностью в последующем вспомнить большую часть эпизодов произошедшего события.

В завершение статьи можно сделать ряд обобщающих выводов и высказать некоторые суждения по повышению эффективности практического использования и дальнейшему совершенствованию предложенной классификации. Итак, эта классификация призвана способствовать

решению криминалистических задач процесса расследования преступлений: как задач изучения личности преступника на первоначальном этапе расследования преступления через анализ сведений о способе, обстановке его совершения, объекте и предмете преступного посягательства, личности и поведении потерпевшего, а также событиях пред- и посткриминального характера, так и задач изучения личности уже установленного обвиняемого.

В первую очередь предложенная классификация может непосредственно использоваться при расследовании преступлений, входящих в категорию изученных при ее разработке, т.е. насильственных и корыстно-насильственных преступлений, квалифицируемых по ст.ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 161 (грабеж), 162 (разбой), 213 (хулиганство) УК РФ. Выдвижение на основании выявленных корреляций между характеристиками классификационных групп и внешними признаками изученных преступлений типовой версии о принадлежности преступника к одной из представленных классификационных групп будет в определенной мере способствовать сужению круга подозреваемых и тем самым установлению и розыску преступника, если таковой на первоначальном этапе неизвестен. При этом, учитывая, что по большинству преступлений, входящих в категорию изученных в работе, уже на первоначальном этапе их расследования имеются лица, обоснованно подозреваемые в их совершении, предложенные классификационные разработки можно использовать для проверки и уточнения выводов о причастности таких лиц к расследуемому преступлению. В целом же использование предложенной классификации поможет глубже понять психологию этих лиц, что весьма важно при выборе и применении тактических приемов дальнейших следственных действий, особенно проводимых с участием обвиняемого (подозреваемого).

В то же время при разработке предложенной классификации пока изучено минимальное число лиц и, соответственно, количество совершенных ими преступлений. Между тем для подтверждения полученных выводов и повышения практической значимости предложенной классификации требуются дальнейшие эмпирические исследования большего массива уголовных дел и соответствующего количества лиц, проходящих по ним в качестве обвиняемых. Такие исследования позволят подтвердить ранее выявленные корреляции и обнаружить новые, дополнить характеристики классификационных групп, выделить подгруппы внутри классификационных групп и в целом увеличить число таких групп. Успешное решение этих задач повысит обоснованность выдвигаемых на основании выявленных корреляций версий о наличии у преступника тех

или иных устойчивых свойств мотивационной сферы и иных свойств личности и его принадлежности к определенной классификационной группе в зависимости от содержания этих свойств. Кроме того, это увеличит объем исходных данных, которые могут быть использованы для выдвижения указанных версий. Наконец, применение в процессе расследования преступлений усовершенствованной после успешного решения названных задач классификации позволит в максимальной степени сужать круг подозреваемых и получать более всесторонние и глубокие знания о психологии преступника.

Далее, большой резерв повышения эффективности практического использования предложенной классификации видится также в совершенствовании тактических приемов проведения следственных действий, с учетом устойчивых свойств мотивационной сферы и иных свойств личности, характеризующих выделенные классификационные группы преступников. Причем, учитывая, что выявить рассмотренные устойчивые свойства мотивационной сферы и связанные с ними иные свойства личности можно у преступников, совершающих преступления различных категорий, предложенная классификация может способствовать развитию общих тактических положений, призванных быть использованными при расследовании различных категорий преступлений и, таким образом, следственной тактики в целом.

В конечном же итоге представленный подход к разработке классификации преступников по свойствам преступной мотивации направлен на совершенствование методико-криминалистических рекомендаций. Данный подход может быть использован при изучении уголовных дел и проходящих по ним обвиняемых для повышения эффективности расследования преступлений различных категорий, в том числе характеризующихся в качестве «неочевидных», как в рамках существующих частных методик, так и путем создания новых методик в зависимости от свойств мотивационной сферы личности, проявляющихся в преступлениях.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.И. Ковалев

1. Расследование преступлений представляет собой настолько сложный процесс познания, что при его осуществлении необходимо использовать все дозволенные средства и методы, применяемые человеком в его практической деятельности. Эти средства и методы должны быть связаны с получением доказательственной информации.

2. Большие возможности в обнаружении доказательственной информации и повышении эффективности тактики проведения отдельных следственных действий связаны с индивидуальным поведением человека. В общем виде поведение представляет собой образ действий.

3. Различные аспекты индивидуального поведения рассматривали ученые психологи (А.Р. Ратинов, В.П. Васильев), физиологи (И.П. Павлов, И.М.Сеченов, Д.А. Кикнадзе, П.П. Блонский), психиатры (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Н.Д. Левитов), криминалисты (С.А. Яни, В. Лебедев) и др.

4. Суммируя наиболее характерные особенности поведения, можно сделать следующие выводы:

а) поведение присуще каждому человеку и строго детерминировано;

б) оно охватывает широкий диапазон жизнедеятельности человека и играет в ней роль регулятора во взаимодействии с окружающей средой;

в) поведение относится к числу сложных динамических структур и постоянно присуще человеку. Представление о неподвижном, бездействующем, никак себя не ведущем человеке, писал П.П. Блонский, ненаучно.

5. Каждое преступление представляет собой факт реальной действительности и потому способно выступать причиной определенного поведения, в первую очередь преступника. Оно тесно связано с фактом преступления, так как является закономерным проявлением доминанты - мощного очага возбуждения, который возникает под влиянием преступного события в коре больших полушарий головного мозга.

Принцип детерминированности предполагает наличие причинной связи между преступлением и поведением, которые выступают как диа-

лектические категории «причина и следствие». Закономерное отражение причины в производимом ею следствии и возможность по следствию раскрывать, познавать причину является одним из основных условий в решении вопроса о способности поведения раскрывать обстоятельства преступного события.

6. Способность индивидуального поведения содержать информацию, связанную с расследуемым преступлением, дает основания для вывода о необходимости изучения поведения в рамках криминалистической науки. Такой вывод основывается на двух обстоятельствах. Во-первых, поведение человека не изучается ни криминалистикой, ни смежными с нею науками, даже такой, как юридическая психология. Во-вторых, индивидуальное поведение представляет собой сложный объект познания. Составные элементы поведения - идеальное и материальное, индивидуальное и социальное - представляют собой взаимосвязанные противоречивые образования. Их изучение позволит решить вопрос о пределах познаваемости поведения в рамках уголовно-процессуальной деятельности и возможности фиксирования поведения процессуальными средствами.

В зависимости от отношения человека к совершаемым поступкам, действиям, реакциям в психологии принято делить поведение на неосознанное, или бессознательное, и осознанное, или волевое, интеллектуальное. Бессознательное поведение, в свою очередь, делится на несколько видов: *импульсивное*, возникающее в результате актуальной потребности с конкретной существующей ситуацией во внешней среде и направленное на реализацию установки; *инстинктивное* - представляющее собой комплекс биологических потребностей; *стереотипное* - привычная система действий, выработанных в процессе жизнедеятельности человека под воздействием комплекса однотипных условных рефлексов; *эмоциональное* - проявления, основу которых составляют эмоции - сложные, устойчивые психические процессы, в которых человек переживает свое отношение к различным явлениям окружающей действительности и, наконец, *осознанное* - представляющее собой действия, поступки, которые являются результатом усложнения ситуации, когда человеческий мозг альтернативно решает вновь возникшую перед ним задачу.

7. Глубокое изучение в рамках криминалистической науки структуры и видов индивидуального поведения позволит определить, какое и почему поведение может быть использовано в качестве доказательств

(улик поведения), какое - для разработки тактики следственных действий, а какие виды непригодны ни для первого, ни для второго.

8. Исходя из того, что основная задача исследования индивидуального поведения заключается в получении доказательственной информации и определении тактики следственных действий оно (поведение) должно специально изучаться криминалистической наукой и в ее структуре занимать особое место - после криминалистической тактики.

СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ МЕСТО В ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ

О.Н. Сафаргалиева

Личность преступника, возможности ее установления, прогнозирование посткриминального поведения и поведения в период расследования неизменно оставались в числе наиболее актуальных проблем криминалистики. В последние годы данная проблема привлекает особо пристальное внимание, прежде всего, в связи с возможностью изучения и обобщения достижений зарубежных ученых и практиков-криминалистов, в частности в области создания «психологического профиля» преступника, необходимостью создания унифицированных систем поиска преступника.

Исследования российскими учеными-криминалистами проблем, касающихся личности преступника, в настоящий период связаны с попыткой создания криминалистической типологии преступников, которая включает в себя два основных направления: 1) выявление общих закономерностей, свойственных определенному типу преступников при совершении любого вида преступлений; 2) выявление специфических особенностей, характеризующих совершение конкретных видов преступлений представителями определенного психологического типа.

Исследования, осуществленные с целью создания психолого-криминалистической классификации преступников (первое направление) осуществлялись с учетом устойчивых свойств мотивационной сферы, преступники были классифицированы в зависимости от характеризующих их основных мотивов личности. На этой основе были выделены пять классов преступников: ориентированные на «достижения», ориентированные на «контроль», ориентированные на самоутверждение в общении, ориентированные на ситуативную самоактуализацию и ориентированные на внутреннюю самоактуализацию (Д.А. Мезинов).

Подход к проблеме, выбранные основания и сама классификация преступников представляются обоснованными. Однако сосредоточив внимание на сущностных свойствах личности, автор не исследовал их отличие от другой важной группы психических явлений – психических состояний. Причина кроется в подходе к типизации преступников с по-

зиций выявления прежде всего связи «личность преступника – преступление». Представляется, что данный подход, несмотря на свою оправданность в конкретном исследовании, все-таки является несколько односторонним. Наиболее типична ситуация, когда органы расследования сталкиваются с результатом деятельности преступника – материальными следами, не имея предварительной информации о его личности.

При таких обстоятельствах всегда устанавливается связь «следы преступления – личность преступника». И любые внешние выражения деятельности последнего, отражающие особенности действующего субъекта, позволяют в поиске отдельных «штрихов» его личности идти от частного к общему – классификационной группе психолого-криминалистической характеристики личности преступника. Одно из частных проявлений личности преступника - отражение в материальной обстановке места происшествия состояний преступника. В психологии общепризнан тот факт, что любая деятельность сопровождается тем или иным психологическим состоянием и в некоторой мере зависит от них, т.е. состояние является «фоном», на котором протекает любая, в том числе и преступная, деятельность. При совершении преступлений, как и в любой другой деятельности, реализуются волевые, интеллектуальные и эмоциональные состояния.

Выдвижение версий о волевых состояниях преступника по результатам осмотра места происшествия осуществляется исходя из следующих положений: 1) умышленные преступления (кроме импульсивных) – это проявление волевой активности преступника; 2) можно говорить о состояниях решительности, уверенности, сдержанности в тех случаях, когда, несмотря на возникшие трудности, препятствия, преступление доведено до конца. Выявление этого рода волевых состояний осуществляется на основе материальных следов и позволяет более обоснованно судить о личности преступника и, соответственно, включении его в группу ориентированных на «достижение», либо ориентированных на «контроль», но не в иные классификационные группы, т.е. служит дополнительным классификационным признаком; 3) о состояниях нерешительности, неуверенности, растерянности может свидетельствовать добровольное прекращение преступления на стадии покушения, его логическая незавершенность, несоответствие действий преступника характеру преступления. Выявление указанных признаков, характеризующих волевое состояние, позволяет более обоснованно отнести преступника к классу ориентированных на ситуативную либо внутреннюю самоактуализацию.

Эмоциональные состояния – другой вид психических состояний, испытываемых преступником при совершении преступлений. Эмоциональные состояния можно дифференцировать на аффекты, собственно эмоции, которые тесно связаны с чувствами человека по отношению к какому-либо предмету, и настроения (А.Н. Леонтьев).

Характеристика преступлений, совершенных в состоянии аффекта, - это характеристика импульсивных преступлений, в частности таких особенностей их, как отсутствие предшествующей подготовки, плана предварительных действий, сокрытие следов преступления, наличие множественности ударов, наносимых в разные части тела, порой уже после смерти жертвы, использование первых попавшихся предметов в качестве орудия преступления. Именно эти следы позволяют делать выводы об аффективном состоянии, а затем уже, используя имеющиеся классификационные группы, отнести преступника, действовавшего в данном месте и условиях, к типу ориентированных на самоутверждение в общении. Аналогичная ситуация складывается и при анализе следов преступления, которые возникли в результате преступления под влиянием собственно эмоций.

Таким образом, существующая психолого-криминалистическая классификация должна дополняться и уточняться с учетом взаимосвязи «следы преступления – личность преступника». Одним из звеньев в этой структуре являются психологические состояния.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

О.В. Беспечный

Последние десятилетия ознаменовались значительным ростом числа совершаемых преступлений (с 69355 преступлений, зарегистрированных в 1970 г., до 2397311 в 1997 г.)[1], особенно это характерно для последних нескольких лет. Сохраняется рост количества тяжких и особо тяжких преступлений (в том числе связанных с причинением тяжкого вреда здоровью). К примеру, по данным прокуратуры Алтайского края, число особо тяжких преступлений, зарегистрированных на подотчетной территории в 1999 г., увеличилось вдвое по сравнению с предыдущим годом. По-прежнему существенна доля преступлений, остающихся нераскрытыми (так, из 1448 тысяч преступлений, зарегистрированных на территории России за январь - июль 1998 г., остались нераскрытыми 328,2 тысячи)[2].

На данном фоне особенно остро ощущается необходимость в разработке новых методических рекомендаций по расследованию преступлений и совершенствованию уже существующих с учетом особенностей, которые приобретает преступность на современном этапе.

Относительно расследования преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, следует отметить, что хотя по данной проблеме и имеются исследования (В. С. Бурданова, А.К. Звирбуль и др.), вопросы методики их расследования разработаны не в полной мере и нуждаются в дальнейшем уточнении. Небезынтересен в этой связи анализ такой составляющей частных методик расследования, как криминалистическая характеристика преступления.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему сведений о типичных признаках определенного вида преступления, способствующих его раскрытию, расследованию и пре-

---

[1] Судебная статистика: преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1993-1997 гг.). М., 1998. С. 13; Состояние преступности в России за 1997 год. М., 1998. С.4.

[2] Краткий анализ состояния преступности в России (январь - июль 1998 г.) //Государство и право. 1998. № 12. С. 51.

дотвращению. Названная целевая направленность криминалистической характеристики преступления позволяет включить в ее структуру следующие элементы: способ совершения преступления (в том числе действия по подготовке преступления и сокрытию его следов), типичные материальные следы преступления, особенности личности преступника и потерпевшего, мотивы и цели совершения преступления, обстановка совершения преступления.

Криминалистическая характеристика преступления в структуре частных методик расследования играет существенную роль. На основе аккумулированных ею данных возможно выдвижение наиболее вероятных версий, определение комплекса необходимых следственных действий и более эффективной последовательности решения стоящих перед следствием задач.

Криминалистическая характеристика причинения тяжкого вреда здоровью, как частное по отношению к общему, включает в свою структуру все названные выше элементы. Центральное место в данной структуре следует отвести способу совершения преступления как определяющему по отношению к остальным элементам. Тяжкий вред здоровью причиняется различными способами. Представляется возможным их классифицировать по следующим основаниям: наличие подготовительных к преступлению действий; наличие действий, направленных на сокрытие следов преступления; наличие либо отсутствие орудий и средств, используемых для причинения телесных повреждений, и их характер. Как показывает изучение практики, наиболее распространены случаи причинения тяжкого вреда здоровью посредством огнестрельного оружия, острых и тупых предметов, огнем, кислотами.

Следует отметить тесную связь, существующую между мотивацией действий преступника, обстановкой и способом причинения вреда здоровью, находящую отражение в оставляемых следах преступления. Так, причинение тяжкого вреда здоровью в результате внезапно возникшего умысла обычно совершается в ходе ссор и конфликтов в быту или общественном месте. Поводом к ним может быть отказ в какой-либо просьбе, оскорбление. Для причинения телесных повреждений используются всевозможные предметы, находящиеся под рукой: ножи, топоры, бутылки, камни и т.п. Как правило, никаких действий по сокрытию следов преступления преступником не предпринимается. В таких случаях причиненные телесные повреждения имеют, как правило, различную степень тяжести, носят беспорядочный характер, сопровождаются значительным числом ушибов, ссадин, царапин.

Иная ситуация складывается при предварительной подготовке преступления. Как правило, преступник руководствуется мотивом мести

либо завладения имуществом. Жертва выслеживается заранее, нападение происходит внезапно, используются предварительно подготовленные предметы или оружие. Зачастую преступник маскирует внешность, а после совершения преступления принимает меры к сокрытию его следов. Для данного рода преступлений характерно наличие определенных следов. Это телесные повреждения (как у потерпевшего, так и нападавшего), кровь, повреждение одежды и прочих предметов, следы рук, ног, частей тела человека, микроследы.

Существенное значение для характеристики преступного деяния имеет мотивация причинения тяжкого вреда здоровью. Помимо названных выше корыстных мотивов и мести, для данных преступлений характерен также мотив хулиганских побуждений. Руководствуясь таким мотивом, преступник стремится путем противоправных действий внести в сознание окружающих представления о своей значимости, что приводит к неоправданной жестокости, демонстративности причинения вреда и сказывается на характере оставленных им следов.

Дальнейшее исследование взаимосвязей между мотивацией насильственных преступлений и личностными качествами индивида, между иными элементами криминалистической характеристики, таким образом, позволит выдвигать версии о расследуемом событии и виновном в причинении тяжкого вреда здоровью лице.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ВОДИТЕЛЕЙ АВТОТРАНСПОРТА И ПЕРЕВОЗИМЫЕ ГРУЗЫ

Б.В. Псарева

Проблемам криминалистической классификации преступлений и в настоящее время уделяется большое внимание учеными-криминалистами. Достаточно основательные разработки проведены Р.С. Белкиным, А.Н. Васильевым, И.А. Возгриным, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимовым, А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноуховым, Г.Н. Мудъюгиным, В.А. Образцовым, И.А. Селивановым, А.Д. Трубачевым, Н.П. Яблоковым и др. Однако следует заметить, что данная проблема в силу ее сложности и многоаспектности не разрешена однозначно.

В целом большинство авторов сходятся на том, что методики расследования должны строиться по уголовно-правовым и криминалистическим основаниям, причем, по мнению Р.С. Белкина, А.Н. Колесниченко, главенствующее значение имеют уголовно-правовые основания, а по мнению В.А. Образцова и А.Н. Васильева – криминалистические.

Более удачный системный подход к решению данной проблемы предложен В.К. Гавло и другими авторами[1], развивая который, можно утверждать, что криминалистическая классификация преступлений имеет практическое значение только при построении методик расследования, которые, в свою очередь, могут строиться с учетом как вместе взятых уголовно-правовых, криминалистических, уголовно-процессуальных и криминологических, так и в их различном сочетании.

Исследуемая нами методика расследования посягательств на водителей автотранспорта на первый взгляд относится к группе преступлений, охватываемых преступлениями против собственности и предусмотренных гл. 21 УК РФ (грабеж, разбой, вымогательство, угон автотранспорта).

Но при внимательном рассмотрении данная методика охватывает и случаи осуществления замысла путем убийства водителей – гл. 16

---

[1] Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 134; Алешин В. В. Теоретические проблемы и практика расследования преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Томский государственный университет. Томск, 1999. С. 7.

УК РФ (Преступления против жизни и здоровья). Следует учесть и то, что подавляющее большинство совершаемых нападений на водителей совершается преступными группами, среди которых немало банд, а бандитизм, как известно, отнесен к гл. 24 УК РФ (Преступления против общественной безопасности).

К преступлениям, связанным с посягательствами на водителей автотранспортных средств и перевозимые грузы, в данном исследовании отнесены несколько составов преступлений: грабежи и разбои в отношении водителей (ст. ст. 161, 162 УК РФ); открытые насильственные угоны автотранспорта (ч.2 п. «в», ч.3, 4 ст. 166 УК РФ); вымогательства в отношении водителей на дорогах - «авторэкет» (ст.163 УК РФ); убийства водителей, сопряженные с разбоем (ч.2 п. «з» ст. 105 УК РФ), убийства водителей с последующим угоном автотранспорта (ч. 2 п. «ю» ст. 105 УК РФ).

Предмет этих преступлений специфичен в силу того, что, во-первых, транспортные средства вместе с перевозимыми грузами отличаются высокой стоимостью и быстрой переместимостью, а во-вторых, это порождает возможность мгновенного обогащения и использования захваченных ценностей. Эти преступления отличаются дерзостью и жестокостью, так как между субъектом преступлений и транспортными средствами всегда стоят их водители, готовые отстаивать свое имущество и честь. Открытость и насильственность характеризуют данную группу, в связи с чем и методики их расследования необходимо отличать от методик расследования краж автотранспорта и грузов (тайных угонов) и открытых ненасильственных посягательств (мошенничество в отношении владельцев транспорта).

Потерпевшими от данной категории преступлений выступают прежде всего, водители автотранспорта, а также пассажиры. Водитель - это лицо, управляющее самодвижущейся машиной[1]. Поэтому отождествлять водителей с владельцами и лицами, охраняющими транспортные средства, в данной методике не следует. Но некоторые авторы, усмотрев ряд однотипных криминолого-криминалистических признаков в нападениях на водителей автотранспорта и нападениях на автопредприятия, охраняемые гаражи, платные автостоянки, предлагают объединить эти посягательства в одно обобщенное понятие - преступные нападения на водителей автотранспорта[2]. Представляется целесообразным и правиль-

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 93.

[2] Шабанов Г. Х. К понятию преступного нападения на водителей автотранспорта / Проблемы совершенствования работы органов внутренних дел:

ным видеть различия между нападениями на водителей автотранспорта и нападениями на охраняемые объекты с целью завладения автотранспортом и рассматривать их как преступное насильственное завладения автотранспортом.

Таким образом, методика расследования данных преступлений включает преступления с совершенно различными уголовно-правовыми характеристиками, но сходной совокупностью криминалистических особенностей. В основе такой группировки лежат как уголовно-правовые (предмет посягательства, корыстный мотив и насильственный способ совершения и др.), так и криминалистические критерии (подготовка, обстановка, механизм совершения преступления, способ нападения, способы реализации автотранспорта и т.п.).

Классифицируя преступления на основе сочетания уголовно-правовых и криминалистических критериев, не следует отдавать предпочтения первым, понимая, что перед науками уголовного права и криминалистикой стоят свои специфические задачи, решаемые в общей борьбе с преступностью. Если перед наукой уголовного права стоит, в частности, задача правильно квалифицировать преступление, определить вид наказания, то перед наукой криминалистикой стоит задача познать закономерности расследования объединенной группы преступлений.

Поэтому нельзя данную методику строить только на уголовно-правовых основаниях, как нельзя по объективной стороне преступления отличить разбойное нападение на водителя (ст. 162 УК РФ) от угона, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч.4 ст. 166 УК РФ), ибо эти преступления могут совершаться одинаковыми способами и оставлять после себя одинаковые следы содеянного, что имеет большое значение для их раскрытия, расследования и предупреждения. Однако только уголовно-правовой состав этих нападений создает правовое поле для расследования, для состязательности между обвинением и защитой по вопросам квалификации данного деяния.

Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. С. 84.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТАКТИКИ ОПОЗНАНИЯ ТРУПА

Г.С. Воропаев

Уголовно-процессуальный закон предусматривает следственное действие, позволяющее следователю самостоятельно осуществить тождество объектов – это опознание. Опознание трупа, которое проводит следователь, требует процессуального оформления, предусмотренного ст. ст. 164, 165, 166 УПК РСФСР, и имеет свои особенности.

В тактику проведения опознания в последнее время в результате расследования кораблекрушения в Новороссийске, железнодорожной катастрофы в Башкирии, взрывов жилых домов в Москве внесено много нового. Так, потребовалось изменить тактику предъявления для опознания трупов и предметов (одежды погибших, часов, украшений и др.). В частности, для этих целей были изготовлены фотостенды, фотоальбомы, видеофильмы с изображением погибших. Родственникам сначала демонстрировали материалы, и в случае опознания кого-нибудь предъявляли сам труп либо его части. Множественность этих объектов исключала возможность их предъявления по отдельности, в группе сходных. Все вещи, принадлежавшие погибшему и обнаруженные вместе с трупом, предъявлялись одновременно[1].

Данная следственная практика убедительно свидетельствует, что композиционные портреты[2] – фотороботы уступают место современным способам установления личности – видеофильмам, компьютерным программам. В последнее время в ряде регионов России широко стали применяться для опознания видеоизображения. В числе первых такая практика была применена в ЭКУ УВД Томской области, где разработана и компьютерная программа.

Ранее было высказано мнение, что для проведения опознания по видеозаписи предварительно необходимо провести процесс видеосъемки обвиняемого или подозреваемого по всем правилам ст. 165 УПК РСФСР. Процессуальным документом оформления производства видеозаписи может быть акт применения видеозаписи, в котором указыва-

---

[1]См.: Багаутдинов Ф. Опознание// Законность. 1999. № 10. С. 19-23.

[2] См.: Романов В.В. Использование композиционных портретов при расследовании преступлений Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.

ются цель видеозаписи, лица, участвующие в производстве видеосъемки, условия съемки, данные о видеоаппаратуре и видеопленке, содержание видеозаписи, наличие заявлений и дополнений участников после демонстрации им видеозаписи.

Акт подписывается всеми лицами, участвующими в видеосъемке. К акту прилагается видеокассета с записью происшедшего[1].

Считаем необходимым обратить внимание на допущенную неточность в ст. 165 УПК РСФСР, регулирующей порядок предъявления для опознания, не предусмотрено применение каких-либо научно-технических методов фиксации. В ней идет речь об опознании лица по его фотокарточке. Данное предложение не может быть применено в полной мере при опознании большого числа погибших, частей трупов, предметов. В то же время такие формы опознания находят все большее применение на практике, хотя и противоречат требованиям закона[2].

Если сравнить тексты указанных статей УПК РСФСР и проекта нового УПК РФ (ст. ст. 209, 210), то можно убедиться в том, что имеются два новшества. Во-первых, в проекте УПК РФ в ст. 209 включено общее положение - опознание может быть проведено следователем «с целью установления тождества или различия с ранее наблюдавшимися лицом или объектом». Во-вторых, проект предусматривает возможность проведения опознания в целях безопасности в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым лицом опознающего.

К сожалению, проект не учитывает сегодняшних реалий и рекомендаций, высказанных учеными и практиками применительно к опознанию трупа по видеофильмам, компьютерным программам и другим возможным способам фиксации. Отсюда следует вывод, что уголовно-процессуальная наука недостаточно активно влияет на совершенствование познавательного потенциала следствия и дознания. В результате этого эффективные тактические приемы, применяемые в практике расследования, из-за отсутствия нормативного регулирования длительное время порождают немало затруднений в деятельности следователей и дознавателей.

Пробел необходимо устранить в новом уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Для данного следственного действия большое значение имеют не только тактические приемы создания

---

[1] См.: Реховский А.Ф. Проведение опознания личности при отказе опознающего от непосредственного опознания //Дальневосточные криминалистические чтения. Вып.2. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 43-44.

[2] См.: Багаутдинов Ф. Опознание // Законность. 1999. № 10. С. 19-23.

видеокартотек фиксации внешних признаков субъектов и предметов, но и порядок их предъявления. Применение видеозаписи способствует правильному и полному восприятию примененных тактических правил при опознании.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПО СОБИРАНИЮ ИНФОРМАЦИИ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНИЯ КОТОРОГО СВЯЗАН С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СИСТЕМЫ ИНТЕРНЕТ

Е.А. Жегалов

В последнее десятилетие в России произошел перелом в компьютеризации производства, науки и быта. Это не могло не сказаться на преступной деятельности, которая осуществляется все более высокотехнологическими способами, в том числе и с использованием электронной почты глобальной компьютерной сети Интернет. В этой связи возникает ряд вопросов. При каких условиях фактические данные, полученные из виртуальной компьютерной системы, могут являться доказательствами по уголовному делу? Как, посредством каких технических средств, процессуальных действий и тактических приемов можно их добыть? Опыт показывает, что решение тактической задачи расследования по получению допустимыми способами наиболее полных фактических данных о наличии и содержании переписки между определенными субъектами по каналам системы Интернет не может быть достигнуто одним следственным действием.

Основное содержание предлагаемой тактической операции следующее. На первом этапе принимаются меры к установлению личностей, адресов и телефонов абонентов, а также электронного адреса «почтового ящика» в России. Посредством опроса специалистов определяется место офиса организации (провайдера), предоставившей электронный адрес. Например, электронный адрес NEO@SIBNET.RU означает, что пользователь электронной почты (@) имеет имя (NEO), которое ему предоставила организация, находящаяся в России (RU), имеющая электронное название (SIBNET).

Успех дальнейших действий определяет умелое использование фактора внезапности, без учета которого тактическая задача данного этапа вряд ли будет решена. Вторым этапом операции является установление места нахождения компьютеров пользователя и получение решения суда об ограничении права лица на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в целях расследования конкретного уголовного дела. Данное решение суда и ордер на обыск в жилище и на рабочем месте субъекта обеспечивает законность дальнейшего получения информации и ее допустимость в качестве доказательства.

После этого в офисе организации (провайдера) производится выемка договора на оказание услуг электронной связи и допрос сотрудников. В случае если удастся получить оригинал договора, из него будет известна вторая часть электронного адреса – личный пароль пользователя, знание которого в дальнейшем облегчит осмотр и экспертизу системных блоков компьютеров. Если у провайдера не сохранились тексты самих сообщений, необходимо принять меры к изъятию информации из электронного журнала корреспонденции. Сразу после выемки у провайдера организуется одновременный обыск во всех местах нахождения компьютеров пользователя с целью их изъятия, особое внимание обращается на внезапность и одновременность проникновения в помещения. Завершающим этапом данной тактической операции является компьютерно-техническая (информационно-техническая) экспертиза. Криминалистические аспекты работы с компьютерной информацией требуют дальнейшего творческого развития на основе учения о тактических операциях. Необходимо законодательно установить объем и место хранения информации о прошедших сообщениях, сроки хранения текстов самих сообщений с целью возможности установления личности автора сообщения.

СИТУАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ДТП

Н.В. Якубенко

Ежегодно на дорогах России погибают и получают ранения более 200 тысяч человек[1]. Для качественного раскрытия дорожно-транспортного преступления в настоящее время ситуация выделяется в качестве самостоятельного элемента механизма преступления. Общее понятие ситуации вправе было сформулировано В.Н. Кудрявцевым: «Ситуация – это событие или состояние, вызывающее решимость совершить общественно опасное действие, которое приводит к преступному результату вследствие умысла или по неосторожности»[2]. Поскольку в определенных случаях субъект действует противоправно вопреки сложившимся обстоятельствам, то ситуация не равнозначна комплексу условий, способствующих достижению субъектом конкретных целей. В рамках самой ситуации могут находиться либо нейтральные обстоятельства, либо препятствующие решению поставленной задачи. Именно критические (аварийные) ситуации чаще всего приводят к преступлениям.

Необходимо отметить, что не все обстоятельства, входящие в ситуацию, учитываются субъектом. Это характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности, так как не всегда им дается адекватная оценка. Планирование общественно опасного действия не присуще преступлениям по неосторожности, в частности дорожно-транспортным преступлениям. Под дорожно-транспортными ситуациями понимается совокупность развивающихся на участке дороги событий, возникающих в процессе движения и взаимодействия его участников (водителя-оператора механического транспортного средства, пешехода, пассажира) за определенный промежуток времени. В дорожно-транспортных преступлениях «ситуация выступает чаще всего как внешняя, объективная обстановка в которой действует ... лицо»[3]. Исходя из этого, сама

---

[1] Вторая Всероссийская практическая конференция по безопасности дорожного движения // Автомобильный транспорт. 1995. № 1. С. 14.

[2] Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М.: Юрид. лит., 1968. С. 38.

[3] Там же. С. 38.

ситуация не может быть целенаправленно использована для совершения неосторожных преступлений. Поэтому в дорожно-транспортных преступлениях связь личности через ситуацию с общественно опасными последствиями содеянного не всегда носит виновный характер, при этом ситуация влияет как на выработку управляющего воздействия, так и на его исполнение, в результате чего техническая система (транспортное средство) выходит из-под контроля управляющего субъекта.

Рассматривая конкретную ситуацию как систему объективных обстоятельств, непосредственно влияющих на поведение водителя-оператора транспортного средства, следует иметь в виду, что не все, даже критические, ситуации приводят к совершению дорожно-транспортного преступления. Ситуация, способствующая совершению дорожно-транспортного преступления, отличается от ситуации дорожно-транспортного проступка, во-первых, тем, что в ней в наибольшей степени проявляются те из объективных обстоятельств, которые имеют провоцирующий характер и несут уголовную ответственность, во-вторых, они органично накладываются на благоприятную почву личностных особенностей водителя-оператора транспортного средства. Ситуация участвует в непосредственном возникновении преступного последствия и в совокупности с видом транспортного средства обусловливает тяжесть содеянного. Только 30-35 дорожно-транспортных происшествий с вредными последствиями из 100 являются результатом преступных действий водителя, остальные связаны с неосмотрительными действиями самих пострадавших или случайного и неблагоприятного стечения обстоятельств, не охватываемых предвидением водителя[1].

---

[1] Зотов Б.Л. Анализ практики расследования автотранспортных преступлений // Проблемы расследования и предупреждения дорожно-транспортных происшествий. Волгоград, 1974. С. 33.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА ЛИЦ, СВЯЗАННЫХ С БИЗНЕСОМ

В.А. Гринькин

Разработка методик расследования отдельных видов и групп преступлений многими авторами обоснованно связывается, в частности, с необходимостью изучения их криминалистических характеристик как теоретической основы криминалистической методики расследования преступлений.

Тщательный анализ исследований по проблеме криминалистической характеристики преступлений свидетельствует о постоянном и повышенном интересе к ее изучению. Среди многих высказываний есть и весьма спорные предложения. Так, в последнее время появились высказывания о ненужности криминалистической характеристики преступлений, что это не самостоятельная научная категория, а всего лишь часть криминалистического учения о преступлении. Если в 1987 г. в статье Р.С. Белкина, И.Е. Быховского и А.В. Дулова «Модное увлечение или новое слово в науке?» появление и существование криминалистической характеристики преступлений как научной категории криминалистики было поставлено под вопрос[1], то в вышедшем в 1996 г. учебном пособии по криминалистике под редакцией А.В. Дулова говорится о несостоятельности криминалистической характеристики преступлений[2].

Нельзя не заметить и другую тенденцию развития криминалистической характеристики преступлений в системе науки криминалистики со стороны авторов, считающих, и правильно, что криминалистическая характеристика преступлений нужна. Можно назвать два подхода в ее развитии.

Первый подход. Криминалистическая характеристика преступлений – это научная категория, отражающая теоретические и методологические основы криминалистики. Ее место в структуре науки криминалистики – общая часть. В одних случаях она обозначена как «Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступлений»[3]; в других - «Криминали-

---

[1] См.: Социалистическая законность. 1987. №9.

[2] См.: Криминалистика: Учебное пособие/Под ред. А.В. Дулова. М.: Экоперспектива, 1996. С. 72.

[3] Криминалистика / Отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: БЕК, 1995. С. 34-56.

стическая характеристика объекта практического познания в уголовном судопроизводстве»[1].

Второй подход. Криминалистическая характеристика преступлений – это тоже научная категория криминалистики, но отражающая не общие теоретические и методологические основы криминалистики, а лишь ее раздела «Методика расследования отдельных видов преступлений»[2]. Р.С. Белкин прямо пишет, что криминалистическую характеристику преступлений он рассматривает «как подсистему частных методик»[3].

Как видим, в настоящий момент есть немало различий во взглядах на криминалистическую характеристику преступлений и перспективы ее развития. Полагаем, всем обозначенным точкам зрения присущ один общий недостаток, на который ранее обратил внимание В.К. Гавло[4], а именно: криминалистическая характеристика преступлений как отражение криминальной деятельности и первый структурный элемент в генетической системе криминалистики рассматривается изолированно от ее составляющей - криминалистической характеристики расследования преступлений как отражения правоохранительной деятельности и как второго структурного элемента в генетической системе криминалистики. Лишь вместе взятые, они – криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая характеристика расследования преступлений – дают системно генетическое представление о единой типовой информационно-познавательной системе данных в борьбе с преступностью технико-криминалистическими средствами, тактическими приемами и методами борьбы с преступностью.

Теоретическую основу построения криминалистической методики расследования преступлений, и в частности, криминалистической методики расследования убийства лиц, связанных с бизнесом, предпринимательской деятельностью, с нашей точки зрения, составляют две познаваемые, взаимосвязанные и взаимозависимые группы закономерностей.

Во-первых, закономерности совершения убийства лиц, связанных с бизнесом, предпринимательской деятельностью, составляющие суть их криминалистической характеристики.

---

[1] Криминалистика /Под ред. В. А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. С.30.

[2] Криминалистика // Под ред. Т.А. Седовой. СПб., 1995.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т.3. С. 319.

[4] Нами разделяется теоретическая концепция криминалистической методики расследования преступлений, предложенная В.К. Гавло. См.: Гавло В.К. Теоретические и методологические основы и функции системы криминалистической методики расследования преступлений //Правовая реформа и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Владивосток: ДВГУ, 1994. С. 133-142.

Во-вторых, закономерности раскрытия, расследования и предотвращения убийства лиц, связанных с бизнесом, предпринимательской деятельностью, исходя из складывающихся по делу следственных ситуаций и соответствующих им задач, приемов и методов разрешения, что составляет суть их криминалистической характеристики раскрытия, расследования и предотвращения.

Познание этих групп закономерностей позволит разработать научно обоснованную типовую методику расследования убийства лиц, занятых в сфере бизнеса и предпринимательской деятельности, составляющими которой являются: 1) криминалистическая характеристика совершения данного вида убийств; 2) криминалистическая характеристика расследования данного вида убийств.

ЗАДАЧИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

Н.С. Дергач

Под этапом в расследовании принято понимать составную часть последнего, представленную взаимосвязанной системой действий, объединенных единством задач, условиями расследования, спецификой криминалистических приемов[1]. Соответственно, «первоначальный этап» - это первый этап расследования. Выделение такого структурного элемента частной методики, указывает Р.С. Белкин, объясняется спецификой задач данного этапа расследования[2]. Основное содержание первоначального этапа расследования заключается в производстве первоначальных следственных, организационно-технических задач и иных действий. Объем статьи не позволяет осуществить анализ всего спектра точек зрения относительно задач, решаемых на первоначальном этапе расследования преступлений. В силу указанного обстоятельства мы полагаем возможным изложить лишь собственную точку зрения по данному вопросу.

Применительно же к условиям расследования квартирных краж первоначальный этап включает, как правило, те первоначальные следственные действия, которые проводятся безотлагательно, т. е. являются неотложными следственными действиями, а также оперативно-розыскные мероприятия, срочное осуществление которых диктуется интересами расследования данного вида преступлений.

Качество расследования квартирных краж непосредственно зависит от понимания роли и условий эффективного применения неотложных, а также других первоначальных следственных действий. Круг их в системе всех следственных действий, последовательность проведения в различных ситуациях, складывающихся в самом начале расследования,

---

[1] Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М.: Юридическая литература, 1973.С.86.

[2] Белкин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М.: Новый юрист, 1997. С.203.

и непосредственные задачи накладывают существенный отпечаток на характеристику первоначального этапа расследования в целом.

По нашему мнению, расследование любого преступления, и в частности расследование квартирных краж, включает два этапа: первоначальный и последующий. Необходимо отметить, что по данному вопросу нет единого мнения среди ученых-криминалистов[1]. Первоначальный этап длится до тех пор, пока в процессе не появляется фигура обвиняемого, т. е. до предъявления обвинения, а последующий этап – после предъявления обвинения. Каждый этап состоит из совокупности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые располагаются в определенной последовательности.

Характер и последовательность следственных действий не являются жестко установленными для расследования квартирных краж. Они диктуются той следственной ситуацией, которая может возникнуть в начале расследования или в его ходе, следователь должен определить, какие следственные действия и в каком порядке он будет производить. Поэтому на первоначальном этапе осуществляется сбор информации для построения модели совершенной кражи и модели лица, ее совершившего. Следователь на этом этапе должен установить личность вора, его местонахождение и осуществить его задержание, а также собрать доказательства вины лица, совершившего квартирную кражу.

После предъявления обвинения начинается последующий этап. Действия, проводимые на этом этапе, сосредоточены в основном вокруг личности обвиняемого. Следователь проверяет показания, алиби вора, а также собирает исчерпывающие доказательства его вины.

Характер и последовательность следственных действий на этом этапе во многом зависят от позиции обвиняемого: признает он свою вину или отрицает ее.

Так или иначе, в любой ситуации обнаружения квартирной кражи прежде всего возникает необходимость в ориентировании лица, начавшего расследование, относительно обстоятельств кражи, которую ему предстоит расследовать.

Всякий раз дается первоначальная оценка ставших известными фактов квартирной кражи, каждый из которых подлежит исследованию, происходит накопление исходной информации, необходимой для составления развернутого плана расследования дела. Однако, на наш взгляд, такой развернутый план до производства первоначальных след-

---

[1] См., напр.: Яблоков Н.П. Криминалистика. М.: МГУ, 1980. 390 с.; Крылов И.Ф. Криминалистика. ЛГУ, 1976. 438 с.

ственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании квартирных краж составлять нецелесообразно.

Отсюда первой задачей рассматриваемого этапа расследования квартирных краж является ориентирование производящего его лица относительно происшедшего события, уяснение фактов, подлежащих исследованию по делу, получение исходных данных для развернутого планирования расследования.

Задачами российского уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст.2 УПК РСФСР).

Быстрое раскрытие квартирной кражи, прежде всего, означает, раскрытие ее в такие сроки, которые максимально приближают момент возбуждения, а затем расследование уголовного дела к моменту совершения кражи, чтобы не допустить утраты доказательств.

Диалектически любое событие, явление, процесс не возникают из ничего, а равно и не исчезают бесследно. Всякое событие, явление, процесс в силу взаимодействия, взаимосвязи и взаимообусловленности отражаются вовне. Событие преступления в этом смысле не является исключением. «Событие преступления, - пишет Р.С.Белкин, - один из материальных вопросов и как таковой находится в связи и взаимообусловленности с другими процессами, явлениями, отражается в них и сам является отражением каких-то процессов»[1].

Конечным результатом акта отражения является возникновение на объектах внешней среды изменений, в принципе адекватных полному отражению отражаемого явления. Эти изменения, возникающие в результате отражения преступного явления во внешней среде, элементами которой могут быть не только материальные образования – вещи, но и люди (в их сознании отражается событие преступления), имеют значение как фактические данные, которые впоследствии в соответствии с законом приобретают по расследуемому делу о квартирной краже значение судебных доказательств. При их помощи осуществляется доказывание истины в уголовном процессе.

Как мы видим, процесс возникновения доказательств не может продолжаться бесконечно. Более того, уже в тот момент, когда процесс от-

---

[1] Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: ВШ МВД СССР, 1970. С.9.

ражения завершен (при расследовании квартирных краж он нередко бывает быстротечен), начинается негативный (обратный) процесс – процесс исчезновения доказательств, их утраты.

При расследовании квартирных краж риск утраты доказательств, как правило, зачастую бывает значительным в силу целого ряда типичных причин, к числу которых, в частности, относится уничтожение доказательств лицом, совершившим кражу в целях воспрепятствования установлению истины по делу. Например, совершив квартирную кражу в с. Кожевниково Томской области, преступник, прежде чем покинуть квартиру, тщательно протер те места на мебели, где могли быть оставлены следы пальцев его рук, ковер, лежавший на полу, обильно полил одеколоном и посыпал табачной крошкой[1]. Данное дело осталось нераскрытым.

Следы преступника могут быть уничтожены или испорчены, обстановка совершения преступления нарушена не только умышленно, но и случайно. Подтверждением этого служит следующий пример. Н., вернувшись домой после работы, обнаружила в квартире небольшой беспорядок (частично разбросаны вещи, открыты дверки книжного шкафа, на полу следы грязи от обуви и т.д.). Подумав, что это сделал ее муж, который работал водителем-«дальнобойщиком», Н. все привела в надлежащий порядок. Однако через день она обнаружила, что из квартиры исчез и ряд носильных кожаных вещей, деньги и драгоценности и, догадавшись, что была совершена квартирная кража, вызвала оперативно-следственную группу. Результаты расследования данного факта не дали положительных результатов[2].

Нередко утрата доказательств квартирной кражи становится возможной в результате выезда свидетелей домой после того, как они отработали свое время на вахте (это в основном наблюдается в северных районах Томской области, где большинство лиц работают на газонефтедобывающих промыслах вахтовым методом)[3]. Подобная ситуация, зачастую, складывается и со свидетелями-студентами, которые после окончания вузов покидают Томск навсегда или выезжают на длительное время в другие города для прохождения практики или домой на каникулы[4].

---

[1] Уголовное дело №97/132. Кожевниковский РОВД.

[2] Уголовное дело №96/159. Октябрьский РОВД г. Томска.

[3] Уголовное дело №97/736. Стрежевской ГОВД Томской области.

[4] Уголовное дело №94/6798. Архив Октябрьского районного народного суда г. Томска.

Таким образом, с течением времени, отдаляющего событие преступления от начала расследования, все больше увеличивается риск утраты доказательств, без которых расследование не может быть успешным, равно как и невозможно установление истины по делу. Поэтому при расследовании квартирных краж следователь должен незамедлительно производить те следственные действия, непроведение которых может привести к полной утрате доказательств или возникновению существенных затруднений в их собирании.

К данным следственным действиям мы относим: 1) осмотр места происшествия; 2) допрос потерпевших; 3) допрос свидетелей; 4) назначение и производство экспертиз; 5) допрос подозреваемого или обвиняемого; 6) производство обыска.

Анализ следственной практики по расследованию квартирных краж позволяет нам заключить, что необходимость безотлагательного проведения на данном этапе указанных следственных действий возникает, как правило, неожиданно. Проводить их нужно чрезвычайно быстро, но в то же время квалифицированно (хотя на практике этого не происходит). Утрата доказательств может еще произойти и по вине следователя, который либо неправильно применил средства криминалистической техники, либо выбрал и применил ненадлежащие тактические приемы расследования квартирных краж, а то и вообще игнорировал определенные рекомендации, выработанные криминалистикой.

Таким образом, вторая задача, которая должна быть решена на первоначальном этапе расследования квартирных краж, заключается в том, чтобы по возможности обеспечить безотлагательное собирание в самом начале расследования наиболее полного круга доказательств и, прежде всего тех из них, которые могут бесследно исчезнуть (быть утраченными).

В каждом случае совершения квартирной кражи возникает необходимость в быстром задержании и изоляции преступника. Следует отметить, что если квартирная кража совершена группой лиц, то по отношению к ним следует поступать аналогично. Эта необходимость обусловлена тем, что лицо, совершившее квартирную кражу, не задержанное и не изолированное, находясь на свободе, может совершить еще ряд преступлений, предпринять меры, которые могут затруднить расследование, а также разлагающе действовать на окружающих лиц.

Анализ судебно-следственной практики расследования квартирных краж позволяет сделать вывод, что во многих случаях, когда совершаются данные преступления, задержанию и изоляции виновных предшествует значительная работа по их установлению и розыску. Эту работу

важно также проделать в самом начале расследования, по «горячим следам»[1], так как материальные следы, с большой степенью вероятности, не могли быть подвергнуты порче или уничтожению, да и в памяти очевидцев запечатленное еще «свежо».

Принятие своевременных мер по установлению лица, совершившего квартирную кражу, как и возможный его розыск, а также задержание обеспечиваются в результате реализации следователем «права требовать от органов дознания содействия при производстве отдельных следственных действий» (ст.127 УПК РСФСР)[2]. Следователь выявляет лицо, совершившее квартирную кражу, с помощью допросов (потерпевших, свидетелей), экспертиз, а также и других следственных действий.

Розыск по «горячим следам» имеет ту особенность, что в нем следователь, как правило, непосредственно сам участия не принимает, а эту работу поручает оперативным работникам милиции. Из изложенного следует, что третья задача, решаемая на первоначальном этапе расследования квартирных краж, заключается в установлении, розыске и задержании преступника по «горячим следам».

Выявление причин и условий, способствующих совершению квартирных краж, также следует отнести к задаче, которая решается на первоначальном этапе расследования этого преступления. Установление причин и условий позволяет уже в самом начале расследования принять своевременные меры по предотвращению совершения новых квартирных краж.

Покажем это на конкретном примере. При сдаче многоквартирного дома в г.Томске группа лиц под предлогом оказания помощи новоселам в утеплении входных дверей изучали условия проникновения в квартиры, т.е. возможность более быстрого взлома дверей, зная их конструкцию. Через непродолжительное время почти во всех квартирах, где побывали «помощники», были совершены кражи[3].

В ходе расследования указанных преступлений следователь в специальных программах по радио и телевидению оповестил будущих новоселов о возможных последствиях такой «помощи». Установление отмеченных обстоятельств, способствовавших совершению квартирных краж, позволило исключить возможность их совершения в дальнейшем аналогичным образом.

---

[1] См.: Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. М.: Юрид. лит., 1981. С.19.

[2] Там же. С.19.

[3] Уголовное дело №96/683. Архив Октябрьского районного народного суда.

Обычно тактически нецелесообразно, а в ряде случаев и вообще недопустимо при производстве расследования квартирных краж откладывать установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, на более позднее время. Это связано не только со своевременным принятием соответствующих мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению квартирных краж, но и с тем, что со временем, в силу уже отмеченных причин, соответствующие доказательства часто утрачиваются.

Хотя выявление обстоятельств, способствовавших совершению квартирных краж, не всегда может быть проведено с исчерпывающей полнотой на первоначальном этапе расследования, тактика первоначальных следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий должна включать в себя приемы, направленные на максимально полное установление этих обстоятельств. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению квартирных краж, является четвертой задачей первоначального этапа расследования данного вида преступлений.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что перечень приведенных задач уже сам по себе позволяет судить о решающем значении первоначального этапа для расследования квартирных краж.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

И.С. Фоминых

Подавляющее большинство научных рекомендаций, разрабатываемых криминалистикой, так или иначе строится на обобщении правоприменительной, следственной практики. Вполне обоснованно такой путь разработки рекомендаций считается идеальным, однако при этом складывается ситуация, когда наука вынуждена идти вслед за практикой. Иными словами, право первого хода почти всегда остаётся за преступником, а мы играем чёрными фигурами, мучительно обдумывая ответный ход в условиях постоянного цейтнота.

Такое положение вещей, по всей видимости, является предопределённым, и изменить его не представляется возможным. Тем не менее в настоящее время в России сложилась ситуация, когда криминалистическая наука может и должна идти впереди практики. Речь идёт о расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации, чаще обозначаемого уже утвердившимся термином «компьютерные преступления».

Сложившаяся ситуации действительно весьма уникальна, даже парадоксальна. В силу ряда определённых обстоятельств компьютеризация в России началась значительно позже, нежели в других экономически развитых странах. С другой стороны, образовательный уровень и интеллектуальный потенциал населения России всегда были очень и очень высоки. Именно поэтому можно констатировать следующее.

1. С одной стороны, в России недостаточно развиты крупные системы обработки данных, мощные коммуникационные отраслевые и общегосударственные компьютерные системы и сети. Таким образом, обширное поле деятельности для неправомерного доступа к компьютерной информации ещё не создано.

2. С другой стороны, число лиц («хакеров» - на компьютерном сленге), представляющих в этом плане потенциальную угрозу для создаваемых отечественных компьютерных сетей, очень велико.

Пока что российские хакеры оттачивают своё мастерство взлома компьютерных сетей на зарубежных банковских, военных, научных и

коммерческих системах. Тем не менее, по оценке Управления по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий МВД России, динамика преступлений в компьютерной сфере в стране растёт в геометрической прогрессии. Если в 1997 г. было зарегистрировано всего 17[1] подобных преступлений, то в 1998-м – 87, а в 1999-м – уже около 240. Таким образом, можно с уверенностью прогнозировать обвальный рост числа преступлений этого вида в ближайшем будущем.

Механизм, способы совершения и сокрытия неправомерного доступа к компьютерной информации отличаются чрезвычайным разнообразием, что в совокупности с новизной и определённой неожиданностью проблемы даёт высочайший уровень латентности и, соответственно, низкий уровень раскрываемости (порядка 10% - по зарубежным данным).

В отечественной криминалистической литературе[2] отмечается наличие целой системы факторов правового и организационного характера, значительно затрудняющих расследование этого вида преступлений. В обобщённом виде, по нашему мнению, можно представить наметившийся комплекс проблем и возможных путей их решения следующим образом:

- Сложность конструкции правовой нормы (ст. 272 УК РФ).

Во-первых, речь в норме идёт о неправомерном доступе к компьютерной информации в то время как её легального определения не существует. Собственно «информация» определяется ст. 2 Федерального закона «Об информатизации, информации и защите информации» как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы представления». Думается, есть необходимость дать законодательное определение и информации компьютерной как её достаточно специфичной разновидности. В криминалистической литературе делаются попытки дать такое определение, наиболее удачное из которых, по нашему мнению, принадлежит В.В. Крылову: «Компьютерная информация есть сведения, знания или набор команд (программ), предназначенных для использования в ЭВМ или управления ею, находящиеся в ЭВМ или на машинных носителях, - идентифицируемый элемент информационной

---

[1] По данным информационно-аналитического управления ГИЦ МВД России – 21 (была проанализирована практика применения 36 новых составов преступлений УК РФ, предварительное следствие по которым обязательно, в том числе и ст. 272 УК РФ).

[2] См. труды Ю.М. Батурина, В.В. Крылова, Ю.И. Ляпунова, Н.Г. Шурухнова и др.

системы, имеющей собственника, установившего правила её использования»[1].

Во-вторых, из анализа нормы остаётся неясным: является ли наказуемым простое ознакомление с компьютерной информацией, т. е. те случаи, когда преступник не уничтожает ее, не блокирует, не модифицирует и не копирует (эти действия прямо указаны в норме), а просто выводит информацию на экран монитора и читает.

В-третьих, наличие в норме сложных технических понятий и специальных терминов. Прежде всего имеются в виду «машинный носитель», «сеть ЭВМ», «система ЭВМ». Будучи понятными узким техническим специалистам, эти термины и понятия, по всей видимости, требуют специальных пояснений для подавляющего большинства работников правоохранительных органов. В процессе выявления и расследования данных преступлений уже обнаружилось отсутствие у следователей, оперативных работников органов внутренних дел минимально необходимых познаний в области компьютерной техники. Отмечается, что значительную сложность представляет уяснение терминологии, назначения составных частей ЭВМ (их системы и сети), понимании общего режима их функционирования в различных технологических процессах[2].

- Разрозненность и противоречивость нормативных актов, определяющих правовой статус и особенности компьютерной информации.

Показательным в этом плане является тот факт, что наиболее полные сборники указанных нормативных актов есть практически только на сайтах сети Интернет, созданных самими хакерами для своих «коллег». Это, кстати, только подтверждает тезис о реальности и повышенной опасности прогнозируемого всплеска этого вида преступлений. На практике же многие из этих документов остаются неизвестными для сотрудников правоохранительных органов и не учитываются при проведении проверочных мероприятий и первоначальных следственных действий.

- Отсутствие криминалистических рекомендаций по расследованию неправомерного доступа к компьютерной информации,

---

[1] Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1997. С. 27.

[2] Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации/Под ред. Н.Г. Шурухнова. М.: Щит-М, 1999. С. 5.

с одной стороны, сложность, неполнота и неточность имеющихся - с другой.

К решению этой проблемы, по мнению автора, есть несколько подходов.

1. Компенсировать указанные недостатки повышенной детализацией рекомендаций, их упрощением и постоянным обновлением. Это продиктовано чрезвычайным разнообразием используемого программного обеспечения, его перманентным усовершенствованием с тенденцией ко всё увеличивающейся сложности. Данный подход может снять проблему недостаточной компетенции работников правоохранительных органов в этой сфере.

2. Второй подход предусматривает более дорогостоящий, но в конечном итоге более эффективный путь. Речь идёт о введении специализации при подготовке следователей в учебных заведениях (не говоря уже о том, что каждый следователь просто обязан владеть компьютером на уровне пользователя). При этом не стоит забывать и о специализации при расследовании этих преступлений вкупе с созданием специализированных экспертных подразделений. Такой подход характерен для экономически развитых государств, раньше нашего столкнувшихся с проблемой компьютерной преступности (Германия, США, Япония).

• Легкомысленное отношение к обеспечению мер безопасности информационных сетей со стороны их владельцев.

Часть организаций и учреждений даже не представляют себе степень тех опасностей, которым они подвергаются, игнорируя подобные меры. Следы, остающиеся при неправомерном доступе к компьютерной информации, настолько недолговечны, что несвоевременное обнаружение самого факта такого доступа почти полностью сводит на нет возможность последующего установления виновного лица. Значение криминалистических рекомендаций в решении этой проблемы трудно переоценить.

В заключение хочется отметить, что это лишь малая часть всех проблем, стоящих на пути успешного расследования неправомерного доступа к компьютерной информации. Точнее, это только те проблемы, которые уже возникли на практике. Думается, что здесь вполне уместна известная аналогия с верхушкой айсберга, самая большая и опасная часть которого пока находится под водой. Возможные проблемы криминалистика уже предвидит и в состоянии если не устранить их вообще, то хотя бы максимально смягчить неминуемый удар. Кстати, в том же компьютерном мире так уже произошло с так называемой «ошибкой 2000 года».

ВОЗМОЖНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БИОРИТМОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Э.А. Сухоруких

Совершенствование методов борьбы с преступностью является весьма актуальной темой. Теория и практика становления и развития криминалистики свидетельствует о ярко выраженной устремленности поиска и учета в методиках расследования преступлений, в следственных действиях, индивидуализирующих преступление и личность преступника, свойств и качеств. Это обстоятельство является одним из определяющих смещение исследовательских акцентов в сторону более глубокого изучения личности преступника в криминалистике. В частности, более глубокому пониманию личностно-индивидуальных особенностей преступника способствуют исследовательско-познавательные возможности биоритмологии. На эти возможности указывают и имеющиеся наработки в следственной практике, заимствованные из биоритмологии.

Необходимо иметь в виду, что данная наука сравнительно молодая, возникшая чуть более 50 лет назад. Некоторые положения в ней требуют дальнейшей систематизации и более глубокого осмысления, но это не является, на наш взгляд, препятствием к использованию ряда положений биоритмологии в решении ключевых проблем криминалистики. Высокий уровень современных научных знаний открывает возможности поиска путей индивидуального подхода ко всем участникам уголовного процесса (подозреваемому, обвиняемому, свидетелям и потерпевшим) с учетом личностных, а также биоритмологических особенностей. Квалифицированные биоритмологические расчеты оптимизируют планирование и проведение ряда следственных действий, таких как допросы[1], очные ставки, ознакомления с заключениями экспертиз, следственные эксперименты. Далее мы переходим к рассмотрению основных положений из биоритмологии, которые, на наш взгляд, могут иметь значение в криминалистической практике при составлении индивидуального биоритмологического паспорта преступника.

---

[1] Китаев Н.Н. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 38-43.

Как следует из анализа научной литературы, посвященной изучению биоритмов человека, можно отметить, что в настоящее время в организме человека выявлено около 400 ритмов различных частотных диапазонов.

Классификация ритмов по длительности периода[1].

Наименование ритмов	Период
ВЫСОКОЧАСТОТНЫЕ	
Ультрадианные	Менее 0,5 ч
Циркадианные	0,5-20 ч
Инфрадианные	20-28 ч
НИЗКОЧАСТОТНЫЕ	
Циркасептанные	26 ч - 6 сут
Циркадисептанные	7±3 сут
Циркавигинтанные	14±3 сут
Циркатригинтанные	21±3 сут
Макроритмы	30±5 сут
Цирканауальные	от 1 мес до года
Мегаритмы	свыше 10 лет

Сравнительно немногочисленные исследования[2] последних лет показали, что индивидуальные особенности реагирования на физическое и нервное напряжение в определенной мере связаны с биологическими типами работоспособности, а значит, с циркадианными (околосуточными) ритмами (сна/бодрствования), наиболее значимыми в жизни человека. Индивидуальные колебания времени оптимального

[1]Ткаченко Б.И. Основы физиологии человека. СПб.: Международный фонд истории науки, 1994.Т.2. С. 254.

[2] Борисова И.Ю., Ганелина И.Е., Прыткина Н.Я. Психологические и поведенческие особенности личности с утренним биоритмологическим типом работоспособности // Психология и практика. М.: Медицина, 1996; Психологический журнал. 1996. Т.1. № 5. С. 62.

состояния организма по работоспособности находятся в пределах индивидуальных суток (от 21 до 28 часов) и позволяют распределить всех людей на несколько групп: лиц с устойчивой стереотипностью и последовательностью изменения работоспособности ("ритмики") и лиц с неустойчивой их последовательностью ("аритмики"). В зависимости от времени подъема трудоспособности разделяются на "жаворонков" и "сов", на утренние и вечерние типы.

Существует мнение, что циркадианные ритмы работоспособности отражают ритмы психических процессов. Выявлена достоверная взаимосвязь между биоритмологическими, поведенческими особенностями личности и психологическими типами. Указанная взаимосвязь может существовать между биоритмологическим типом работоспособности и видом преступной деятельности. У лиц с утренним типом работоспособности отмечается более высокий уровень тревоги, меньшая устойчивость к фрустирующим факторам, у лиц утреннего и вечернего типов разный порог нервной возбудимости. Выявилось, что поведенческий тип и физиологические особенности определяют характер реакции человека на хронические и острые конфликтные ситуации[1].

Таким образом, в зависимости от психологических, поведенческих, биоритмологических особенностей правонарушители могут осуществлять выбор определенного вида преступной деятельности.

Так, в частности, по результатам наших исследований, среди лиц, совершающих умышленные убийства, чаще встречается вечерний биоритмологический тип работоспособности, а совершаемые преступления преобладают в вечернее и ночное время (с 18 до 24 часов и с 24 до 2 часов ночи). Для лиц же утреннего типа характерен такой вид преступлений, как кражи, совершаемые с 9 до 13 часов дня и с 15 до 17 часов вечера.

Используя различные методы расчета биоритмов человека, по мнению Н.Н. Китаева, В. Чибикова, А.Н. Хоменко, можно с достаточно высокой степенью вероятности определить оптимальный момент для проведения следственных действий (допрос, очная ставка, следственный эксперимент)[2], более полно и глубоко понять психологическую структуру человеческой деятельности,

---

[1] Там же. С.63.

[2] Китаев Н.Н. Биоритмология помогает следствию// Соц. законность. 1991. №10. С. 42-43.

спрогнозировать поведение преступника на определенный момент времени.

Потенциально полезным может оказаться и учет низкочастотных макроритмов (длительностью от 1 месяца до 1 года), таких как физический, эмоциональный и интеллектуальный циклы.

От рождения и до смерти каждый человек подвержен влиянию многообразных биоритмических процессов. Среди которых наибольшее психолого-криминалистическое значение, как мы полагаем, имеют три: физический, интеллектуальный и эмоциональный, протекающие независимо друг от друга[1].

Физический цикл длится 23 дня, влияет на основные физиологические функции человека: сопротивляемость организма внешним воздействиям, физическую силу тела, координацию движения, хорошее физическое самочувствие. Эмоциональный цикл длится 28 дней, определяет психический статус, управляет творчеством, отношением к окружающему миру. Интеллектуальный цикл длится 33 дня, регулирует восприимчивость к знаниям, логическое и аналитическое мышление, память и процессы запоминания.

Согласно теории биоритмов для каждого такого цикла существуют критические дни - дни перехода (из фазы положительных колебаний в фазу отрицательных колебаний)[2]. Когда кривая каждого цикла проходит через нулевую точку, такие дни для человека могут быть очень опасными. Еще опаснее двойные или даже тройные критические дни, когда случается одновременное пересечение ими оси координат, что отмечено только в момент рождения и каждые 58 лет + 66 или 67 дней. Таким образом, человеческая жизнь протекает под смешанным влиянием всех трех биологических циклов одновременно. Наличие указанных макробиоритмов подтверждается результатами научных экспериментов Флисса, Свободы, Тельтшера, Перна, которыми установлено, что именно такие ритмы определяют физиологическое состояние и устойчивость организма к различным воздействиям в определенные промежутки времени. Эти колебания запускаются с момента рождения и далее жестко воспроизводятся, поэтому по ним можно заранее вычислить и спрогнозировать неблагоприятные для определенного субъекта дни, в которые необходимо воздержаться от

---

[1] Детари Л., Карцаги В. Биоритмы: Современные представления о периодических изменениях биологических процессов. М.: Мир, 1984. С.139-140.

[2] Францен О. Любовь к трем биоритмам//Лит. газ. 1981. № 42. С.13; Детари Л., Карцаги В.Биоритмы... С. 139-140.

принятия решений, с особой осторожностью относиться к конфликтным ситуациям.

Результаты проведенных нами исследований позволяют говорить о наличии определенных закономерностей в совершении преступлений. Пересечение циклов в нулевой (критической) точке на оси X (координаты, задающей значения времени) в день преступления, по ретроспективному анализу, соответственно двумя или тремя ритмами было характерно для умышленных убийств. Пересечение оси X двумя или тремя ритмами одновременно в позитивной фазе приводило к нанесению тяжких телесных повреждений и к неосторожным убийствам. Пересечение ритмов в негативной фазе - к хулиганским действиям. Грабежи и квартирные кражи совершались зачастую за день-два или непосредственно в критический день. Дорожно-транспортные происшествия - во время пересечения оси X физическим и эмоциональным ритмами одновременно или всеми тремя, что случалось гораздо реже.

Особенности сочетания внутренних личностных предпосылок, психических, биологических закономерностей во взаимодействии с внешними факторами могут привести данную личность в криминогенную ситуацию. Это одно из обстоятельств, наряду с иными, которые актуализируют значимость познания неблагоприятных факторов и соответствующих личностных особенностей.

Среди умышленных убийц 60% лиц с определенными психическими аномалиями личности[1], находящиеся в рамках вменяемости. Подобные расстройства не способствуют повышению уровня образования, приобщения к культуре. Среди убийц доля работающих составляет 70-80 %, причем занимающихся тяжелым неквалифицированным физическим трудом, средний возраст составляет 20-40 лет. Именно этот возраст связан с высокой социальной активностью, накоплением тяжких переживаний, аффективных действий, со временем, обусловливающим высокую конфликтность. Невысок также процент лиц, состоящих в браке, а объектами убийства служат родственники убийцы (мать, отец, дети, жены, сожительницы); 90% такого рода преступлений совершают мужчины, причем 80-90% из них находятся при этом в состоянии алкогольного опьянения, которое способствует снятию внутренних барьеров, возвращению к "дикому" состоянию, когда неосознаваемые мотивы и стремления направляют действия преступника. Среди убийц наиболее высокий процент ранее судимых за кражи, грабежи, насилие. Убийства совершаются через длительное время после освобождения из исправительно-трудовых колоний.

---

[1] Антонян Ю.М.Психология убийства. М.: Юрист, 1997. С.139-143.

При составлении биоритмологического паспорта обвиняемого на уровне современных знаний и с учетом метеорологических, геофизических, космических факторов, являющихся определяющими в существовании всего живого на Земле, наше внимание привлекает гравитация[1], которая, вероятно, определяет зависимость внутренних биоритмов человека от пульса космоса. Так, в новолуние и полнолуние увеличивается число пациентов в психиатрических клиниках, в поведении которых нарастает агрессия. В некоторых зарубежных странах управлениями полиции установлено, что психопатические убийства, несчастные случаи, автокатастрофы учащаются во время полнолуния[2] и в определенные дни чаще возникают ссоры, эмоциональные срывы, применяется физическое насилие, нарастает агрессия. Можно так же отметить, что важна фаза Луны в момент рождения человека. Можно установить взаимосвязь между датой рождения человека, фазой Луны и вероятностью совершения этим человеком преступных действий. Возможно также прогнозирование роста преступности в отдельных неблагополучных районах с учетом лунных фаз и других биоритмологических данных.

Известно, что на поверхности и в недрах Солнца происходят процессы, проявляющиеся в виде ритмических вспышек, которые сопровождаются усилением солнечной активности. Некоторые люди реагируют на это повышенной нервной возбудимостью. Чаще обостряются психические заболевания. Солнечная активность изменяется циклически и влияет на уровень гравитации на Земле, продолжительность таких циклов строго определена. Так, в частности, по нашим исследованиям, процент преступников, рожденных в годы неактивного Солнца, во всех случаях (по разным видам преступлений) превышает процент преступников, рожденных в год активного Солнца: умышленные убийства – 72%, изнасилования – 87,5%, кражи, грабежи – 68,2%, процент рецидивистов, рожденных в годы неактивного Солнца, варьирует от 40,7 до 47,2%.

Биологический ритм, с одной стороны, должен быть устойчивым от случайных воздействий, а с другой - постоянно подстраиваться под условия окружающей среды. Циклические процессы как бы вплетаются в адаптационный процесс и обеспечивают поддержание равновесия организма со средой[3]. Расчеты, проведенные по методикам составления

---

[1]Хаснулин В.И. Космические тайны вашего самочувствия. Новосибирск: Наука, 1992. 176 с.

[2] Гоклен М. Роковые воздействия космоса // Лит.газета. 1974. №6. С. 13.

[3] Агаджанян Н. Сигналы для расшифровки //Лит.газета. 1974. № 6. С. 13.

медицинских геофизических прогнозов, выявили наличие достоверной зависимости в увеличении числа аварийных ситуаций на производстве, автопроисшествий, катастроф на железных дорогах, автотранспорте, морском флоте, бытовых травм, преступности. Оказалось, что все пики преступности либо совпадали с датами прогноза по неблагоприятным дням, либо находились в районе этих дней. Такие особенности прежде всего отражают состояние центральной нервной системы[1], когда из-за заторможенности реагирования человека на изменяющуюся обстановку на дороге происходит замедление условно-рефлекторных реакций, особенно превалирующее в дни, неблагоприятные по прогнозу, что и становится причиной аварийных ситуаций и прочих происшествий. Еще одну опасную категорию составляют люди, находящиеся в состоянии психоэмоционального напряжения, возникающего на фоне конфликтной ситуации, и подверженные влиянию со стороны гелиофизических факторов. У преступников в такие дни чаще возникают ссоры, эмоциональные срывы, ими применяется физическое насилие, возникает агрессивность.

В процессе изучения биоритмологического портрета нами учитывались также следующие данные (по материалам 239 уголовных дел):

Виды преступлений	Средний возраст преступников, лет	Уровень образования, %	Трудовая деятельность, %
Умышленные убийства	28,3±9,3	16% имеют специальность	80% работают (тяжелый физический труд)
Изнасилования	21±5,2	Средне-специальное	10% работающих
Дорожно-транспортные	38,2±9,2	Средне-специальное	100% работающих
Неосторожные убийства	29-30 и 17-20	Средне-специальное	100% работающих
Кражи, грабежи	21,9±6,8	Неоконченное среднее	2% работающих

[1]Ткаченко Б.И. Основы физиологии человека. С.318, 335; Шмидт Р., Тевз Г. Физиология человека. М.: Мир, 1996. Т.3. С.698.

Из таблицы видно, что самый высокий процент неработающих лиц составляют кражи и грабежи, здесь же отмечен самый молодой возраст преступников, дорожно-транспортные преступления совершаются людьми более старшего возраста, имеющими специальность. Анализ всех уголовных 239 дел показал, что всего 8% преступников от общего числа (по убийствам, изнасилованиям, кражам) имеют специальность.

В заключение можно сказать: существование биоритмов различной природы, их зависимость от внешних факторов требуют дальнейшего изучения в плане влияния на соответствующее физическое, эмоциональное, интеллектуальное состояние участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, следователя).

Таким образом, используя биоритмологические карты расчетов можно прогнозировать соответствующее физическое, эмоциональное состояние субъектов, оказать влияние на качественный ход процесса расследования, значительно улучшить процессы проведения и планирования следственно-тактических мероприятий, на основе учета всей совокупности влияния таких ритмов, как околосуточные, макробиоритмы, неблагоприятные по гелиофизическим факторам дни и крупных периодов солнечной активности, а также поведение этих ритмов в моменты совершения противоправных действий.

Следует отметить, что квалифицированное биоритмологическое определение дня проведения допроса, проведения очной ставки может принести максимальную пользу следствию, применяться для предупреждения преступлений на дорогах, несчастных случаев с пешеходами, производственного травматизма, аварий при испытаниях, а также для криминологического прогнозирования насильственных преступлений.

Как мы полагаем, наши наблюдения и биоритмологические исследования могут значительно улучшить проведение и планирование следственно-тактических мероприятий, оказать влияние на качественный ход расследования. Например, квалифицированное биоритмологическое определение дня проведения допроса, очной ставки может принести максимальную пользу следствию. Сюда входит определение дня ознакомления обвиняемого с заключениями экспертиз, возможное ограничение круга лиц, причастных к совершению преступления в конкретное время, и более глубокое выявление взаимосвязи личности преступника и потерпевшего для детального расследования и определения мотивов преступления.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОЛОГОВ

Г.Г. Гаврилин

В настоящее время среди ученых и практиков, занимающихся исследованием проблем деятельности суда присяжных, не вызывает споров суждение о том, что исследование доказательств, основанных на заключениях экспертов, расширяет возможности присяжных в установлении сложных обстоятельств дела и позволяет присяжным вынести объективный и справедливый вердикт. В тех случаях, когда обнаруживается, что экспертное заключение в какой-либо своей части неясно присяжным (как, впрочем, возможно, и другим участникам процесса), они имеют право в соответствии с ч.1 ст. 455 УПК РСФСР заявить об этом просьбу председательствующему в суде, вызвать эксперта в суд и допросить его в суде.

В юридической литературе практически не обсуждается вопрос об отсутствии необходимости вызова и допроса эксперта в суд. По мнению целого ряда авторов[1], допрос эксперта в суде может дать ответы на вопросы, касающиеся обоснованности научных положений проведенных исследований, правомерности применения конкретной методики, причин различия выводов эксперта по одним и тем же вопросам, противоречий между исследовательской частью и выводами либо несколькими заключениями, расхождений между объёмом поставленных вопросов и выводами, стилистических неясностей и т.п.

Таким образом, допросом эксперта в суде можно установить новые факты, имеющие самостоятельное доказательственное значение. Однако допрос эксперта в суде не является дополнением, продолжением заключения, т.е. его составной частью. Допрос эксперта осуществляется в другой процессуальной форме и поэтому не является продолжением экспертизы, как допрос, к примеру, понятого, не является продолжением соответствующего следственного действия, даже если допрашиваемым подтверждаются или разъясняются те же самые факты, которые изложены в протоколе следственного действия.

---

[1] Уразгильдеев Л. Допрос эксперта в суде // Российская юстиция.1997.№11; Насонов С.А. Заключение эксперта (к вопросу о суде присяжных) // Российская юстиция. 1997. № 11.

Допрос эксперта в суде, в отличие от допроса свидетеля, начинается не свободным рассказом обо всем известном по делу, а постановкой конкретных вопросов, нуждающихся в разъяснении или дополняющих вопросы, разрешенные в заключении эксперта. Причем при допросе эксперта, как и при назначении экспертизы, недопустима постановка вопросов, не относящихся к его компетенции. Вопросы эксперту ставятся в устной форме в соответствии со ст. 289 УПК РСФСР с той лишь разницей, что вопросы эксперту задаются сторонами в последовательности с учетом положений ст. 446 УПК РСФСР.

Кроме того, исследование экспертных заключений представляет зачастую большие трудности и для юристов-профессионалов по ряду причин. Во-первых, заключение эксперта – это заключение специалиста и по специфическому же вопросу. Во-вторых, имеются «существенные различия в исходных методологических позициях», которые способны «привести к одновременному существованию в науке теорий (концепций, учений), положения которых несовместимы между собой»[1]. На практике это приводит, как отмечают указанные авторы, к тому, что эксперты, например, экспертных учреждений Минюста и МВД, исходя из различных методологических установок, дают по одним и тем же вопросам различные заключения. Методологические расхождения между экспертами обусловливают объективную нетождественность конкретных заключений экспертов.

Представляется, что многие поставленные в работе вопросы, а также и другие связанные с ними проблемы, касающиеся получения объективных доказательств, базирующихся на экспертных заключениях, могут быть решены *введением принципиально нового института специалистов в области экспертных исследований (специальных судебных экспертологов)*, созданных, например, при судебных департаментах.

Во-первых, становится возможным *назначение экспертизы на стадии предварительного расследования*, когда дело еще не возбуждено, но возникает необходимость установить мотивированную совокупность вопросов, которые могут быть заданы судебному экспертологу, проводившему исследование «по горячим следам». Такая совокупность вопросов должна иметь соответствующее процессуальное оформление, например в виде особого акта, приобщаемого к материалам следствия. Именно в этом случае заключение эксперта может приобретать силу обязательного документа, обладающего доказательной силой в полном объеме.

---

[1] Правовая реформа на фоне политики и экономики (заседание клуба юристов) // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 29.

Во-вторых, участие судебного экспертолога поможет *осуществлять выборочный надзорный контроль за отдельными стадиями проведения экспертного исследования*. Таким образом, норма УПК РСФСР, закрепленная в ст. 190 о праве присутствия следователя при производстве экспертиз[1], становится действующей, так как присутствие судебного экспертолога вместо или вместе со следователем в необходимых случаях поможет избежать неполноты экспертного заключения, а следовательно, проведения дополнительных и повторных экспертиз (влекущих дополнительные материальные затраты), и сделать его более целенаправленным.

В-третьих, участие судебного эксперта в процессе исследования доказательств в суде следует сделать необходимым компонентом процесса в тех случаях, когда по одному и тому же факту следствием или судом получены разные заключения. Судебный экспертолог должен сделать *свое заключение о соответствии использованных методик научным требованиям и о полноте проведенных исследований, а также может принять участие в допросе экспертов в суде.*

В-четвертых, экспертолог может своим соответствующим актом *санкционировать принудительное изъятие образцов*, в том числе органами дознания, для проведения экспертизы.

В-пятых, появление института судебных экспертологов делает возможным *осуществление эффективного контроля за деятельностью региональных экспертных учреждений*. Появляется возможность анализа и обобщения опыта работы как отдельных экспертов, так и экспертных учреждений определенных регионов, а также возможность межрегиональной деятельности в этом направлении. Такая деятельность необходима уже потому, что в настоящее время защита корпоративных интересов экспертных учреждений зачастую приводит к тому, что недобросовестная и непрофессиональная деятельность отдельных экспертов замалчивается.

Между тем, как показывают социологические опросы, правовое сознание большинства современных россиян содержит стереотип полного доверия к экспертному заключению. Этот доминирующий стереотип особенно отчетливо проявляется в суде присяжных, поскольку заключение эксперта воспринимается «судьями факта» как объективное доказательство. К примеру, дело №2-2/98, рассмотренное в 1998 г. Алтайским краевым судом по обвинению Б. в убийстве по ст.ст.103, 102 п.«и» УК РСФСР: в ходе предварительного расследования Б. признавал

---

[1] Орлов Ю., Шишков С., Гришина Е. Оценка судом достоверности заключения эксперта // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 102.

свою вину, и отчасти поэтому следствие было проведено, как считала защита, неполно, поскольку недостаточно закрепило вину Б. совокупностью других доказательств. В судебном заседании с участием присяжных заседателей подсудимый изменил показания и стал отрицать свою вину. В условиях состязательности сторон защитник воспользовался неточным заключением эксперта о времени наступления смерти потерпевшего. Время, указанное в экспертном заключении, совпадало со стопроцентным алиби подсудимого, а государственный обвинитель не поставил под сомнение достоверность представленного суду заключения, не акцентировал внимание присяжных на относительности данного доказательства. Подсудимый Б. был полностью оправдан. Кассационная палата по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения в связи с отсутствием процессуальных оснований для его отмены.

Полагаем, что присутствие в суде экспертолога при допросе сторонами эксперта, проводившего исследование, в соответствии со ст. 289 УПК РСФСР и представление присяжным особого заключения судебного экспертолога по проведенной экспертизе поставило бы под сомнение выводы эксперта и *усилило бы степень объективности исследованного доказательства*, а следовательно, могло повлиять на вердикт присяжных.

В-шестых, появление в структуре суда самостоятельного, независимого специалиста в вопросах экспертных исследований, на наш взгляд, уменьшит количество кассационных жалоб и частных протестов по основаниям оспаривания доказательств, полученных на основе экспертизы, поскольку усиливается *контроль за назначением, проведением и получением экспертных заключений*.

Вполне решаемы и материальные проблемы, связанные с введением института судебных экспертологов, например, за счет сокращения количества присяжных заседателей, тем более что о последнем идут активные споры.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВО НА ЗАЩИТУ

Н.В. Краснова

В настоящее время при расследовании преступлений все чаще используются нетрадиционные методы, к которым относят одорологию, гипнологию, полиграфологию, дерматоглифику, экстрасенсорику, магию создание психологического профиля преступника, нетрадиционные виды экспертиз и др. По поводу этих методов в криминалистике высказаны две противоположные точки зрения: одна из них – ложный путь криминалистики[1], другая – новые направления развития криминалистики[2]. При этом оценка перечисленных методов делается с точки зрения получения следователем обвинительных доказательств, а об оправдательных доказательствах в большинстве случаев умалчивается.

На наш взгляд, такой подход является ошибочным. Если нетрадиционные методы расследования оценивать с позиции получения обвинительных и оправдательных доказательств, то отдельные из них вполне допустимы. В качестве примера можно сослаться на внедрение в следственную практику судебно-психологической экспертизы, которая на этапе становления назначалась по ходатайству адвокатов[3]. Прошло несколько десятилетий, прежде чем она стала традиционной экспертизой.

Активность обвиняемого и его защитника в собирании доказательств находится в прямой зависимости от усмотрения следователя, наделенного уголовно-процессуальным законом властными полномочиями, который, отказывая в удовлетворении ходатайств, не позволяет реализовать в полном объеме право на защиту. Практике известны случаи отказа в удовлетворении ходатайства в связи с «нецелесообразностью», «отсутствием необходимости», «отсутствием необходимых специалистов» и др.[4] Адвокат заинтересован при защите интересов обви-

---

[1] См.: Протопопов А. Ложный путь криминалистики // Законность. 1999. №10. С. 36-38.

[2] См.: Исаенко В. О криминалистических новшествах // Там же. С.39.

[3] См.: Мельник В.В., Яровенко В.В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991.

[4] См.: Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. С. 104-105.

няемого по уголовному делу широко и активно использовать специальные познания и различные криминалистические приемы.

С этих позиций рассмотрим высказанное возражение против применения в следственной практике полиграфа, основанное, прежде всего, на отсутствии: а) законодательного регулирования его использования; б) достаточного анализа практики применения[1].

Действительно, в нашей стране законодательное применение полиграфа не нашло отражения, но его использование предусмотрено в подзаконных актах. В частности, ранее действовала утвержденная Генеральной прокуратурой, ФСБ РФ и зарегистрированная в Министерстве юстиции России 28 декабря 1994 г. инструкция "Об утверждении полиграфа при опросе граждан". Приказом МВД РФ от 12 сентября 1995 г. № 353 "Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел"[2] в инструкцию внесены дополнения. Эти обстоятельства свидетельствуют об активном внедрении в практику органов внутренних дел инструкции о порядке использования полиграфа.

Такая практика опроса имеется в Красноярском крае, ее анализ проведен А.А. Протасевичем и В.А. Образцовым. Они установили, что из 1226 человек, подозреваемых в совершении тяжких преступлений и проверенных при помощи полиграфа, 702 оказались непричастными к преступлениям, тем самым были получены объективные данные, подтверждающие версию обвиняемого о его невиновности[3].

На наш взгляд, применение полиграфа особенно важно, когда в силу стечения обстоятельств все доказательства выступают против обвиняемого (например, был на месте происшествия, имелись неприязненные отношения, высказывал угрозы, обнаружены отпечатки пальцев). В таких случаях кроме собственного отрицания вины, единственным способом получения объективных доказательств невиновности является полиграф.

---

[1] См.: Протопопов А. Ложный путь криминалистики // Законность. 1999. №10. С. 36-38.

[2] Текст приказа официально не был опубликован.

[3] См.: Протасевич А.А., Образцов В.А. Раскрытие убийств: нестандартные методы, приемы, рекомендации. Иркутск, 1998. С.195.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АФФЕКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.А. Гиревой

Одну из отраслей современной экспертологии составляет судебно-психологическая экспертиза. Особенностями данного института являются его новизна, динамизм, возрастающая актуальность.

Первые упоминания о попытках проведения экспертизы чувств и эмоций в России, прообраза современной судебно-психологической экспертизы, относятся к 1883 г. О ней упоминает известный юрист А.Ф.Кони в своей работе, в несколько скептической форме, ссылаясь на её субъективизм и слабую научно-методологическую базу в тот период. В противоположность А.Ф. Кони, другой известный титан русской юриспруденции того времени, Л.Е. Владимиров, говорил о необходимости активного использования в суде психологических исследований.

Первая монография, посвященная судебно-психологической экспертизе, вышла в 1929 г., её автором был А.Е. Брусиловский. Речь в этой работе шла прежде всего об использовании специальных психологических познаний в расследовании тех уголовных дел, где участниками процесса явились малолетние лица. В частности, предлагалось, говоря современным языком, проводить экспертизу их способности правильно воспринимать обстоятельства дела и давать о них показания. Помимо этого, А.Е. Брусиловский предлагал проводить судебно-психологические экспертизы также по всем уголовным делам, где был неясен мотив преступления, по делам, касающимся расследования самоубийств, убийств и иных тяжких преступлений. Также в меру возможностей того периода им в монографии разработана методика компетенции данного вида экспертизы, установлены ее пределы.

Уголовно-процессуальные аспекты данной проблемы в это время разрабатывались А.В. Внуковым, Я.М. Канторовичем. В области прикладной психологии, а именно разработки необходимых для СПЭ методик, принимал участие один из наиболее известных советских психологов А.Р. Лурия. Помимо разработки психодиагностических методик, А.Р. Лурия внес большой вклад в разработку судебной психологии, а затем и юридической психологии.

Институт судебно-психологической экспертизы имеет в высокой степени синтетическую природу, основанную на взаимодействии юрис-

пруденции и психологии в самых различных аспектах, но центром этого взаимодействия являются человек, его личность, поведение, его естественные права и их реализация в сфере правоприменения.

Специфику предмета судебно-психологической экспертизы составляют фактические данные о результатах влияния на психическое отражение окружающего, рефлексию и регуляцию своего поведения подэкспертных непатологических психических факторов: возрастного, ситуационного, эмоционального, личностного. Вместе с тем судебно-психологическая экспертиза может диагностировать и оценивать воздействие некоторых психопатологических причин, крайних, и пограничных вариантов психического здоровья.

Задачи судебно-психологической экспертизы складываются из установления двух основных групп обстоятельств: характера психического состояния и оценки его влияния на поведение подэкспертного. Основная цель судебно-психологической экспертизы - получение всестороннего комплексного представления о психике подэкспертного лица.

Судебно-психологическая экспертиза аффекта и иных эмоционально-волевых состояний назначается в тех случаях, когда возникает вопрос о возможности квалифицировать действия обвиняемого или подсудимого как совершенные в состоянии аффекта, что предусмотрено законодателем в качестве смягчающего вину обстоятельства по делам об убийствах и причинении вреда здоровью. Распространенность этих преступлений достаточно велика, криминологами в соответствующих статистических исследованиях отмечается неуклонный рост так называемых «аффективных» преступлений. Данная тенденция связана с увеличивающимся количеством противоправных посягательств на граждан, насилием, агрессией, направленных в отношении их. Это прежде всего следствие тех процессов, которые происходят в нашем обществе и государстве. Девальвация нравственных и духовных ценностей, идеологический вакуум, резкое расслоение общества на фоне глубокой экономической депрессии создают патологически активную основу для развития отклоняющегося и криминального поведения.

Правоприменение должно быть адекватным и эффективным, в полной мере достигать поставленных целей. Законодателем при создании нового Уголовного кодекса были устранены некоторые недоработки прежнего уголовного законодательства касательно освещаемой тематики. Так, вместо понятия «сильное душевное волнение», присутствовавшего в нашем законодательстве с 1922 г., появляется единое и целостное понятие «аффект». Особенность нововведения заключается в том, что сегодня лабораторией психологии ГНИ социальной и судебной психиатрии им. Сербского выявлен целый ряд эмоционально-волевых со-

стояний личности, входящих в достаточно широкое понятие «аффект». Это, в частности, сам физиологический аффект, кумулятивный аффект, аффект на фоне алкогольного опьянения, состояние эмоционального возбуждения и состояние эмоционального напряжения, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение. Все эти состояния ограничивают способность человека осознавать значение своих действий и руководить ими, тем не менее они не исключают вменяемости лица по психическому критерию, но являются в то же время смягчающими вину обстоятельствами.

Ранее понятие «сильное душевное волнение» позволяло правоприменителю самостоятельно решать вопрос о квалификации психического состояния обвиняемого лица. Сегодня для диагностики состояния аффекта не обойтись без использования специальных экспертных познаний в области судебной психологии и назначения по соответствующим категориям дел судебно-психологической экспертизы.

Казалось бы, что законодатель предусмотрел цивилизованные механизмы, позволяющие индивидуализировать наказание, сделать его адекватным совершенному проступку, достигнуть его целей. Но, рассматривая этот вопрос, мы видим целый ряд проблем.

Первой встает проблема процессуального закрепления обязательности проведения судебно-психологической экспертизы аффекта и иных эмоционально-волевых состояний по делам об убийствах и нанесении телесных повреждений. Судебно-психологическая экспертиза по этим делам пока назначается факультативно, хотя её значимость порой не меньшая, а большая, чем, например, судебно-психиатрической экспертизы, судебно-медицинской и др. Квалифицировать состояние аффекта может только эксперт-психолог, а следователь и суд далеко не всегда могут назначить соответствующее экспертное исследование.

Другой немаловажной проблемой является низкий уровень подготовки самих экспертов-психологов и слабое знание психологической науки сотрудниками правоохранительных органов и судьями. Эксперт-психолог должен иметь высшее образование по специальности «Психолог-практик», помимо этого, необходима последипломная специализация такого лица, которая проводится только в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. Сербского. Помимо этого, объем специальных познаний эксперта-психолога должен включать теоретические и методологические знания в различных областях психологической науки, а также знание основ судебной психиатрии, уголовного и уголовно-процессуального права. К сожалению, на практике очень часто проведение судебно-психологических экспертиз поручается преподавателям психологических факультетов вузов, экспертам-психиатрам, педагогам

и т.д. Безусловно, такое положение вещей наносит ущерб не только репутации судебно-психологической экспертизы, но и принципам законности, гуманизма и приоритета прав человека.

Сотрудникам правоохранительной сферы, судьям необходимо повышать уровень своей психологической подготовки, что, в свою очередь, не только отразится на результативности их работы, но и облегчит осуществление своих функций экспертам-психологам. Ведь сведения об объекте судебно-психологической экспертизы могут быть получены двумя путями: первый – при непосредственном экспертном исследовании лица; второй – посредством исследования материалов уголовного дела, содержащих информацию о психическом состоянии и поведении подэкспертного, о его личности, характере, индивидуальных особенностях в различные периоды жизни. Второй путь имеет особенно важное экспертное значение, он позволяет объективно, многогранно рассмотреть целостную динамику психического состояния и личности подэкспертного, в том числе в самый значимый для дела момент, момент деликта. Важное экспертное значение материалов уголовного дела определяет особые требования к сбору и качеству их анализа, а соответственно, и к профессиональной подготовке следователей и судей.

Исходя из практики проведения судебно-психологической экспертизы, очень часто можно сделать вывод, что при проведении допросов оперативно-следственные работники почти не уделяют внимания психологической составляющей, т.е. не пытаются выявить и описать в материалах уголовного дела психологическое состояние правонарушителя на момент совершения им деликта, его чувства по отношение к жертве, переживания по поводу содеянного, собственную оценку им своих действий. Очень часто лица, совершившие преступления в каком-либо эмоционально-волевом состоянии, способном снизить рефлексию и контроль над своими действиями, осуществляют сразу после совершения преступления явку с повинной. А ведь именно в первые часы после наступления аффекта наблюдается его постаффективная фаза, выраженная в физической и психической астении, которая в такой ситуации может и должна быть отражена в материалах уголовного дела.

Крайне болезненной является также проблема формулирования следователем вопросов экспертам. Зачастую вопросы формулируются неточно, а порой некорректно, ставятся на разрешение экспертные проблемы, которые не входят в компетенцию данной экспертизы либо выходят за рамки возможностей судебно-психологической экспертизы. (например: Ложные ли показания дает обвиняемый? Находился ли он в невменяемом состоянии в момент совершения преступления?). Подобная постановка вопросов делает порой невозможным проведение экс-

пертизы по тому или иному уголовному делу, хотя принципиально экспертная судебно-психологическая проблема может стоять.

Еще одним источником проблем в судебно-психологической экспертизе аффекта являются случаи её комплексного проведения, к примеру неполное разграничение на практике предметов ведения судебно-психологической экспертизы и судебно-психиатрической экспертизы. Зачастую эксперты-психиатры берут на себя ответственность по диагностике физиологического аффекта, который не относится к патологическим психическим состояниям и расстройствам, диагностика коих и является предметом судебно-психиатрической экспертизы. Часто, не владея специальной методологической и теоретической базой для дачи соответствующего заключения, судебно-психиатрическая экспертиза выходит за рамки своей компетенции и не дает объективных выводов, необходимых для осуществления правосудия. В этой связи можно говорить и о сложности в организации комплексных психолого-психиатрических экспертиз по определенным категориям дел, и прежде всего экспертизы аффекта.

Комплексные психолого-психиатрические экспертизы появились впервые в начале 70-х гг. Эксперты, входящие в состав таких экспертиз, имеют различную компетенцию: психиатры должны исключить патологические аномалии и т.д.; психологи – разграничить физиологический аффект и иные эмоционально-волевые состояния, не достигающие глубины аффекта, установить психологические механизмы аффекта, оценить личность подэкспертного. При этом результаты психологической и психиатрической оценки должны взаимно дополнять и уточнять друг друга, давать возможность правильно и всецело оценивать индивидуальность и парадоксальность аффективного реагирования.

Вопросы создания комплексных видов экспертиз с включением в их состав психологической сегодня недостаточно проработаны, остро ощущается недостаток специалистов, отсутствует организационно-техническая база.

Иногда по делам о дорожно-транспортных происшествиях требуется проводить комплексную психолого-инженерно-техническую экспертизу, на разрешение которой могут быть поставлены вопросы, касающиеся психо-физиологических особенностей участников дорожно-транспортных происшествий, их способности ориентироваться и выполнять те или иные действия в конкретных окружающих условиях. Среди прочих может ставиться вопрос и о наличии у участников дорожно-транспортного происшествия эмоционально-волевых состояний, могущих оказать существенное влияние на их способность адекватно воспринимать окружающую действительность, свои собственные дей-

ствия и контролировать их. Ответы на эти вопросы могут быть значимы в тех ситуациях, когда, к примеру, из-за наличия острого стресса врач - участник дорожно-транспортного происшествия - не мог оказать помощь пострадавшим,и решается вопрос о привлечении его к уголовной ответственности за неоказание врачебной помощи.

Еще один сложный вопрос в практике проведения судебно-психологической экспертизы - признание судами их заключений. Судебно-психологическая экспертиза должна предоставить следователю и суду независимую и объективную информацию, являющуюся результатом деятельности профессионального психолога, и право суда признавать либо оспаривать экспертное заключение в качестве доказательства по делу. Порой складывается ситуация, когда судьи возвращаются к утраченному понятию «сильное душевное волнение» и, следуя многолетней привычке, пытаются самостоятельно решить вопрос о наличии либо отсутствии аффекта, игнорируя значимость экспертного заключения.

Безусловно, судебно-психологическая экспертиза имеет куда более короткую историю и менее совершенную методологическую базу, чем, скажем, баллистическая или дактилоскопическая экспертизы, но тем не менее это не должно умалять ценность экспертного заключения.

При объединении усилий правоведов и психологов-практиков возможно детально и более оперативно исследовать категориальный аппарат, расширить сферу применения судебно-психологической экспертизы, что, в свою очередь, поможет намного глубже разобраться в природе правонарушения, выявить причинно-следственные связи в нем и как следствие - совершенствовать профилактические мероприятия, позволит им добиться большего эффекта в сфере защиты прав человека, общества и государства.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ ОГНЯ

Е.И. Федорак

1. Ключевым моментом процессуальной, оперативно-розыскной и криминалистической деятельности органов прокуратуры и внутренних дел при расследовании убийств, сопряженных с поджогами, является установление личности неопознанных трупов. В практике различают опознание и отождествление трупа неизвестной личности. Под опознанием понимается установление личности трупа людьми, знавшими покойного при жизни. Под отождествлением разумеется установление личности трупа в результате специальных, главным образом экспертных исследований. И опознание, и отождествление производится в основном по лицу (голове) трупа, но, конечно, учитываются и все другие признаки, способствующие установлению личности, как-то: пол, возраст, рост, цвет волос, зубной аппарат, особые приметы, одежда и т.п. Установление личности неопознаваемого (и неопознанного) трупа нередко имеет решающее значение для успешного ведения следствия.

Сложность расследования дел об убийствах, сопряженных с поджогами, с точки зрения организации и ведения следствия в значительной мере определяется характером действия огня как разрушительного процесса, влекущего за собой уничтожение многих следов как убийства, так и поджога. Дело осложняется и тем, что от действий, связанных с тушением огня, уничтожаются многие следы и вещественные доказательства. Трупы подвергаются дополнительным воздействиям, в результате которых нарушается или изменяется целостность соматических (телесных) характеристик. Возникают сложные криминалистические ситуации, когда неизвестны ни личности потерпевших, ни причины их смерти. Однако использование положительного опыта в расследовании этой категории преступления, четкое исполнение инструкции об организации и тактике установления личности граждан по неопознанным трупам будут способствовать выявлению, сбору и фиксации диагностических и идентификационных сведений в максимально полном объеме. На установлении личностей трупов, подвергшихся воздействию огня, путем их опознания мы и остановимся.

2. Опознание оказывается возможным либо тогда, когда голова трупа вовсе не пострадала от огня или пострадала незначительно, либо то-

гда, когда она хотя и пострадала от огня и действий пожарных, но ей удалось придать внешность, близкую к прижизненной. Опознание производится путем предъявления самого трупа или фотографии с него. Естественно, при опознании используются и другие указанные ранее характерные признаки. Практически в каждом случае опознанию предшествуют мероприятия, направленные на придание прижизненного вида лицу погибшего. В литературе встречаются разные наименования этих мероприятий. Одни авторы называют их «туалет трупа», другие - «реставрация», «реконструкция», «восстановление». С.И. Ожегов придает следующее значение этим словам: *туалет – одевание, приведение в порядок своего внешнего вида; реставрация – восстановление обветшалых или разрушенных памятников старины, искусства в прежнем, первоначальном виде; реконструкция – восстановление чего-либо по сохранившимся остаткам, описаниям; восстановить – привести в прежнее состояние* (Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1995. С.102, 674, 676, 813). Представляется, что «реконструкция» – то слово, которое наиболее полно отвечает запросам практики, к тому же оно уже давно вошло в лексику криминалистов. Туалет трупа – подготовительный этап к реконструкции внешнего облика трупа.

В зависимости от объема и характера специальных познаний и навыков, используемых при осуществлении мероприятий, направленных на придание голове трупа прижизненного вида, следует различать простую и сложную реконструкцию. Простая реконструкция – это мероприятия по приданию трупу естественного вида в тех ситуациях, когда сохранена общая целостность мягких тканей и особенно костная основа. Небольшие растрескивания и разрывы кожи и мягких тканей заделывают пластилином, гумзой. Ссадины и трупные пятна гримируют, губы подкрашивают. Глазам придают блеск с помощью глицерина и других масленичных препаратов. Завершается простая реконструкция припудриванием кожи, сушкой и причесыванием волос. Выполняют простую реконструкцию специалисты в области судебной медицины либо специалисты в области криминалистической идентификации человека по признакам внешности. После этой процедуры трупы легко идентифицируются и ошибки, вызванные добросовестным заблуждением при их опознании, встречаются крайне редко.

Иначе бывает при производстве сложной реконструкции, когда многие идентификационные признаки внешности изменены или утрачены во время пожара или посмертных воздействий на части тела пожарных подразделений во время тушения огня пожарными. Для проведения сложной реконструкции нужны познания из криминалистической идентификации по признакам внешности, пластической анатомии, челюст-

но-лицевой хирургии, морфофизиологии лица, этнической и расовой диагностики, а в некоторых случаях косметологии, гримирования и т.д. Но и после такой сложной реконструкции предъявление на опознание трупа как в натуре, так и с использованием сигналитических фотоснимков редко приводит к желаемым результатам. Восполнить этот пробел можно изготовлением масок и слепков с лица и различных частей тела потерпевшего, а также воссозданием прижизненного облика погибших с помощью известного средства ИКР-2 (идентификационный комплект рисунков) с последующим предъявлением на опознание масок, слепков и рисунков.

Однако установление личностей неопознанных трупов описанными способами сопряжено со значительными трудностями. Во-первых, действующим положением правил судебно-медицинской экспертизы трупов «туалет» и «реконструкция» не предусмотрены. Во-вторых, как следствие этого в областных бюро судебно-медицинской экспертизы отсутствуют необходимые для этого специалисты, способные проводить сложные мероприятия по приданию прижизненного вида лицу погибшего.

Устранение указанных пробелов в нормативном регулировании судебно-медицинской экспертизы трупов – одна из актуальнейших задач, без решения которой невозможно дальнейшее совершенствование методики расследования убийств, сопряженных с поджогами.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОЖАРОВ

М.В. Безуглов

1. Закономерности объективной действительности, отображающиеся в различных явлениях, процессах, фактах, - предмет любой науки, К предмету науки криминалистики относятся закономерности преступной деятельности, механизма преступления. Под механизмом расследуемого пожара следует понимать совокупность материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обусловливающих возникновение источников криминалистической информации.

2. Для возникновения и распространения горения необходимы, как известно, три совпадающие по времени и пространству при соответствующем количественном соотношении условия (предпосылки), которые в своей совокупности и во взаимодействии образуют горючую систему. Это: а) горючие материалы и вещества; б) окислитель; в) тепло источника зажигания. Каждый компонент горючей системы может рассматриваться как система, в которую входит другая система, т.е. каждый компонент горючей системы может быть одновременно и элементом (подсистемой) данной системы и сам включать в себя другую систему. Говоря о системных исследованиях, В. П. Кузьмин пишет: «... когда речь идет о системном подходе или системном анализе - ищите интеграцию. В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство интеграции, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий» (Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. С. 258). При горении, сложной химической реакции, появляются новые вещества, нередко обладающие другими свойствами и признаками, т.е. возникает новая система с присущей ей элементностью, связностью и целостностью.

Компонентами этой системы являются интегрированные следы, которые мы классифицируем на типичные и нетипичные для пожара следы. Для их исследования привлекаются в качестве экспертов специалисты разных отраслей знаний.

3. Развитие научных основ и методик судебных экспертиз невозможно посредством лишь прямого использования данных естественно-технических и иных неправовых знаний, без учета особенностей след-

ственной и судебной практики. А.Р. Шляхов писал: «Комплексный характер исследований, базирующихся на синтезе данных различных естественных, технических и юридических наук, служит основой дальнейшего совершенствования проводимых в настоящее время судебных экспертиз...» (Шляхов А.Р. Перспективы развития судебной экспертизы // Советское государство и право. 1973. № 8. С. 85). Следует отметить, что практика пошла именно по этому пути, что подтверждается созданием медико-криминалистических отделений и лабораторий бюро судебно-медицинской экспертизы, выделением из класса инженерно-технических экспертиз в самостоятельную отрасль криминалистической взрывотехники и т.п.

4. Большое разнообразие объектов и конкретных причин пожара, многообразие условий, состоящих в причинной связи с возникновением горения, особенности развития, тушения и последствий пожара, типичные и нетипичные для пожара следы обусловливают необходимость привлекать к исследованиям экспертов различных отраслей знаний. Поэтому не каждая экспертиза, назначенная по делу о пожаре, может строиться на пожарно-технических знаниях и будет являться пожарно-технической. Более того, к исследованиям процессов горения и многих других чисто пожарно-технических вопросов все чаще привлекаются эксперты-криминалисты, способные применять новейшие криминалистические методы исследования следов и вещественных доказательств для получения как можно больше информации о происшедшем пожаре, что является одним их проявлений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве. Так, применение новых инструментальных методов исследования веществ и материалов заметно потеснили, а в ряде случаев вообще вытеснили некоторые исследования по делам о пожарах, требовавшие значительных затрат времени и, кроме того, большого количества анализируемого вещества. Именно эти обстоятельства диктуют настоятельную необходимость формирования самостоятельного класса судебной экспертизы - технико-криминалистической экспертизы пожаров и разработки ее концептуальных основ.

К классу технико-криминалистических экспертиз следует отнести следующие виды сформировавшихся экспертиз: взрыво-криминалистическую экспертизу; электро-криминалистическую экспертизу; криминалистическую экспертизу веществ и материалов; ситуационную технико-криминалистическую экспертизу.

По нашему глубокому убеждению, выделение технико-криминалистической экспертизы в самостоятельный класс не только благотворно скажется на эффективности борьбы с криминальными по-

жарами, но и явится мощным стимулом для разработки теории и методики судебных экспертиз пожаров.

Во-первых, такое выделение зафиксирует качественный скачок в практике экспертных исследований пожаров. Во-вторых, выделение технико-криминалистической экспертизы в самостоятельный класс нацелит следователей на необходимость взаимодействия экспертов различных специальностей в процессе комплексных исследований причин пожаров. В-третьих, при подготовке методических пособий по судебным экспертизам пожаров будут привлекаться не только пожарно-технические специалисты, но и криминалисты, что даст возможность избегать тех досадных ошибок, которые встречаются в современной литературе и практике. В-четвертых, выделение технико-криминалистической экспертизы в самостоятельный класс снимет проблему выбора ученого совета для защиты диссертаций по дисциплине «Криминалистика».

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЫПУЧИХ ВЕЩЕСТВ

С.Н. Леонов, А.В. Ракитин

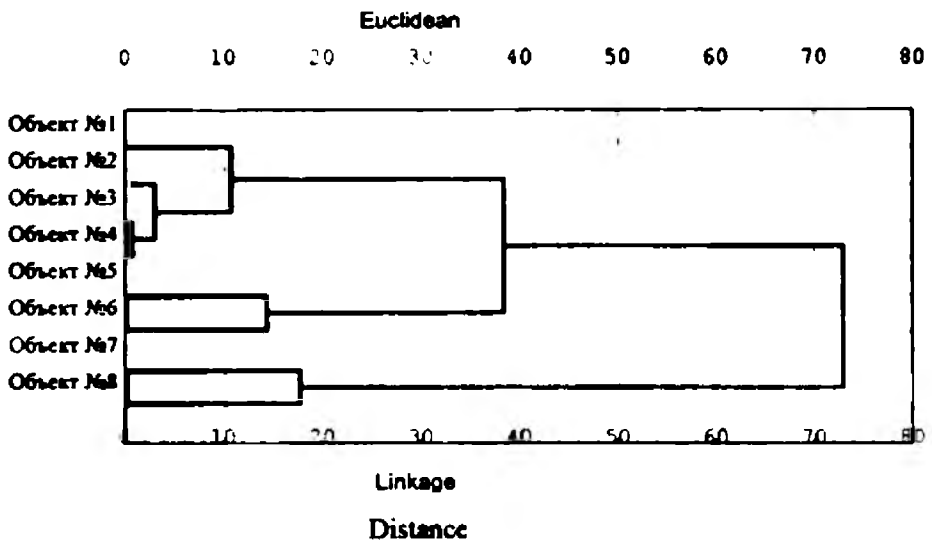
В последнее время структура преступности имеет определенные тенденции к увеличению преступлений, связанных с хищением в крупных размерах продовольственного сырья, пищевых продуктов (зерно, мука, крупы, сахар и т.п.) и других сыпучих веществ. Для их раскрытия и расследования, как правило, требуется проведение идентификационных исследований, сложность которых обусловлена особенностями физического и химического состава указанных объектов. Использование традиционных физических, химических, физико-химических биологических методов представляет определенную сложность и требует новых подходов в исследовании таких объектов. Например, зерно злаковых культур обладает одинаковыми сортоспецифическими, биохимическими, морфологическими особенностями на территории большого агротехнического региона. В связи с этим такие признаки, как состав белка, крахмальность, содержание клейковины и микроэлементов, теряют идентификационное значение при сравнительном исследовании.

В результате технологического процесса получения, переработки и хранения сыпучих продуктов образуется смесь физических частиц различного размера, сохраняющих достаточно длительное время этот признак в большой массе, что позволяет использовать его в качестве идентификационного. Распределение большого количества физических частиц подчиняется законам вариационной статистики, на чем и основан предлагаемый метод.

Теоретически исходный объем вещества и отделенная от этого целого часть имеют одинаковые статистические показатели. Одним из таких показателей является размер частицы. Предлагаемый метод не требует специальной приборной базы, занимает мало времени и в случае несовпадения признака позволяет исключить данный объект из группы проверяемых объектов.

Метод основан на фракционировании представленных объектов с использованием системы сит с разным диаметром сеющего отверстия, взвешиванием полученных фракций на технических или аналитических весах в зависимости от природы объекта исследования. В дальнейшем

вес фракций выражается в процентах по отношению к общему весу исследуемого объекта и в таком виде данные подвергаются кластерному анализу[1]. В качестве переменных используются сравниваемые объекты, в качестве значений переменных - значения фракций. Кластерный анализ объединяет представленные объекты в кластеры с различной степенью родства, увеличивая пошагово доверительный интервал. Объединение на первых шагах свидетельствует о максимальном совпадении фракционного состава объектов исследования. На основании этого совпадения можно говорить об идентичности объектов, соединенных в данный кластер с высокой степенью вероятности. Напротив, объединение на последних шагах показывает значительные различия исследуемых объектов.



(Законченное соединение на 8 объектах)

Рис.1. Схема кластерного анализа для восьми образцов сахара

Представленный метод позволяет уже на данном этапе сформулировать вероятно положительный вывод об идентичности или о том, что представленные образцы ранее составляли единое целое и категорически отрицательный в случае различия фракционного состава представленных образцов.

---

[1] Девис Дж. С. Статистический анализ данных в геологии: Пер. с англ.: В 2 кн./ Под ред. Д.А. Родионова. Кн. 2. М.: Недра, 1990. 427 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, В КОТОРЫХ ИНСЦЕНИРУЕТСЯ УКУС ЯДОВИТОГО ЖИВОТНОГО

Р.Л. Ахмедшин, А.Н. Субботин

Убийства, совершенные с использованием холодного и огнестрельного оружия, удушения, наезды с летальным исходом – подобные события давно стали неотъемлемым элементом существования современного общества. Одновременно с этим преступления такого рода встречаются настолько часто, что порой появляется мысль, что у преступника существует достаточно ограниченная возможность варьирования modus operandi. Однако представлять себе преступное сообщество как нечто закостеневшее, лишенное творческого начала непозволительно для ученого-криминалиста. Так повелось, что по традиции основным методом, используемым криминалистами, является анализ уголовных дел (метод экспертных оценок). Учитывая низкий уровень раскрытия нетрадиционных видов преступлений, например серийных убийств, можно выдвинуть предположение о недостаточной эффективности использования метода экспертных оценок применительно к малораспространенным преступлениям. Малораспространенным или высоколатентным?

С тезисом о возникновении объективно обусловленных трудностей в расследовании преступлений, в отношении которых не существует соответствующей методики расследования, согласится любой криминалист. Создать подобную методику мешает нехватка эмпирического материала, собрать же эмпирический материал достаточно сложно без детально разработанной методики расследования. На выходе получается познавательный тупик.

Правильность данного тезиса наглядно демонстрирует методика расследования убийств, совершенных с применением гипноза. На существование (и достаточно часто встречающееся) этой группы преступлений указывало большое количество российских криминалистов, в их числе И.Н. Якимов, С.Н. Трегубов, И.С. Снегирев. Однако в связи с идеологическим давлением в нашей стране, где гипноз долгое время не признавался как научный факт, после 1920 г. теоретические исследования подобной методики были прекращены и практические рекомендации к расследованию были изъяты. Следствием этого явилось то, что из практики расследования подобные преступления также как бы исчезли. Возникает вопрос: что, после 1920 г. подобные преступления не совер-

шались? Конечно, это не так. Уместно подчеркнуть, что на теоретическом уровне данная методика и сегодня недостаточно исследована, поэтому следователи, на практике встречаясь с подобными преступлениями, оказываются не готовы к их серьезному восприятию, а тем более расследованию.

На наш взгляд, подобное положение дел характерно для преступлений, в которых фигурируют нетрадиционные виды орудия убийств[1]. Параллель с предыдущим примером проводится на основании отсутствия в криминалистической науке методики расследования подобных преступлений. Так, устоялось мнение, что убийства посредством отравления реализуются путем введения яда в пищу, напитки и т.д. Но ведь орудием преступления может выступать и ядовитое животное (или механизм, имитирующий его укус). Рационален вопрос, существует ли объективная необходимость для криминалиста в подобных сложных умопостроениях? Зачем преступнику использовать новый механизм совершения преступления, когда большое количество наработок уже существует? Аргументация здесь чрезвычайно проста – традиционному modus operandi противостоит детально разработанная система версий, оптимизирующая потенциал следователя, нетрадиционному – только возможность интуитивной догадки. Чтобы не ограничивать возможности следователя одними догадками, проиллюстрируем содержание следственных версий при расследовании убийств.

Типовые версии расследования всех убийств включают в себя собственно убийство, самоубийство, несчастный случай и естественную смерть. Рассмотрим версии об убийстве применительно к преступлениям, в которых инсценируется укус ядовитого животного. Их три. Первая версия – убийство с использованием ядовитого животного, вторая – убийство с использованием механизма, имитирующего ядовитый укус того или иного ядовитого животного, третья – имитация укуса ядовитым животным при укусе неядовитым.

Проверка версии убийства с использованием ядовитого животного достаточно проста. Уникальность орудия преступления предполагает уникальность профессионального опыта и (или) сферы интересов. Знание повадок ядовитых животных почти всегда предполагает наличие специальных навыков, например навыков герпетолога, змеелова или коллекционера животных. Содержание ядовитого животного дома практически не может быть сокрыто от членов семьи, круга близких лиц и

---

[1] При написании статьи авторы использовали материал, описанный в исторических источниках, в частности хрониках в инквизиции.

просто знакомых, посещающих место проживания лица, содержащего ядовитое животное.

Вопреки распространенному мнению, укус ядовитого животного, особенно змеи, летален отнюдь не всегда, так, при укусе гадюки в шею или голову смерть наступает примерно в 30 % случаев. Отсюда для преступника встает проблема оптимизации эффективности яда. Вероятность летального исхода повышается в случае укуса в некоторые части тела, например в шею, поэтому наличие подобного укуса всегда должно настораживать лицо, проводящее расследование. Факт использования ядовитой змеи в период ее линьки, когда повышается вероятность ее нападения на жертву ввиду повышенного уровня агрессивности в это время, – тоже не должен пройти мимо внимания следователя.

Некоторую информацию, подтверждающую или опровергающую рассматриваемую версию, следователь может получить от эксперта. При назначении судебно-биологической экспертизы следователю рекомендуется ставить перед экспертом следующие вопросы: о виде змеи; об ареале ее обитания; об активности в рассматриваемый период. Также необходимо выяснить, возможна ли адаптация ядовитого животного к условиям места преступления, если ареал его обитания не включает место преступления; его физиологические характеристики (возраст, размер, пол) на основе данных о последствиях укуса и т.д. Конечно, в экспертных организациях правоохранительных органов может и не быть необходимых экспертов, однако существование образовательных центров предполагает наличие в них специалистов, обладающих необходимыми познаниями в области биологии.

В процессе разработки рассматриваемой версии также необходимо выяснить, имеет ли обвиняемое лицо контакты с выходцами из мест, где установленный вид ядовитого животного является элементом биогеоценоза, или лицами, посещавшими указанные места.

Если орудием убийства выступает ядовитое животное, все относительно просто и легко подлежит проверке, в отличие от убийств при помощи средств, имитирующих укус ядовитого животного. Во втором случае нет необходимости в глубоких познаниях в области герпетологии и токсинологии, судебной медицины и иных наук. Здесь преступнику необходимо решить три основные задачи: по поиску яда; по созданию средства, имитирующего укус ядовитого животного; по обеспечению высокой вероятности летального исхода. Процесс приготовления яда достаточно прост и включает в себя следующие стадии: изъятие яда у ядовитого животного, обезвоживание яда, кристаллизация яда при достаточно низкой температуре и влажности, восстановление яда в физиологическом растворе, дистиллированной или обычной воде.

Задача по изготовлению средства для введения яда решается также достаточно просто: используется устройство, напоминающее вафельницу, у которой на верхней или нижней форме имеются имитаторы органов для ввода яда, через которые впрыскивается ядовитая жидкость. Подобное устройство конструктивно не сложно и может быть изготовлено в любой домашней мастерской. Характеристики имитаторов для ввода яда, например змеиных зубов или паучьих хелицер, можно взять в соответствующих справочниках. Из этого обстоятельства вытекает необходимость изучения следователем литературы, имеющейся у обвиняемого (подозреваемого), литературы, заказанной обвиняемым в библиотеках или взятой на время у знакомых. Добавим, что использование подобного приспособления решает проблему необходимой для смерти человека концентрации яда.

Возможность определить факт использования средства для ввода в организм яда существует, если при его сборке преступником не учтены некоторые технологические и конструктивные моменты. Так, при отсутствии в устройстве ограничителя имитаторов ввода яда следы проникновения имитаторов будут наблюдаться в эпидермисе, дерме, клетчатке, возможно, даже в мышечном слое, в то время как при реальном укусе ядовитым животным подобные следы могут наблюдаться максимум в дермальном слое. Установить факт использования средства, имитирующего укус ядовитого животного, можно также при отсутствии какой-либо мягкой прокладки между верхней и нижней формой, что приводит к возникновению гематомы на месте имитации укуса, что не является характерным при реальном укусе ядовитым животным. Наконец, отсутствие на месте укуса в некоторых частях тела (ладонь, локтевой сгиб, внутренняя поверхность рук и бедер, голень, возможно, шея) следов-царапин от неядовитых зубов и, наоборот, присутствие этих следов на других участках тела также говорит о факте имитации укуса.

Факт возникновения в месте впрыска яда элемента эмболии нами не установлен применительно к обеим версиям, хотя подобные исследования могли бы дать интересные результаты и пополнить арсенал эксперта-медика, фактически бессильного в рассматриваемых нами версиях.

Версия об имитации укуса ядовитым животным при укусе неядовитым или не смертельно ядовитым выдвигается скорее для того, чтобы предусмотреть все варианты произошедшего события, нежели с реальной надеждой объяснения произошедшего. Проверочным действием по данной версии будет являться постановка перед экспертом следующих вопросов:

• Соответствует ли след от укуса зубам (хелицерам) того или иного вида ядовитого животного, яд которого обнаружен в организме?

- Нет ли в месте укуса следов повторного укуса?
- Соответствует ли количество введенного яда размеру животного, следы от зубов (хелицер) которого имеются на трупе?

Отметим, что необходимость в подобном анализе обусловлена не «своеобразной гимнастикой ума авторов», а тем, что преступный мир образование, не исключающее творческого начала, и состоит не только из мелких карманников и убийц с топорами и кистенями, пистолетами и гранатами, гусиными лапками и фомками, но и личностей однозначно интеллектуальных и готовых к самоактуализации в любых формах. Подобная актуализация возможна и в нетрадиционном поиске решения проблемы и преимущественно нетрадиционными для криминалистической науки средствами. Разработка типовых версий для редко встречающихся преступлений необходима для того, чтобы между терминами «малораспространенное преступление» и «латентное преступление» не стоял знак тождества.

Вероятно, стоит также отметить положение, которое понимает любой криминалист, но которое мы обычно игнорируем в повседневной работе, – частота совершения экзотических преступлений достаточно мала, однако видовое количество подобных преступлений ограничивается только потенциалом воображения человека, а оно границ не имеет.

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О БАНДИТИЗМЕ

Т.Д. Пан

Согласно ст. 78 УПК РСФСР экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле.

Проведение специальных исследований предметов, трупов, документов и живых лиц с использованием познаний в определенных областях науки и техники (то есть экспертиза) - одно из следственных действий, имеющих место при расследовании бандитизма. Как таковую специфику имеет не само следственное действие - производство экспертизы, а тот набор характерных видов экспертиз, которые назначаются при проведении расследования бандитизма. В зависимости от следственной ситуации изменяется порядок и последовательность экспертизы, сущность же ее остается единой.

Так как бандитские нападения связаны с применением насилия или угрозой его применения, то основной экспертизой, проводимой для установления последствий бандитского нападения, является судебно-медицинская. Она определяет характер и степень повреждений, причиненных потерпевшему при нападении. Устанавливается степень вреда здоровью, определяется локализация повреждений с целью установления используемого орудия преступления и физических данных членов банды. Независимо от следственной ситуации этот вид экспертизы проводится сразу же после оказания медицинской помощи потерпевшему.

Когда преступники скрылись с места преступления, сведения об орудии преступления или физических свойствах лиц, нанесших повреждения, могут быть положены в основу розыска, а затем задержания преступников и проведения у них обысков с целью отыскания предметов - орудий преступления. После проведения осмотра места происшествия, если установлено, что было использовано огнестрельное оружие, назначается баллистическая экспертиза. Ей уделяется огромное внимание, так как с ее помощью устанавливается вопрос о вооруженности как обязательном признаке банды. На разрешение эксперта могут быть поставлены не только традиционные вопросы о характере произведенного выстрела, боеприпасов и других следов выстрела, но и установление возможности считать данное орудие оружием. В случае использования

холодного оружия для нападения на граждан и организаций проводится криминалистическая экспертиза холодного оружия с целью выяснения, является ли данный предмет холодным орудием, каков механизм его действия и другое. Наряду с огнестрельным и холодным оружием банда может обладать и взрывными устройствами. Поэтому при расследовании бандитизма частым является назначение экспертизы взрывных устройств, взрывных веществ и следов взрыва.

Зачастую на предметах, обнаруженных на месте преступления, имеются следы биологического происхождения. Для установления принадлежности их определенным лицам необходимо наличие специальных познаний, т. е. необходимо экспертное исследование. Это может быть дактилоскопическая экспертиза орудия преступления, частей транспортных средств, похищенных предметов и другое.

При нападении путем взлома дверей, запоров проводится трасологическая экспертиза следов орудий взлома. Если нападение производилось на открытой местности, то необходима трасологическая экспертиза следов ног и транспортных средств. Если при обыске изымаются отдельные документы, свидетельствующие об организации банды или, например, о вымогательстве, то может быть проведена судебно-почерковедческая экспертиза. Также часто при вымогательстве используется фоноскопическая экспертиза с целью идентификации голоса вымогателей и задержанных участников банды.

Особое внимание при расследовании бандитизма следует уделить дактилоскопической экспертизе, экспертизе оружия и экспертизе установления целого по частям. Эти следственные действия проводятся для установления обязательного признака вооруженности банды.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ДЕЛАМ О БАНДИТИЗМЕ

Т.Д. Пан

В своей деятельности по делам о бандитизме органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, вправе при осуществлении мероприятий, перечень которых установлен федеральным законом, использовать различные научно-технические средства и методы (фотографирование, видеосъемка, технические средства по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий на электронных телефонных станциях и т.д.). Кроме того, в оперативно-розыскной практике (в том числе по делам о бандитизме) в настоящее время достаточно широко используется такое нетрадиционное для нас техническое средство, как полиграф («детектор лжи»).

При использовании таких средств и методов следует соблюдать следующие требования:

1) они должны быть научно обоснованными;

2) они должны быть безвредными для человека;

3) применение научно-технических средств и методов должно отвечать целям и задачам оперативно-розыскной деятельности;

4) использование указанных средств и методов не должно противоречить нормам российского законодательства (в том числе Конституции РФ, УПК, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

5) наконец, использование научно-технических средств и методов в оперативно-розыскной деятельности должно соответствовать нравственным принципам и этическим требованиям[1].

Необходимо сказать, однако, что не все эти средства и методы однозначно воспринимаются в юридической литературе. Так, А. Ларин указывал: «В последние годы участились попытки компенсировать низкий профессионализм следователей и работников милиции внедрением в практику расследования приемов, связанных с использованием иррационального. Предлагаются допросы под гипнозом, применение «детек-

---

[1] См. об этом также: Козусев А. Законность применения в оперативно-розыскной деятельности научно-технических средства // Законность. 1996. №8. С. 32 - 33.

тора лжи» (полиграфа), привлечение к расследованию экстрасенсов, астрологов, гадалок, лозоходцев, использование в качестве экспертов собак («одорология») и т.п. ... Подобные ухищрения не только отвлекают силы и средства, достойные лучшего применения, но и приводят к следственным и судебным ошибкам. Настала пора установить в уголовно-процессуальном законе запрет приемов, ориентированных на использование иррационального, подсознательного, лишенных надежного естественнонаучного обоснования»[1].

Думается, что в данном высказывании довольно много натяжек. Одной из них является указание на возможность следственных и судебных ошибок вследствие применения указанных методов. Однако данные методы не используются (и не предполагаются к использованию) в качестве средств для получения доказательств, все они имеют лишь поисковое или ориентирующее значение, а результаты их носят вероятностный характер[2].

Другая неточность - это перечисление в одном ряду с использованием гипноза и полиграфа и привлечение к расследованию (а скорее - к раскрытию преступлений) гадалок, лозоходцев, астрологов и т.д. Мы согласны с А. Лариным в том, что использование экстрасенсов, астрологов и пр. не нашло своего научного обоснования и не подтверждено экспериментально.

Такие же методы, как гипноз и использование при опросе полиграфа, вполне научно обоснованы и отнюдь не являются «иррациональными». Признаемся, однако, что мы весьма осторожно относимся к использованию гипноза в оперативно-розыскной деятельности (но не из-за его «ненаучного» характера), что, представляется, данный метод осуществления такого оперативно-розыскного мероприятия, каким является опрос граждан, может повлечь серьезные последствия для здоровья опрашиваемого, а потому его нельзя рекомендовать к применению в ходе раскрытия преступлений.

Что же касается полиграфа, то его применение в ходе оперативно-розыскного обеспечения дел о бандитизме (так же как и по другим категориям дел) не только обосновано научно, но и безвредно для жизни и здоровья опрашиваемых, не противоречит ни нормам законодательства, ни этическим или нравственным нормам. При его использовании, одна-

---

[1] Ларин А. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК – 1997 // Государство и право. 1997. № 9. С. 9 - 10.

[2] Кроме судебной одорологии, уничижительно охарактеризованной А. Лариным как «использование в качестве экспертов собак». Между тем судебная одорология является весьма точной отраслью научных знаний.

ко, следует строго руководствоваться инструкцией «О порядке использования полиграфа при опросе граждан», утвержденной приказом МВД России от 28.12.1994 года.

Далее, по делам о бандитизме, так же как по делам о других проявлениях организованной преступности, особое значение приобретает необходимость использования данных информационно-справочных учетов, существующих автоматизированных информационно-поисковых систем и анализ и использование уже накопленного в отдельных подразделениях массива данных (о лицах, подозреваемых в причастности к действиям банд, о совершенных, расследованных и расследуемых преступлениях и т.д.).

К сожалению, в настоящее время имеющиеся информационные ресурсы используются крайне незначительно. Кроме того, они в значительной мере разобщены, разрознены. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, практически не обмениваются информацией между собой, что влечет ненужный «параллелизм» в работе, с одной стороны, а также возможный уход части преступников от ответственности, сложность установления состава бандитизма в ситуации, когда отдельные нападения совершались бандой в различных районах или субъектах РФ – с другой.

Наиболее оптимальным выходом из данной ситуации, безусловно, является разработка и внедрение в практику единой информационной сети для учета и анализа криминалистической информации. Это позволит проводить полномасштабный анализ такой информации, в полной мере использовать полезные наработки, снижать вероятность ухода отдельных участников банд от уголовной ответственности.

Однако уже сейчас, не дожидаясь внедрения такой системы, можно и нужно предпринять шаги в целях повышения эффективности взаимодействия различных служб (ОВД, ФСБ, налоговая полиция, администрация мест содержания под стражей и администрация исправительно-трудовых учреждений).

В оперативной разработке деятельности банды огромное значение может иметь спецтехника, которую необходимо размещать в местах сбора, а также совместного отдыха, времяпрепровождения членов банды. Возможно при разработке банды использовать и такое оперативно-розыскное мероприятие, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В ходе его осуществления необходимо пытаться обнаружить следы совершенных преступных деяний, орудия преступления, оружие, отпечатки пальцев и следов обуви членов группы, а также письма, дневники, фотографии и другие источники информации личного характера, из которых можно

почерпнуть сведения о составе группы, разделении ролей в ней и отношениях между ее участниками. Кроме того, допустимо проведение оперативных комбинаций, направленных на перемещение в безопасное место предметов и документов, подлежащих в дальнейшем изъятию и способных стать впоследствии вещественными доказательствами либо объектами экспертного исследования.

На этом этапе возможно также производство мероприятий, направленных на отыскание потерпевших от нападений, совершенных бандой, и свидетелей таких нападении, установление с ними контакта, преодоление возможной негативной их установки в отношении сотрудничества с правоохранительными органами и их опрос об обстоятельствах совершенных нападений.

Для создания оптимальных условий для производства в дальнейшем, после возбуждения уголовного дела, следственных действий возможно использование дополнительно таких способов, как предварительный осмотр места, где намечается задержание (в том числе с поличным) участников банды, уяснение, в каких помещениях необходимо будет немедленно после возбуждения уголовного дела производить обыски, уяснение того, существуют ли в банде тактические заготовки на случай провала группы, имеются ли у группы связи с коррумпированными работниками правоохранительных органов или органов государственной власти, и разработка планов по их нейтрализации, подготовка «камерной» агентуры и т.д.

При проведении всех указанных выше мероприятий необходимо применять специальную технику. Однако в реальной правоохранительной деятельности подразделений РУБОП - УБОП ощущается острая нехватка таких спецсредств и даже обычных научно-технических средств. Указанные обстоятельства негативно сказываются на эффективности борьбы с бандитизмом.

СОДЕРЖАНИЕ

Щедрин Н.В. Меры безопасности в системе уголовного права Германии 3
Савченко Д.А. Действие во времени уголовного закона об ответственности за государственную измену 5
Бунина С.В. Насилие как способ совершения преступления 8
Черненко Т.Г. Продолжаемые преступления 10
Швыдкий В.Г. О понятии наказания в УК РФ 1996 г 14
Антонов А.Г. Явка с повинной как элемент деятельного раскаяния 17
Карелин Д. В. К вопросу о социальной обусловленности принудительных мер воспитательного воздействия 20
Захцер Е. М. Особенности освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к ст. 291 и ст.204 УК РФ 23
Ольховик Н.В. К вопросу о классификации средств обеспечения режима испытания при условном осуждении 27
Уткин В.А. Перспективы уголовного наказания в виде ограничения свободы 29
Бортник Л.Ю. К вопросу о порядке реализации имущественных прав осужденных к лишению свободы 32
Тараленко К.Н. О некоторых проблемах осуществления индивидуальной профилактической работы ОППН в отношении условно осужденных несовершеннолетних 34
Порохов Ю.Н. Смертная казнь: признаки и особенности 38
Шепель Т.В. Отношения по оказанию психиатрической помощи: правовые аспекты 41
Скрипачева Ю.Г. Неправомерное поведение потерпевшего как необходимый элемент составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 107, 113 УК РФ 43
Литовская Э.А. Соотношение угона и других смежных составов преступлений 45
Воронина И.П. Бандитизм и разбой, совершенный с применением оружия организованной группой: проблема разграничения составов 48

Пилипенко В.Г. Некоторые проблемы уголовной ответственности за экологические правонарушения..... 50
Лозинский И.В. К вопросу о системе принципов криминализации деяний в сфере экономики..... 53
Алексейчук Е.В. Криминализация как способ имплементации международно-правовых обязательств Российской Федерации по обеспечению мира и безопасности человечества..... 57
Ударцева О.В. Экологическая безопасность как стандарт жизнеобеспечения..... 59
Абызов Р.М. Опыт типологического изучения личности несовершеннолетнего преступника..... 61
Завязочникова М.В. Обстоятельства, влияющие на поведение женщины, совершившей преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ..... 63
Бессонов В.М., Доронин Г.Н., Куницина Е.М. Некоторые вопросы изучения виктимологического аспекта краж с проникновением в жилище (по материалам г. Новосибирска)..... 65
Григорьев А.В. Некоторые психологические особенности личности корыстно-насильственного преступника в местах лишения свободы..... 68
Капитонов С.А. О сущности и содержании организационного аспекта правообеспечения, реализуемого органами милиции..... 71
Денисенко Т.К. К вопросу об усвоении правовых знаний слушателями экстерната Томского филиала РИПЭ Минюста РФ..... 73
Любарский А.Ф. Условия отбывания наказания как правовая категория..... 76
Уткина С.С. Международно-правовые основы реорганизации органов, исполняющих уголовные наказания без лишения свободы..... 79
Разбирин В.В. Проблемы правового регулирования отбывания наказания осужденных в строгих условиях в ИК общего режима..... 82
Разбирина Л.И. Социально-правовая характеристика осужденных-женщин, отбывающих наказание в ИК общего режима..... 87
Ценева В.В. Вопросы воспитательного воздействия на осужденных в местах лишения свободы..... 90
Детков А.П. Особенности личности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы..... 96

Коголь Т.Н. О некоторых пробелах правового регулирования реализации права осужденных на свободу совести и путях их преодоления..... 99
Демидов Д.В. Обжалование осужденными к лишению свободы действий администрации ИК в прокуратуру..... 101
Никитина И.А. Обман потребителей (ст. 200 УК РФ): вопросы теории..... 104
Якимович Ю.К. Еще раз о структуре уголовного процесса..... 107
Ракунов Д.А. Уголовный процесс и сфера уголовного процесса..... 110
Лонь С.Л. Понятие уголовного процесса в широком смысле..... 113
Лонь С.Л. Процесс правового регулирования отношений в сфере уголовного судопроизводства..... 121
Мартыняхин Л.Ф., Саморядова Е.В. Об опыте организации мировых судов в Алтайском крае..... 131
Трубникова Т.В. Виды особых производств в уголовном процессе России..... 133
Солодилов А.В. Производство по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа..... 139
Семухина О.Б. Производство по делам несовершеннолетних (сравнительно-правовой аспект)..... 143
Аверченко А.К. К вопросу об основаниях признания лица подозреваемым..... 148
Колмацуй А.А. Некоторые проблемы привлечения судей к уголовной ответственности..... 151
Левич Ю.А. Отказ в возбуждении уголовного дела в отношении судьи..... 154
Равинский В.В. Взаимодействие следователя прокуратуры с органами дознания как одно из условий повышения эффективности расследования уголовных дел об умышленных убийствах..... 156
Аверченко А.К., Лонь С.Л. О понятии механизма реализации прав подозреваемого и его элементах..... 159
Попов А.Н. Некоторые вопросы применения мер уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым..... 167
Свиридов М.К. Отношения следователя и защитника в процессе собирания доказательств..... 170

Андреева О.И. К вопросу о расследовании и рассмотрении дел в отсутствие лиц, в отношении которых ведется уголовное производство 174
Кулешов А.В. К вопросу о правах "заинтересованного лица" в ходе назначения и производства экспертизы на предварительном следствии 178
Мурышкина Т.А. Вменяемость обвиняемого как элемент уголовно-процессуальной дееспособности 183
Ясельская В. В. Заявление защитником ходатайств, направленных на собирание доказательств на стадии предварительного расследования 186
Потокина О.В. От защиты общественной к защите коллегиальной 190
Юркевич Н.А. О первой судебной стадии уголовного процесса 193
Харчикова В.Ш. Сущность обвинения, поддерживаемого прокурором в суде 195
Баксалова А.М. Участие прокурора в судебном разбирательстве 197
Воронин О.В. Особенности участия защитника при решении вопросов, связанных с исполнением приговора 201
Подрезов В.В. Проблемы практического применения норм федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 204
Тюрин Н.С. Понятие участника оперативно-розыскной деятельности 206
Зникин В.К. Оценка результатов оперативно-розыскной деятельности 210
Краснятов А.Ю., Лонь С.Л. О конституционном закреплении места прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации 213
Ким Д.В. Следственная ситуация: гносеологический и онтологический аспекты 221
Воронин С.Э. К вопросу о понятии судебной проблемно-поисковой ситуации 223
Букаев Н.М. Ситуационный подход при возбуждении уголовного дела 225
Синенко С.А. Виктимология и виктимность потерпевших 230
Реховский А.Ф. Пропавшие без вести (криминалистический аспект) 233

Шипунова О.Н. Типичные версии, выдвигаемые по делам о безвестном отсутствии граждан..... 236
Мезинов Д.А. Преступная мотивация как основание криминалистической классификации преступников..... 238
Ковалев А.И. К вопросу о месте индивидуального поведения в системе криминалистической науки..... 247
Сафаргалиева О.Н. Состояния человека и их место в психолого-криминалистической классификации преступников..... 250
Беспечный О.В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью..... 253
Псарева Б.В. Криминалистическая классификация преступлений, связанных с посягательствами на водителей автотранспорта и перевозимые грузы..... 256
Воропаев Г.С. К вопросу о совершенствовании тактики опознания трупа..... 259
Жегалов Е.А. Тактическая операция по собиранию информации о преступлении, способ приготовления и совершения которого связан с использованием электронной почты глобальной компьютерной системы Интернет..... 262
Якубенко Н.В. Ситуация как элемент механизма ДТП..... 264
Гринькин В.А. К вопросу о разработке криминалистической методики расследования убийства лиц, связанных с бизнесом..... 266
Дергач Н.С. Задачи первоначального этапа расследования квартирных краж..... 269
Фоминых И.С. Некоторые проблемы расследования неправомерного доступа к компьютерной информации..... 276
Сухоруких Э.А. Возможные аспекты применения биоритмологических данных в криминалистике..... 280
Гаврилин Г.Г. К вопросу о создании института судебных экспертологов..... 288
Краснова Н.В. Нетрадиционные методы исследования и право на защиту..... 292
Гиревой С.А. Проблемы судебно-психологической экспертизы аффекта на современном этапе..... 294
Федорак Е.И. Некоторые аспекты установления личности неопознанных трупов, подвергшихся воздействию огня..... 300
Безуглов М.В. Методологические основы становления судебной технико-криминалистической экспертизы пожаров..... 303

Леонов С.Н., Ракитин А.В. К вопросу о применении статистических методов при проведении идентификационных исследований сыпучих веществ..... 306
Ахмедшин Р.Л., Субботин А.Н. Некоторые аспекты расследования убийств, в которых инсценируется укус ядовитого животного..... 308
Пан Т.Д. Производство экспертиз по делам о бандитизме..... 313
Пан Т.Д. Использование научно-технических средств при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по делам о бандитизме..... 315

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 6

Редактор *Т.В. Зелева*
Корректор *В.Г. Лихачева*

Лицензия ЛР 040749 от 18.03.96 г. Подписано в печать 10.10.2000 г.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
"Таймс ". Усл. печ. л. 19,07; уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 300 экз. Заказ 76.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ПФ «Спринт», г. Томск, пр. Ленина, 2а